

ОГОНЁК
№ 25 ИЮНЬ 1953
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

У ВОСТОЧНЫХ ГРАНИЦ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК № 25 (1358)

21 ИЮНЯ 1953 31-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

На заводском дворе Тульского завода. Самоходные комбайны «С-4».

Фото А. Шевича.

Идут и идут эшелоны

Пока еще эти новенькие комбайны и молотилки стоят на заводских дворах. Пыль жатвы их не коснулась, они пахнут краской. Идет последняя проверка, заканчивается обкатка. Завтра их уже здесь не будет. Всю эту замечательную технику погрузят на железнодорожные платформы. Многочисленные эшелоны пойдут по магистралям нашей необъятной Родины.

Рассвет 22 июня 1953 года машины встретят в безбрежном море пшеницы. За штурвалы новых комбайнов станут испытанные сельские механизаторы. На полотно хедеров лягут первые ряды упругих колосьев нового урожая, «урожая мира», как его называют советские люди.

Двенадцать лет тому назад многие из нынешних комбайнеров встретили наступление этого дня среди гула орудий, грохота авиационных бомб и снарядов...

Немало полей, на которых сейчас волнуются хлеба, было в то утро объято пламенем, истоптано гусеницами танков, изрыто окопами, траншеями... Началась Великая Отечественная война.

Уже на третий год после окончания войны производство зерна в нашей стране было полностью восстановлено, а в прошлом, 1952 году валовой урожай зерна составил 8 миллиардов пудов.

Коммунистическая партия и Советское правительство уделяют большое внимание оснащению социалистического земледелия новой техникой. На колхозные поля выходят все более совершенные машины — тракторы, комбайны, сенокосилки, свеклокомбайны, льнокомбайны, хлопкоуборочные машины. В послевоенные годы создано 1 546 новых машинно-тракторных станций.

И вот идут и идут в адрес машинно-тракторных станций эшелоны с новой сельскохозяйственной техникой.

Харьковский завод «Серп и молот» готовит к отправке очередную партию молотилок. Фото Б. Вдовенко.

ПРОКУРОР РАЙОНА

Владимир ПОМЕРАНЦЕВ

Прокурор звонит в сельсовет: «Произведите оценку имущества...»

О чем говорит поступление большого количества жалоб? Хорошо это или плохо? Является ли это признаком скверного или, наоборот, благоприятного положения дел? Не торопитесь с ответом, не спешите менять вопросительный знак на восклицательный. Ведь обилие жалоб на столе председателя райисполкома, руководителя районной партийной организации или районного прокурора может свидетельствовать о прямо противоположных вещах — о том, что этот работник никуда не годится, ибо в районе много людских нареканий, и о том, что он прекрасный руководитель, справедливый, отзывчивый, умный, и поэтому люди идут к нему за правдой. Голая цифра поступления жалоб еще ничего не скажет о порядках в районе. В одном месте их будет лишь десять, и можно сильно обмануться этим шатким свидетельством тиши да глади. В другом их окажется несколько сот, и, может быть, здесь дела обстоят лучше всего. Ибо именно там, где соблюдение законов стало привычным, острей отзываются на малейшие отклонения от закона. Они тут нагляднее, они выпирают, вызывают заявления и письма в районный центр. Поэтому о порядках в районе надо судить не по наличию жалоб, а по тому, как они разбираются.

Вдумчивый борец за законность сам встревожится, заметя отсутствие жалоб. Ведь поводы к ним, наверное, есть, а без сигналов нельзя найти и устранить непорядки. Он сам отправится к людям, которые могут ему рассказать о нарушении законности, направить внимание на неполадки и мерзости, на корысть, на все, что мешает нам.

С таким упорным пытливцем мне посчастливилось столкнуться на Ярославщине. Это прокурор Ростовского района Константин Павлович Новиков, пожилой человек, без особых примет. Он хорошего телосложения и с правильными чертами лица, но описывать их мы не станем, ибо человек с другим очертанием лица может обладать той же силою действия. Несущественно, какие у прокурора глаза, — важно, чтобы они были прозорливы. К тому же Новиков не обладает своеобразным обликом или манерами. Иногда в его поступи — крестьянская тяжесть, в другой раз — мальчишечья легкость; одно дело он читает, подперев голову правой рукой, и сосредоточенно хмурится, а другое — быстро листает и немедленно пишет свой вывод. Так что по виду Новикова ничего определить невозможно. Это надо сделать по его разговорам с людьми, по его протестам в райисполкоме, докладам на собраниях граждан, выступлениям в народном суде. Вы услышите деловитую и образную речь человека подлинно государственных дел. Районный работник, он носит скромное звание юриста первого класса, но принадлежит к борцам за законность, борцам высшего класса. Городской юрист, во всеоружии его эрудиции, не справился бы с местными правовыми проблемами, через которые так удивительно пробивается Новиков. Но и не всякий искушенный в колхозных делах районный прокурор сумеет внести столько порядка в сложную, многообразную сельскую жизнь. Для этого надо быть прокурором по натуре, по характеру, по складу ума. И надо иметь партийное сердце. Такое просторное, чтобы для всего хватало в нем места...

Облик Ростовского района определяют овощные поля. Но он вовсе не однотипен, Есть ягодная сторона с большими садами. Есть чисто животноводческие артели. Есть места, где рыбачат. Есть такие болотистые: ни сушь, ни вода — ни рыбачить, ни сеять. В одних артелях колхозник шумит, если председатель два дня ему не дал наряда: трудодень здесь приносит ощутимый доход. В других — люди отрабатывают только обязательный минимум и стремятся в отход. Поэтому дел и забот здесь полно, и они очень различны. К тому же колхозы разбросаны; некоторые отдалены от районного центра на сорок километров, в заозерные места вообще не во всякое время проедешь, телефоны поставлены далеко не везде, а об автомобиле для прокурора его начальство не позаботилось. И вот при этих условиях Новиков проверяет в месяц в среднем двенадцать колхозов и знает не только всех председателей, не только счетоводов колхоза, но бессчетное множество жителей. И весь район знает его. Мне бросилось в глаза, что часто жалобы адресуются не в прокуратуру вообще, а лично районному прокурору, и обращаются к нему по имени-отчеству. Да и как можно не знать человека, после посещений которого одни люди радуются, а другим приходится каяться!

* * *

...Никогда не забуду сцены, виденной мной в приемной одного прокурора. Его дожидалось человек восемь крестьян. В кабинет к нему не пускали: он беседовал с каким-то важным приезжим. Беседовал долго. В приемной слышно было, как разговор то закруглялся, приближаясь к концу, то затевался опять. Люди терпеливо сидели, выходили курить, возвращались. Когда они пытались перекинуться между собою словечком, машинистка их сейчас же одергивала. Наконец дверь распахнулась, и докучливый посетитель ушел. Люди обрадовались. Но вслед за ним сейчас же вышел сам прокурор. Он скользнул недовольным взглядом по лицам и, не приглашая никого в кабинет, скороговоркой спрашивал: «Ну, ты что?», «А тебе чего?»... И тогда произошло неожиданное. Первый из спрошенных прищурил глаза, секунду — другую оценивающе посмотрел на прокурора и, ничего не ответив, направился к выходу. За ним, словно это было сигналом, вышел другой, потом третий... Растерявшийся прокурор был ошеломлен. Это послужило ему, вероятно, наукой на целую жизнь.

А к ростовскому прокурору люди тянутся, как он тянется к ним. Новиков не ограничивает своих приемных часов. Если он только на месте, без толку от него никто не уйдет. Посетитель здесь всегда во-время. «Откуда же, — объясняет мне Новиков,— человек может знать о моих приемных часах? Ведь он за двадцать — тридцать километров живет!»

Особенно много народа приходит в базарные дни, и тогда прокурор или его помощник не отлучаются. «Заходите, заходите! — говорит прокурор, увидя человека на пороге.— Давайте, давайте, чего дверью скрипите, лучше голосом скажите». Не удивительно, что в разговоре с таким прокурором посетитель выскажет все, что у него на душе. Не только личную обиду изложит, но расскажет о всех несправедливостях в правлении, на ферме, в бригаде. Отсюда и возникают постоянно дела.

Вот приходит старушка:

— Помоги, Константин Павлыч, нет мне житья.

— Опять дочь к печке не подпускает?

— Не подпускает. Ну, ни в какую! Я сама, говорит, теперь тут хозяйка, и все.

— Так вы делиться, что ли, задумали?

— Что ты! Что ты! Куда же это я от нее отделюсь?! Ото внуков-то! Разве можно!.. Ты только посовести ее, поучи, повнушай ей...

Прокурор просматривает свой план. Что-то записывает.

— Я у вас, бабушка, к концу месяца буду. Зайду к вашей дочери. Посовещу ее. Будьте покойны.

Посетительница начинает благодарить. Идет к двери, потом возвращается.

— И вот что еще я тебе, как правильному человеку, скажу. Очень уж наш агент, который налог собирает, того... И зачем только на должность сажают, если человек слабый к вину! Сказали бы ему: «Ты не годишься». Ведь он утром пьяный, вечером пьяный. А квитков мы не видим... Как бы не вышло беды...

— Вот как! Ну, тогда, бабушка, я буду у вас на этой неделе.

И озабоченно звонит после ухода старушки в райфинотдел.

Председатель колхоза излагает дела посложнее. Директор торфоучастка сманил большим заработком нескольких женщин, и они побросали работу в самый разгар... Пастухам необходимы резиновые сапоги и плащи, без них никто не хочет идти под дождь на луга. Правление согласно выделить на спецодежду три тысячи, но сомневается в законности такого расхода...

У председателя много вопросов, и прокурор тут же действует. Пишет грозное отношение директору торфоучастка. Звонит заведующему райсельхозотделом. Записывает в журнал суть своих ответов и разъяснений и продолжает разговор с посетителем:

— Пастухам надо дать. Протеста не напишу. Только чтобы свои пастухи были, а не наемные. Наймете — будет протест. Что устав говорит? Устав говорит, что допускается наем только лиц, обладающих специальными знаниями. А вы пасти скот нанимаете. Разбазариваете трудодни. Я прошлый раз видел, что творит ваш наемный пастух. Подобрал себе подпасков и стал вроде подрядчика. А подпаски эти стада не делят и пасти не умеют. Коровы у них не столько съедят, сколько затопчут. Их не перегоняют, не меняют участков. Оттого и удой у вас только на донышке. А вы приедете на луг, поглядите, отругаете — вот и все для них воспитание. Я уж и то райкому советовал пастушьи курсы создать. А насчет условий для пастухов вы моего протеста не бойтесь. Мочит их дождь, не досыпают они — им, конечно, надо получше условия.

Иногда бывают десятки посетителей в день. Но особенно укрепляют законность в районе личные поездки прокурора в колхозы. Он проверяет все решения правлений колхозов, заявляет протесты общим собраниям и в исполком райсовета против каждого ущемления прав членов артели и нарушений устава.

Председатель артели зачеркнул у неугодных ему колхозников по двадцати трудодней... Правление не выдало дополнительной оплаты колхозницам за выращенных ими телят... Бухгалтер списал сто семьдесят украденных куриц, избавляя воров от ответственности... Кандидат в председатели, не собравший нужного числа голосов, все-таки объявлен был председателем... Ничего не ускользает от прокурорского надзора. Это укрепляет в людях чувство уверенности в незыблемости прав, данных им Конституцией и Уставом сельхозартели.

В этой области настойчивость Новикова неоценима. Он, например, покончил со злом, которое в других районах еще часто вызывает нарекания женщин,— запоздалою записью производимых работ. Тут не встретишь теперь столь привычную ранее жалобу: «Я работала на буграх, на косогорах, на поле, всего не упомнишь, а бригадир чохом записал мне

потом половину». Действительно, кое-где трудодни записывались раз в два — три месяца. Но после того, как райпрокурор, не жалея усилий, всюду проверил счета и районные власти вызвали потом председателей и бригадиров, учет трудодней стал вестись безукоризненно.

Столкнувшись недавно с новым случаем несвоевременной записи, Новиков сейчас же составил протест в исполком райсовета. «Чтобы бригадиры не подумали, будто мы проверили и успокоились»,— объясняет он мне. Такой он неуемный...

И не идущий на компромиссы, надо добавить!

Нарсудья Софья Николаевна Трунилова назвала стосильной энергию, проявленную им в пресечении очень распространенного и тяжелого зла — пресловутой дебиторской задолженности. Различные организации брали в артелях продукты, требовали от них услуг и работ, а расплачиваться не торопились. Прокурор предписывал должникам рассчитаться, но из этого ничего не выходило. Они доказывали, что и им-де должны, в свою очередь, что у них срочные платежи и расходы. Начальники этих организаций были людьми, с которыми прокурор повседневно встречался. Он с этим не посчитался, как не посчитался и с собственным огромным трудом — собрал в колхозах расписки, квитанции, составил исковые заявления, выступил по ним от лица государства в народном суде и взыскал в пользу колхозов со своих добрых приятелей много безнадежных долгов.

Читатель поймет теперь, почему большое количество жалоб и исков иногда может быть показателем настойчивой охраны законности. Когда законы в районе не соблюдаются, колхозник не надеется здесь найти суд да управу и жаловаться сюда не идет. Черствому человеку он не только обиду свою не откроет, но не задаст и вопроса. А Новиков сейчас же вступается в дело.

Вездесущ глаз прокурора. Проникая в отдаленный колхоз, он, конечно, еще чаще задерживается на КПЗ — камере предварительного заключения в районной милиции. Можно не завидовать милицейским работникам, если прокурор обнаружит задержанного, о котором ему сейчас же не дали знать. Ведь тут уж протестов не надо писать: органы дознания непосредственно ему поднадзорны. Он проверяет все следственные дела в районной милиции и, если найдутся надуманные, становится грозен. Ибо у него и у местной милиции иногда не совпадают воззрения на право неприкосновенности личности. Последний раз, например, они разошлись по «самоварному делу»... Шли по лесу девчонки и куда-то несли старый, латаный большой самовар. Им навстречу — двое парней. Стали озорничать. Девчонки испугались и убежали, бросив свой самовар. Ребята его притащили домой и были задержаны на другой день за грабеж. Завелось целое дело. А когда прокурор опросил их, то оказалось, что самовар они унесли как раз потому, что не знали, как с ним поступить, и не решились его оставить в лесу. Так иногда возникают «дела».

Зато дела, передаваемые в суд прокурором, осмысленны и действительно нужны. Фингагент, пропивший собранные с колхозников деньги, сядет на скамью подсудимых, но проступка Новиков не превратит в преступление. Этим он решительно отличается от иного прокурора, подменяющего важнейшее дело охраны социалистической собственности делами о «глазунье из колхозных яиц». Пафос такого прокурора, выступающего с обвинительной речью,—это пошлость, от которой людям становится не по себе. Оратор в коричневом кителе с зелеными кантами, призывающий по мелкому поводу обрушивать тяжелые кары закона,— это всего только китель. Обвинитель играет на словесном баяне, но баян без клавишей, и слушателям неловко, нехорошо. А ростовская прокуратура заводит дела только о подлинных расхитителях, о настоящих ворах. Здесь не бывает того, что еще часто в других местах встречается, когда суды прекращают, как малозначительные, присланные им прокурором дела.

Очень взыскательно относящаяся к своей судейской работе Софья Николаевна Трунилова говорит о Новикове:

— У него не бывает неосновательно возбужденных дел.

Новиков показывает мне таблицы и карточки:

— Как видите, дела о хищениях у нас убавляются. Не скажу, чтобы быстро, а все-таки каждый год приблизительно на десятую часть. И вообще преступность снижается. Видите: графа об убийствах с 1950 года пустует. Конокрадство, поджоги — забытые вещи. Есть еще хулиганство да драки.

Дел в прокуратуре много. Но не от того, что беззакония выросли, а потому, что стали больше их выявлять: работники прокуратуры с народом связаны.

* * *

Читатель, не знающий существа и объема прокурорской работы, может получить из некоторых цифр представление о необычайной ее многогранности. В прошлом году районная прокуратура произвела 96 проверок состояния законности в колхозах, сделала по этим проверкам 30 представлений разным органам власти и принесла десятки протестов в исполком райсовета, составила 52 письменных указания следователям о ведении дел, давала заключения по сотням гражданских дел в народном суде и поддерживала обвинения по уголовным делам.

За тот же период прокурор провел, разъясняя законы, 6 семинаров с председателями колхозов, 4 — со счетоводами, 4 — с председателями сельских советов и 8 — с секретарями советов. Граждан принято более тысячи. Прокурор присутствовал на всех заседаниях исполкома райсовета и бюро районного комитета партии, членом которого он состоит. У прокурора только один молодой помощник — Е. А. Рукавишников. Над этими данными не худо задуматься людям, привыкшим работать с помощью больших штатов.

— А знаете,— говорит Новиков,— много нынешних наших забот через год — два отпадет. У нас ведь большие дренажные работы здесь замышляются. Часть уж предпринята, другие вскоре начнутся. Колхозы пойдут в рост, как зеленя. Тогда уж не будет половины вопросов, которыми мы сейчас занимаемся.

Да, в Ростовском районе пока много болотистых или запущенных земель, недостаточно крут поворот в агротехнике, и оттого небогато живут еще в ряде колхозов. Энергия, которую не щадит прокурор, направляется ныне преимущественно на упорядочение всевозможных хозяйственных дел. Разумеется, он не подменяет хозяйственников, а регулирует отношения, как представитель закона.

Прокурор какой-нибудь кубанской станицы не знает и десятой доли забот, поглощающих ростовского прокурора. И говоря об улучшении почв, Новиков мог бы с полным правом назвать и свою прокурорскую работу дренажной и агротехнической, потому что и он осушает болота и очищает почву от сорняков. Он — око государственное. Он не позволяет совершаться ничему неверному, ничему вредному для нашего дела.

Изжиты в районе грабежи, убийства, поджоги, но немало еще нарушений трудовой дисциплины и прав гражданина; будет это преодолено — встанут в новой обстановке другие вопросы, и центр внимания прокурора переместится в соответствии с жизнью. Но подлинный прокурор, страстный и неутомимый, Новиков он или Сидоров, всегда будет стражем законности, как любой советский работник, знающий, зачем он живет и какие ценности он защищает.

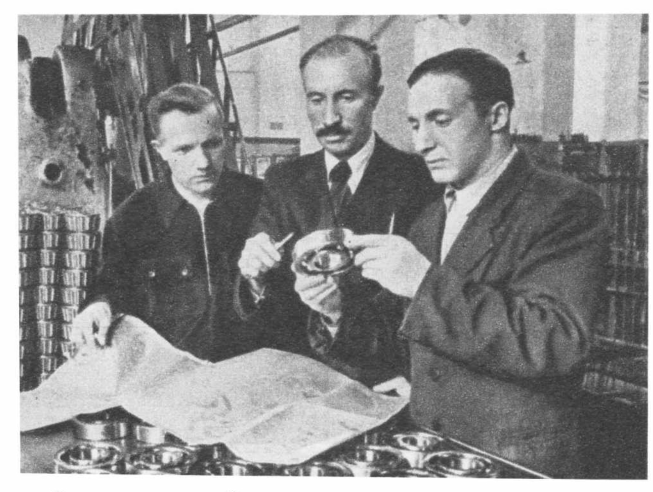
К. П. Новиков просматривает книгу протоколов общих собраний колхоза имени Кирова. Справа: председатель колхоза И. А. Федосеев.
Фото Г. Санько.

Станок Курочкиных

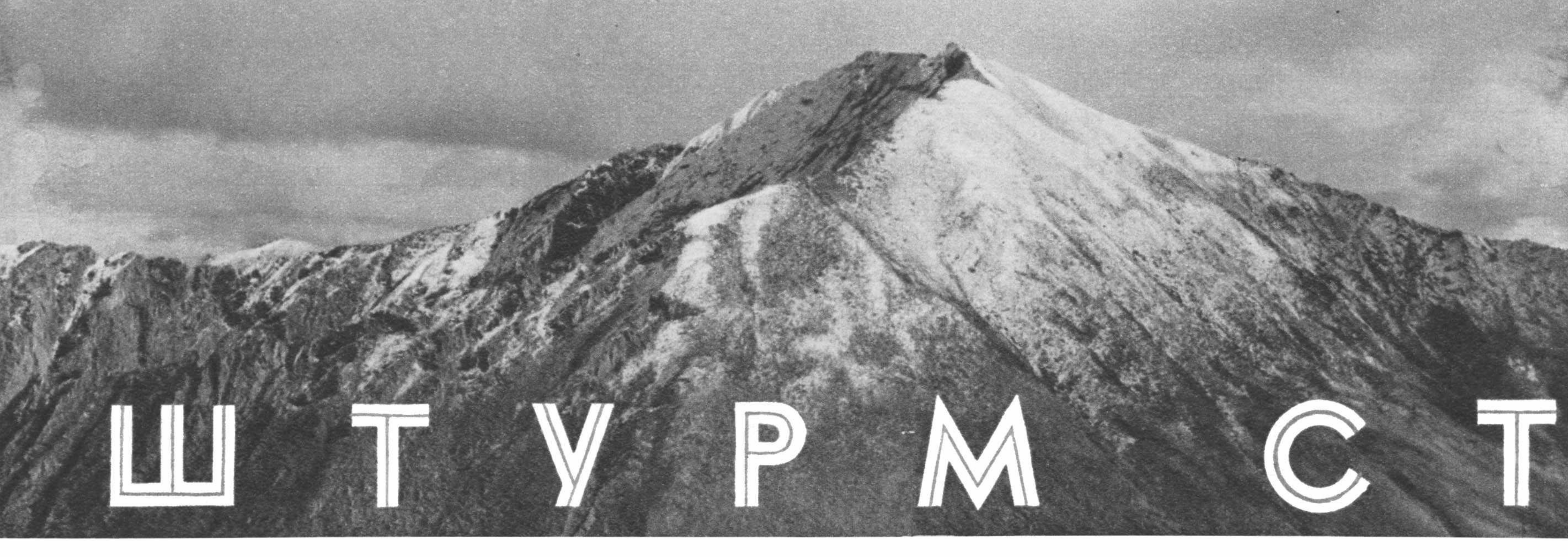
На Томском подшипниковом заводе почти каждый пятый работник — рационализатор или изобретатель, активно содействующий техническому прогрессу своего предприятия. Широко известна тут семья Курочкиных. Много лет работают на заводе технолог Георгий Александрович Курочкин и его сыновья — конструктор Дмитрий и слесарь Алексей. На их счету несколько десятков технических усовершенствований, рационализаторских предложений и изобретений, дающих ежегодно сотни тысяч рублей экономии.

Недавно семья изобретателей сконструировала оригинальный пневматический станок-полуавтомат. Он позволил увеличить производительность труда почти в шесть раз. Сейчас в сборочном цехе установлены четыре таких полуавтомата.

Изобретатели продолжают работать над новыми усовершенствованиями.

Слева направо: Дмитрий, Георгий Александрович и Алексей Курочкины.
Фото В. Лещинского (ТАСС).

Заметки начальника геодезической экспедиции

Г. ФЕДОСЕЕВ

Фото автора.

Карта нашей Родины — одна из точнейших в мире. Понадобились столетия, чтобы нанести на нее контуры морей, очертания горных хребтов, линии рек, границы равнин. Но не многие знают, сколько труда вложено в карту, как самоотверженно работали люди, определявшие высоты малодоступных гор, глубины морей. История знает имена многих героев, отдавших свою жизнь во имя маленького штриха, нанесенного на карту. Трудом советских геодезистов, топографов, географов стерты на карте «белые пятна», под которыми еще недавно скрывались огромные пространства тундры, тайги, пустынь.

На долю нашей экспедиции выпала задача — впервые обследовать один из малодоступных районов Дальнего Востока — стык трех хребтов: Станового, Джугджура и Джугдыра. На вершинах этих гор геодезисты должны были отстроить пункты — бетонные туры для установки высокоточных инструментов — и произвести с их помощью необходимые измерения. Топографам нужно было «распутать» речную сеть, дать название хребтам и урочищам, изучить рельеф, географам — собрать геологические, биологические и другие сведения.

В штабе экспедиции день и ночь не затихала жизнь: упаковывали снаряжение, продовольствие, отбирали инструменты, готовились в поход. Но прежде чем забросить отряды в районы будущих работ, нужно было подыскать там площадки для посадки самолетов.

Бригада техника Т. Пугачева на вершине Каменного пика с геодезическим знаком.

На рассвете наш самолет пошел в разведывательный полет. День был солнечный, и воздух необычно прозрачный. С высоты четырех тысяч метров Становой хребет был хорошо виден. Впереди, слева и справа лежали голубоватые цепи гор. Нас встречали их остроглавые вершины, то появлявшиеся, то исчезавшие за крылом самолета. Но вот Становой оборвался — круто и неожиданно. Самолет вдруг накренился, стал разворачиваться, и за правым крылом показалась Алданская низина.

Через три часа мы уже летели на юг. Самолет обошел Джугдыр и взял курс к своему аэродрому.

Спустя несколько дней вылетали первые отряды. Рано утром в штабе собрались начальники партий, командиры подразделений. Подписывали социалистические обязательства, договаривались о встречах. Тут были ветераны — участники многочисленных геодезических походов — и молодежь, недавно покинувшая стены учебных заведений. На столе лежала карта, пестревшая условными знаками. Кружки обозначали места, куда самолеты должны доставить отряды. Это естественные аэродромы: наледи [1], замерзшие озера, гладкие мари, отмеченные нами при полете. Все стрелки, указывающие направление маршрутов, обращены остриями к Становому. Там, на диких и малодоступных горах, геодезисты и топографы через несколько месяцев закончат свои работы.

На первой машине улетало подразделение комсомолки Е. Макаровой. Ее должны были высадить на пустынном берегу реки Гуонам. Не впервые Евдокия Макарова отправлялась в далекий и трудный путь. За три года работы в экспедиции девушка успела полюбить скитальческую жизнь геодезиста. Улетая надолго в тайгу, она, как всегда, была уверена в своих силах.

— До свидания, Павел Дмитриевич! — говорит она, обращаясь к своему «сопернику», технику П. Д. Смелову, опытному и неутомимому таежнику.

— Счастливого пути! Помните, жду на Становом. Только не запаздывайте! — отвечает Павел Дмитриевич, пожимая ее руку.

Самолет набрал высоту и исчез в голубом просторе неба.

Вторым улетал Павел Дмитриевич. На его долю выпал самый тяжелый маршрут — двигаться к Становому вдоль Джугдырского хребта, по ущелью реки Маи. В середине ее течения на протяжении более ста километров нет прохода ни для человека, ни для оленей. «Если бросить бревно в верховье Маи, то оно до устья не доплывет, измочалится!» — так говорят про Маю эвенки.

Три дня не утихал на аэродроме гул моторов. Улетали геодезисты, топографы, астрономы. Подразделение инженера А. Виноградова высадилось на наледь северо-западнее Станового; астронома В. Каракулина отвезли к отрогам Джугджура; партию топографа М. Закусина — на озеро Лилимун; техника Г. Курносова — на реку Учур; инженера И. Узданова и техника К. Лебедева — на реку Зею.

Последним провожали техника Трофима Васильевича Пугачева. Он должен был первым обследовать Становой.

Из якутских и эвенкийских колхозов к местам, где высадились полевые подразделения, спешили каюры с оленями, чтобы обеспечить отряды транспортом.

Работу начали до прихода весны, и с первых же дней завязалась борьба со стихийными силами природы. Всюду людей подстерегала опасность: ломался лед, реки выходили из берегов, в горах свершались обвалы. Отрядам А. Виноградова и Г. Курносова путь преградили лесные пожары. На участке Е. Макаровой не оказалось ягеля — корма для оленей, — и вся тяжесть переброски грузов легла на людей. У топографа М. Закусина затонула лодка с продуктами.

Но люди, преодолевая топкие мари, скалистые гряды гор, упорно продвигались вперед. И чем ближе к цели, тем сильнее разгоралось соревнование, кто первым достигнет цели.

Поздно осенью, когда передовые отряды уже находились на подступах к Становому, мы получили сообщение, что техник Т. Пугачев заболел в горах и не смог отстроить пункт на одной из вершин Станового — Каменном пике. Работы на пике должен был завершить техник П. Смелов, но и о нем не было сведений более месяца. Где-то в тайге затерялся и инженер В. Каракулин, которому поручались астрономические работы на вершине. Как быть?

Я решил вылететь на этот участок.

Нас высадили на узкой косе, в верховье реки Зеи. Со мною были радист Иван Евтушенко, любитель таежных приключений, и мой неизменный спутник Василий Мищенко — следопыт и охотник. Всех нас одолевало сомнение, сможем ли мы взобраться на отроги Станового с южной стороны хребта.

— Смотреть будем, — говорил наш проводник Семен Трифонов, эвенк из колхоза «Ударник». — Давно-давно, когда я маленький был, один раз с той стороны хребта сюда кочевали. Теперь люди тут не ходят, тропа совсем потерялась...

— А сколько тебе лет, Семен Григорьевич? — спросил Василий, помогавший ему вьючить оленей.

— Еще два года живи — восемьдесят будет.

Трифонов был маленьким, чуточку сгорбленным и совсем старенький. Глубокие морщины покрывали его лицо.

Караван вел Семен Григорьевич. Тропы не было. Шли вдоль Зеи, пробираясь по зарослям, пересекая мари. Вечером случайно наткнулись на следы людей и оленей.

— Русские проходили, — сказал старик, показывая на отпечаток ботинка.

— Неужели наши? — спросил его Василий.

— Других людей тут нету, — ответил старик.

Мы свернули по следам к реке. На берегу стояла толстая лиственница. На ее стволе кто-то написал углем. Это было своеобразное письмо инженера Узданова. Он просил тех-

---

[1] Наледь — вода, выступающая зимой поверх льда на реке.

ника Лебедева помочь ему доставить продукты в верховье Зеи. В конце письма приписка карандашом: «Вчера видел в бинокль людей на Каменном. Они поднимались на пик. Видимо, Пугачев выздоровел и приступил к работе».

На той же лиственнице я написал Лебедеву: «Срочно нарочным предупредите Узданова, пусть немедленно двигается с инструментом на Каменный пик, а после завершит работу на второстепенных вершинах».

Обрадованные сообщением о Пугачеве, мы стали продвигаться вперед и на второй день достигли подножья Станового. Отряд расположился на крошечной лужайке, примостившись у входа в ущелье. Семен Григорьевич куда-то ушел и вернулся поздно.

— Сюда ходи, туда не ходи,— говорил он, показывая на два ущелья, расположенные под тупым углом друг к другу.

Утром тронулись в путь. Расщелина становилась все уже, и казалось, что нависшие скалы вот-вот оборвутся и раздавят нас.

— Мы тут не пройдем с оленями, — сказал я, обращаясь к Семену Григорьевичу.

Он не ответил и продолжал взбираться. Его маленькое тело изгибалось между камнями. Там, где я прыгал, он по-детски сползал. Вот и край первой террасы. Подступы к следующей прикрывал темнозеленый ельник, уже расшитый осенним узором. Изумительно нарядна и красива тайга в это время года! Тут и пурпурно-оранжевые цвета, и красные, и пунцово-серебристые. Справа и слева по гребням золотистой бахромой убегал далеко вверх березняк. А еще выше и дальше, уже на фоне голубого неба, виднелись заснеженные вершины, разъединенные глубокими седловинами. Вся эта величественная панорама освещалась косыми лучами солнца и прорезалась сверху донизу серебристым ручейком.

Весь день рубили проход через сланниковую крепь. Наконец вечером отряд достиг седловины, названной нами Ивакским перевалом. Это естественная граница Якутской АССР и Амурской области.

За перевалом неожиданно мы увидели дым костра, а затем и палатки.

— Люди!.. — крикнул обрадованный Семен Григорьевич.

Это оказалось подразделение П. Смелова, поднявшееся к перевалу с северной стороны и направляющееся к Каменному пику. Что может быть радостнее такой встречи!

Спешим поделиться новостями. Василий Мищенко, словно подзадоривая Смелова, говорит ему:

— Ты, Павел Дмитриевич, поторапливайся. Обгонит тебя Узданов. Ему тоже приказано на пик подниматься.

— Узданов? — переспросил Смелов. — Странно. Что же, думаете, наш отряд самостоятельно не справится?

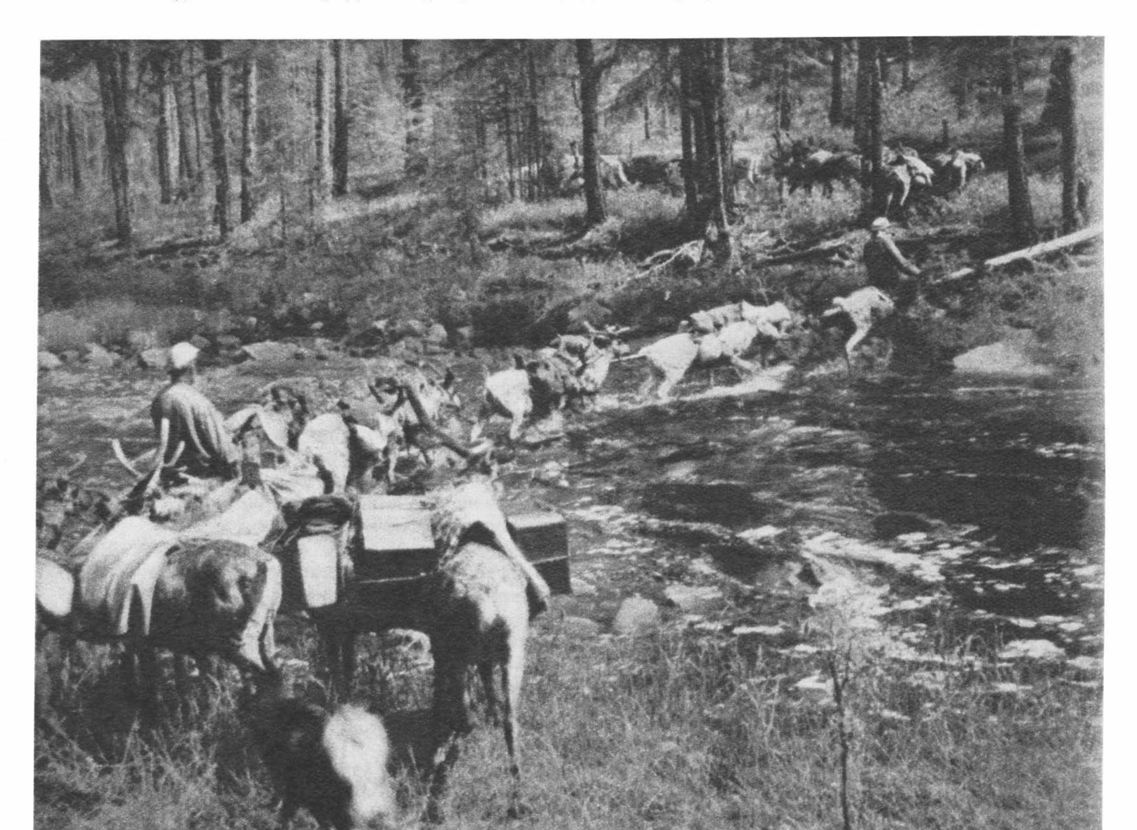
Я ничего не ответил. Но по лицу Смелова пробежала тень огорчения. Однако сейчас было не до споров.

Мы спешно поставили палатки, установили радиостанцию и связались с соседями. Нам сообщили: подразделение инженера Макаровой вышло к Каменному пику по Утукскому ущелью; астроном Каракулин двигается сле-

На отроге Станового хребта Василий Николаевич Мищенко. Он постоянный проводник-охотник, работающий в экспедиции 15 лет.

Геодезический отряд на переправе. Впереди — С. Трифонов, позади — Н. Лиханов.

дом за Смеловым. Приятные вести! Но из штаба поступила и менее приятная: синоптик предупреждал о непогоде. Это встревожило нас.

Через час на горизонте появились серые космы тумана, медленно двигавшегося со стороны Охотского моря. Похолодало. На вершинах гор зашумел ветер.

Ужинали поздно. С большим удовольствием все пили чай.

— Степан, подливай, — суетился Павел Дмитриевич, подкладывая нам свежеподжаренные лепешки.

Прихлебывая чай, Смелов неторопливо говорил:

— Не было никого на Мае, и век не ходил бы по ней. Дикая река. Но уж очень красива! Сплошь скалы, все больше из мрамора — и белого, и голубого, и розового. Много городов можно построить из майского мрамора. Видно, скоро очередь и до него дойдет...

Через час лагерь спал. Тьма окутала горы. Обеспокоенный непогодой, в полночь я вышел из палатки. По склону перевала, словно тени, бесшумно бродили олени. Беззаботно журчал ручей. Донесся грохот скатывающихся камней. Он повторился еще и еще, только дальше.

У Смелова в палатке светился огонек. Я зашел к нему. Он сидел у раскаленной печки.

— Не спится, Павел Дмитриевич?

— Что-то не хочется... Зачем еще и Узданова сюда направили? Не надеетесь на меня, что ли?.. — вдруг резко спросил он.

— Рисковать не время, — ответил я, присаживаясь рядом. — Не сегодня, так завтра выпадет снег, завалит проходы. Значит, экспедиция не завершит половину работ. На подступах к пику три отряда...

Он ничего не ответил. Я налил в кружку чаю, и мы с полчаса молча просидели у печки.

К утру сильно похолодало.

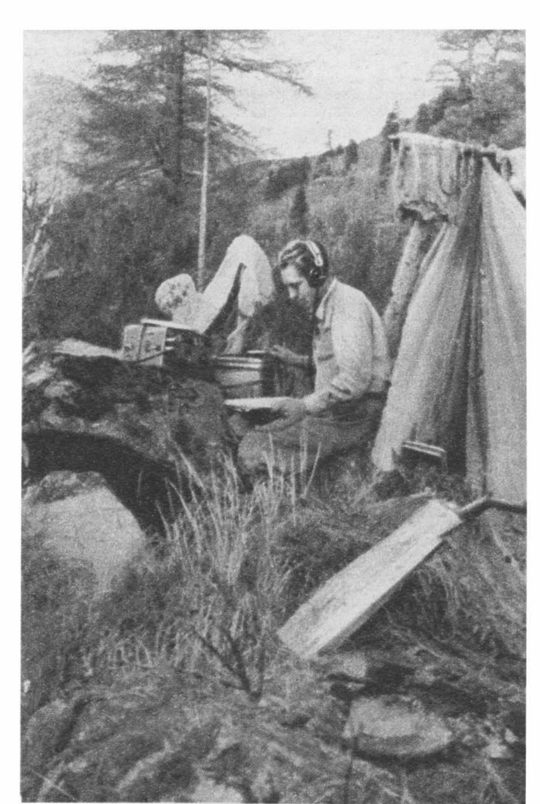
— Торопиться надо, кажется, снег пойдет, худо будет, — будил нас Семен Григорьевич, заползая в палатку.

Павел Дмитриевич уже свертывал лагерь, готовясь в поход.

Через час мы поднимались по крутому подъему. Узкая тропа вывела нас наверх, и взору открылась широкая горная панорама.

Угрюмая вершина Каменного пика заметно возвышалась над окружающими отрогами. Он казался неприступным под охраной скал. А дальше, правее и позади,— всюду вырисовывались гольцы: пирамидальные, тупые, остроконечные, рассеченные щелями.

Олени с трудом преодолевали подъем. В опасных местах люди на себе перетаскивали груз. Но каково же было наше разочарование, когда, после многих усилий, поднявшись на хребет, мы увидели впереди глубокое ущелье, перерезавшее дорогу к пику.

Радист Иван Евтушенко принимает по полевой рации сводку от соседей.

Все попытки спустить караван в ущелье не увенчались успехом. Ребристые стены скал да крутые откосы оказались непреодолимыми для оленей.

Каюры помогли нам снести груз вниз и вернулись на хребет. Не ушел только Семен Григорьевич.

— Я помогать буду, на гору пойдем вместе, — говорил он, подбадривая себя.

Мы расположились лагерем на берегу бурного потока, пропилившего себе глубокий проход по дну ущелья. Костер и чай были нам наградой за испытание!

На пик шло семь человек. Смелов и радист Евтушенко на носилках несли инструмент. Семен Григорьевич шел впереди, угадывая дорогу необъяснимым чутьем, присущим только жителям гор. Снова те же препятствия — террасы, россыпи да заросли цепких кустарников. Камни, срываясь из-под ног, катились вниз. Преодолев крутой подъем, мы выбрались на край гребня.

— Дальше идти не могу, — вдруг заявил Семен Григорьевич, когда все собрались наверху.

Пришлось с ним распрощаться. Проводив нас, старик спустился в лагерь.

Между тем разгулялся ветер. Нужно было искать убежище. Между обломков скал мы обнаружили площадку, и здесь у маленького костра экспедиция решила коротать ночь. Было очень холодно.

— Неужели будет снег?.. Тогда нам не выйти на пик! — тревожно сказал Смелов, подбрасывая в огонь дрова.

— Все равно не отступимся!.. — буркнул Василий и, натянув на голову плащ, сжался в комок.

Ветер продолжал завывать. Пошел снег. В ту ночь никто не уснул.

Наступило утро. Поредевшие облака лениво ползли на запад. Наспех позавтракали и стали подниматься к пику, прятавшемуся под серой шапкой тумана.

Идти по снегу было скользко. Подъем становился все круче и круче. В час дня мы уже были в двух километрах от вершины. И вдруг снова надвинулись тучи, поднялся буран. Мы остановились.

— Нужно идти, — настаивал Смелов.

Он явно нервничал. Его поддерживал Василий.

— Чего оробели? Живые люди. Не пропадем! Там, на вершине, в скалах, переждем непогоду.

Я настоял оставить инструмент и часть груза наверху, а самим вернуться к кромке леса. Спускались долго. Добравшись до сланника, развели костер. Вечером ветер затих. Показались пятна голубого неба. Мы, не задерживаясь, снова стали подниматься на вершину.

— Медведь, что ли?.. — спросил Евтушенко, показывая на склон Каменного пика.

Павел Дмитриевич посмотрел в бинокль.

— Кажется, Узданов! Откуда его принесло? — произнес он и с упреком посмотрел на меня. — Говорил, надо идти, вот и прозевали первенство.

Мы выстрелом предупредили взбиравшегося наверх человека о своем присутствии и, не задерживаясь, стали пробираться вперед.

— Да это ведь Макарова! — крикнул кто-то.

Действительно! На кромке пика нас встречала Евдокия Ивановна со своими спутниками. Крепкие рукопожатия, приветствия, расспросы.

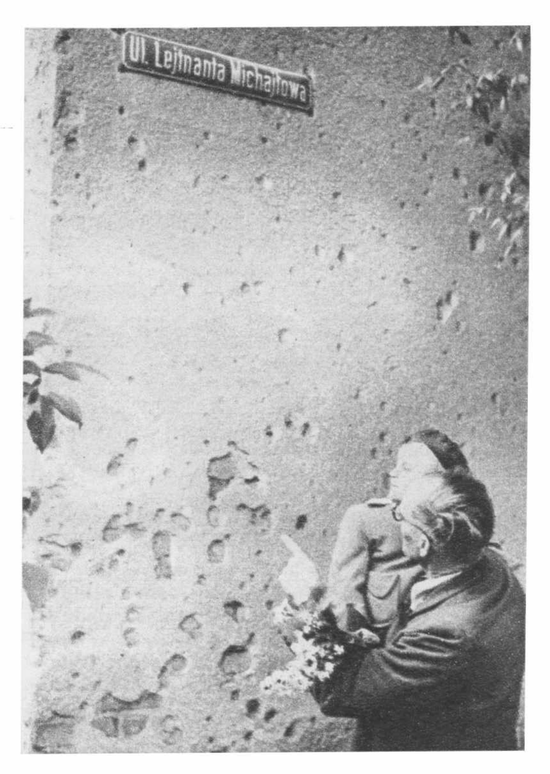
— Где же это вы, Павел Дмитриевич, задержались? Вот и назначай вам свиданье! — шутит девушка.

— Опоздал...— отвечает он и, улыбнувшись, горячо поздравляет Евдокию Ивановну с победой.

На бетонном туре уже стоял инструмент. Пользуясь вечерним освещением, Макарова приступила к наблюдениям.

Я подошел к краю пика. Под нами лежал Становой с его зубчатыми отрогами. Всюду виднелись бесформенные громады гор.

В числе первых людей, пришедших на эти горы, советские геодезисты, топографы. На карте Родины исчезло еще несколько пунктирных линий рек, неясные изображения хребтов.

Монтер Людвик Мрозек с дочкой на улице лейтенанта Михайлова. На стенах дома следы пуль и осколков.

Улица лейтенанта Михайлова

В Грудзёндзе, древнем польском городе, есть улица лейтенанта Михайлова.

Рядом со старинными зданиями — леса новостроек. В самом начале улицы перед жилыми домами — детская площадка, напротив — финансовый техникум, а за небольшим мостком, перекинутым через ручеек,— весь в цвету Ботанический сад. Потом снова идут двух-трехэтажные жилые дома, стоящие в зелени садов. И в самом конце улицы, в огромном бывшем палаццо,— Дом ребенка, в котором воспитываются маленькие граждане Грудзёндза.

На улице Михайлова часто можно встретить молодежь. Вот и сейчас группа девушек идет нам навстречу. Знакомимся. Это студентки финансового техникума. Мы спрашиваем одну из них:

— Знаете ли вы, кто такой лейтенант Михайлов?

— Конечно, знаем. Это советский офицер, погибший на этой улице, когда освобождали Грудзёндз от гитлеровских захватчиков.

Такой же ответ мы услыхали и от монтера местной электростанции Людвика Мрозека. С дочкой Басей он стоял у углового двухэтажного дома, на стенах которого видны следы пуль и осколков. Старый рабочий сказал:

— Меня от смерти спасли советские воины...

Подробности об этой улице мы узнали позже, когда в президиуме городского Народного совета нас познакомили с преподавателем педагогического техникума Владиславом Латушинским. Он работает над книгой «Серый дом». Основываясь на воспоминаниях очевидцев и документах, Латушинский намерен рассказать историю освобождения города советскими войсками, рассказать о подвиге лейтенанта Михайлова.

...Это было весной 1945 года. Отступая под сокрушительными ударами Советской Армии, гитлеровские войска попытались закрепиться в крепости Грудзёндз. На улицах завязались жаркие бои. Взводу лейтенанта Сергея Михайлова выпала задача — изгнать противника из района Ботанического сада. Несколько дней подряд бойцы очищали дом за домом. Здесь и погиб Сергей Михайлов.

Когда советские воины двинулись дальше на запад, жители города собрались у серого дома, где был убит Михайлов. С волнением слушали они рассказы очевидцев о героической смерти советского офицера. Городские власти удовлетворили просьбу граждан города, назвав старинную улицу именем лейтенанта Михайлова.

Древний Грудзёндз сейчас выглядит молодо. Подняты из руин, расширены и реконструированы фабрики и заводы. В городе в два раза больше рабочих, чем было до войны. Чуть не на каждом шагу читаешь объявления: срочно требуются рабочие. Тут много учебных заведений, которых раньше не существовало,— их двери широко открыты для детей рабочих, крестьян, трудовой интеллигенции. Молодежь Грудзёндза учится в техникумах: химическом, электротехническом, полиграфическом, сельскохозяйственном, на многочисленных курсах.

— В наших библиотеках полно народу,— говорит Владислав Латушинский.— Большим спросом пользуется советская литература. Около шестисот человек изучают русский язык.

Мих. ЯРОВОЙ

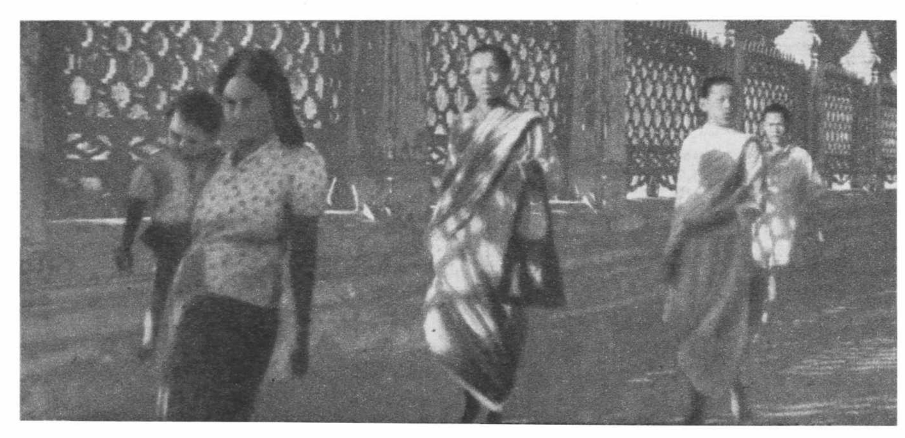
В ТАИЛАНДЕ

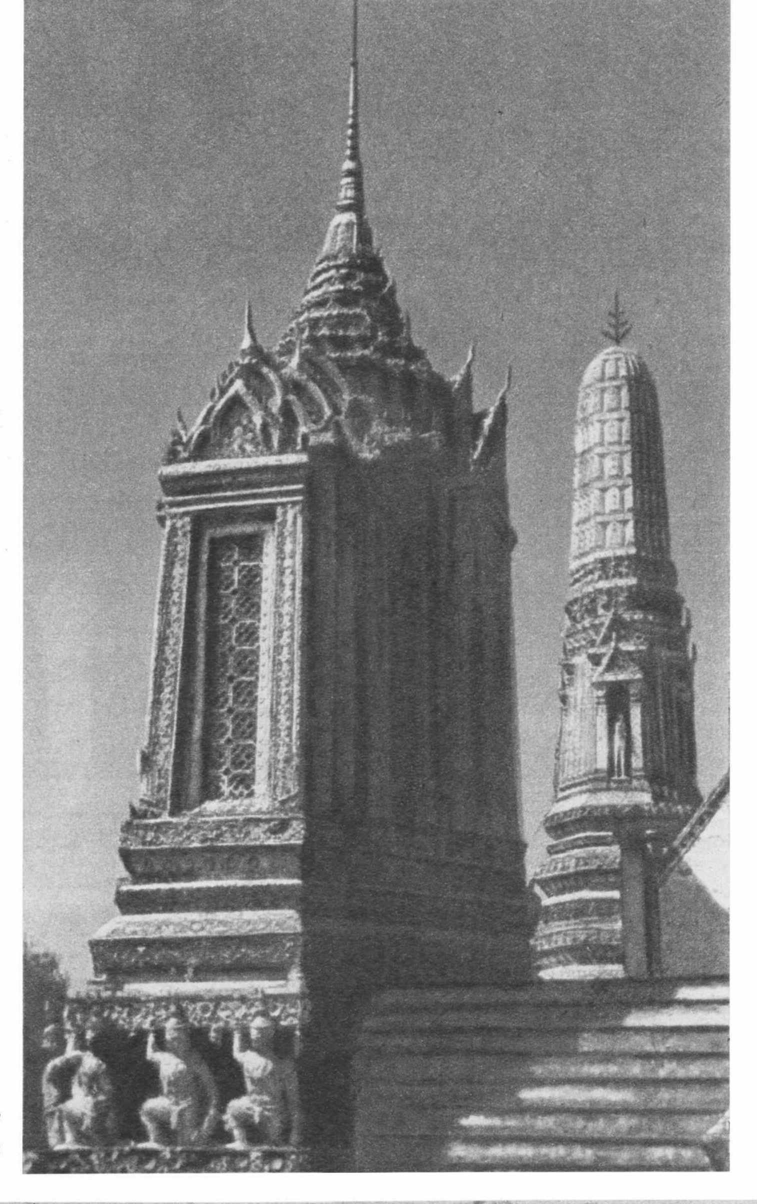
Путевой фотоочерк

А. АНТИПОВ

В Таиланд мы прилетели на самолете. В течение последних двух часов полета были отчетливо видны высокие горы, покрытые густыми джунглями. Затем горы сменились широкой панорамой рисовых полей, разрезанных каналами. Быстро проносились редкие селения; по сравнению с другими странами Юго-Восточной Азии Таиланд заселен сравнительно слабо: на его территории, в два с лишним раза превышающей территорию Англии, проживает около 18 миллионов человек. Из них почти миллион — в Бангкоке.

Столицу Таиланда Бангкок с севера на юг пересекает широкая, с мутножелтой водой река Чао-Прайя (Менам). Сооружения бангкокского порта возвышаются на фоне ослепительно блестящего моря. Этот порт — один из крупнейших в Азии. Здесь можно встретить почти все флаги мира. Отсюда за границу непрерывным потоком идут богатства Таиланда — рис, олово, каучук, тиковое дерево.

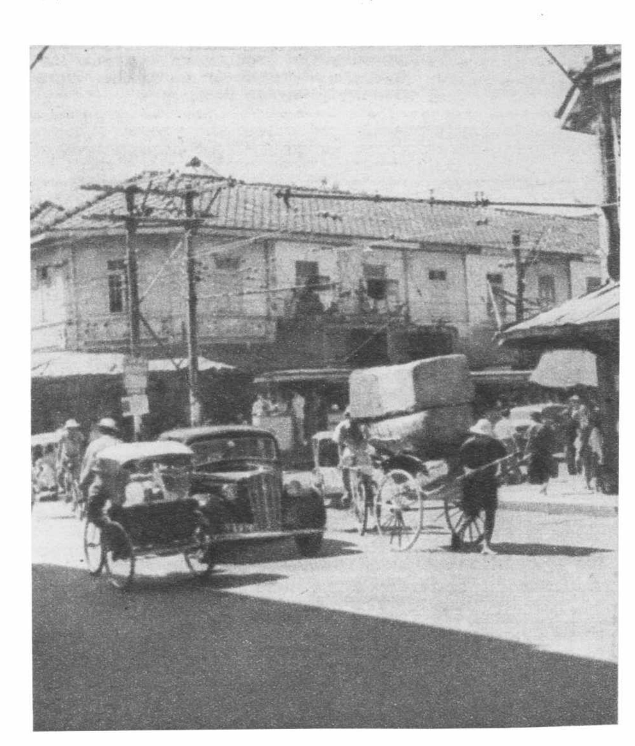

Первое, что бросается в глаза, когда попадаешь в Бангкок, — высокие белокаменные шпили храмов, украшенные орнаментом. Их в столице Таиланда насчитывается свыше трехсот. В городе живет много монахов. По утрам они отправляются на рынки и выпрашивают у верующих продовольствие на день.

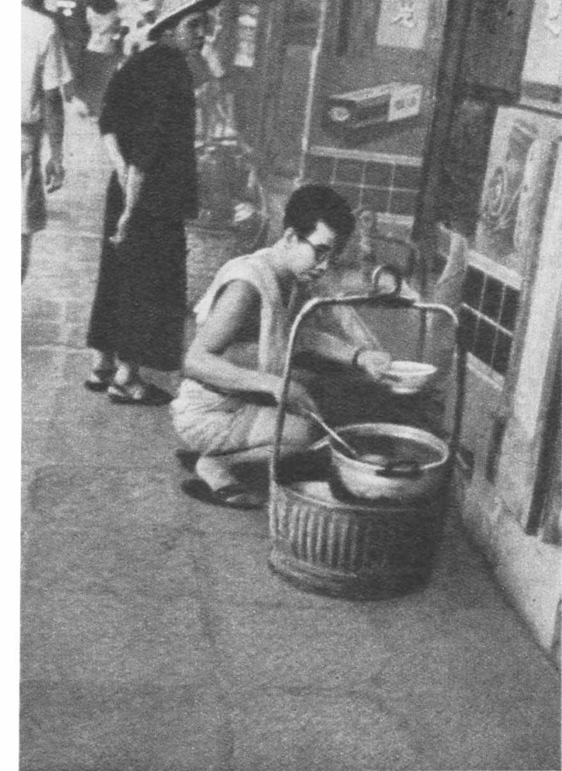
В самом центре Бангкока к каменным стенам зданий прижались лачуги бедняков. Но для многих и такое жилище является роскошью. Они всю жизнь ютятся на каналах в джонках, накрытых бамбуковой сеткой. Воду для приготовления пищи берут прямо из канала, что приводит к массовым заболеваниям. Вот «улица» таких жилищ. Сообщение между ними поддерживается на утлых лодчонках.

На улицах Бангкока среди трамваев, иностранных автомашин, велосипедов вы можете встретить массу рикш-«педикэбщиков». Вручную перевозятся и тяжести.

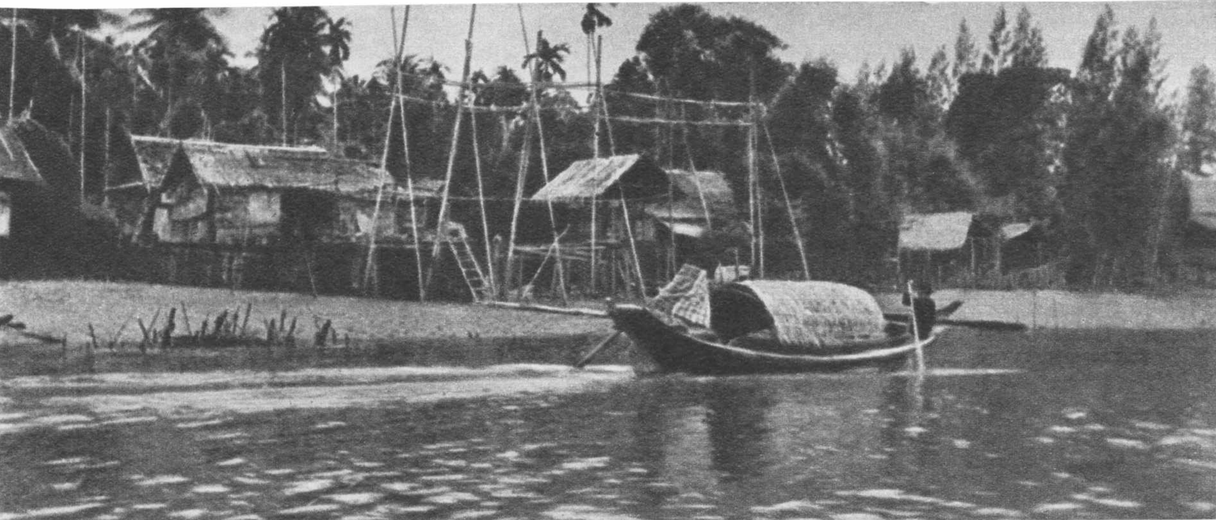

Трудовое население Таиланда живет в крайней нужде. На сахарных заводах северо-восточной части страны рабочий за 90—100 батт в месяц (этих денег не хватает даже на нищенское существование) вынужден работать по 18—20 часов в сутки. Хотя базары Бангкока полны овощей, трудящиеся столицы голодают. Порченый рис, гнилая рыба — вот пища бангкокского труженика. В лучшем случае он утоляет голод на улице у переносной кухни.

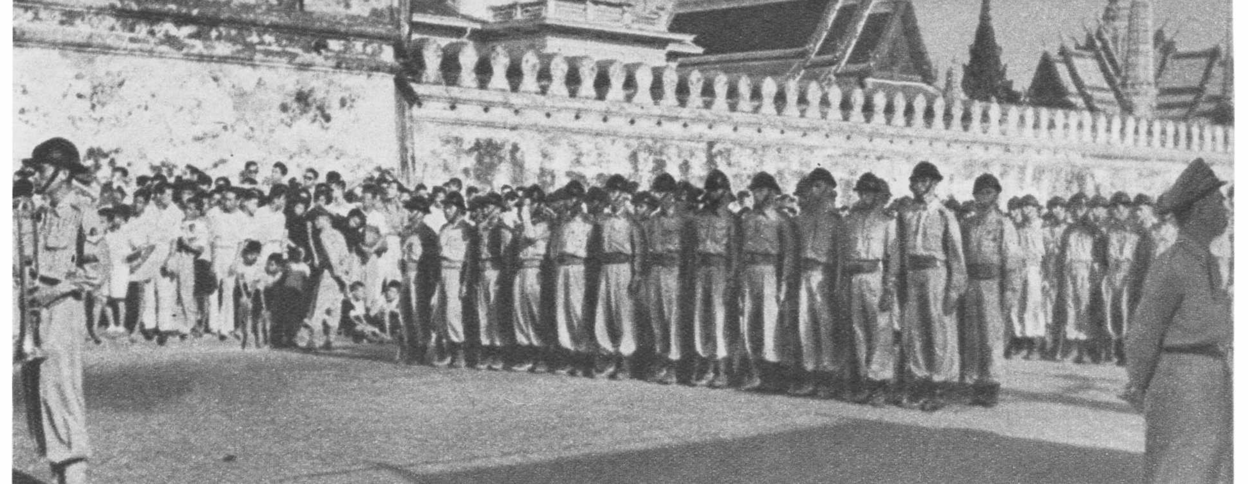
Не лучше положение таиландских крестьян, составляющих основную массу населения. Почти вся земля — в руках феодальной знати, дворцовой аристократии, буддийского духовенства. Часто крестьяне, чтобы не умереть голодной смертью, берут рис взаймы у богачей, платя непомерно высокие проценты. Половина урожая уходит на налоги. Остальной рис ростовщики скупают у крестьян за бесценок.

Современных сельскохозяйственных орудий в таиландской деревне почти нет. Тягловая сила — буйвол. Все сельскохозяйственные работы производятся вручную, прадедовскими способами.

Во многих районах страны лишь ничтожная часть крестьянских семей имеет собственную землю. Крестьяне вынуждены кочевать с места на место. Жалкие лачуги, в которых они живут, как правило, приподняты на сваях, — чтобы защитить жителей от капризов часто разливающихся рек.

Бангкок похож на военный лагерь. Всюду солдаты, одетые в форму американского покроя, с американским вооружением. По всему Таиланду возводятся казармы, строятся американские аэродромы, стратегические дороги. На военные приготовления уходит свыше 60 процентов государственного бюджета страны.

* * *

С каждым месяцем растет и ширится борьба таиландского народа за свои права. Руководителем этой борьбы выступает молодой рабочий класс.

Несмотря на полицейские репрессии, бастуют, требуя улучшения условий труда, горняки, рабочие каучуковых плантаций. Более месяца продолжалась забастовка рабочих лесопильных заводов Таиланда, длительную забастовку провели таиландские железнодорожники.

На состоявшейся в августе прошлого года конференции сторонников мира Таиланда собралось 102 представителя различных слоев населения. Выступления делегатов конференции еще раз показали, что народ Таиланда решительно отвергает войну и выступает против предоставления военных баз для иностранных войск.

САНАТОРИЙ В ГОРАХ

Фото М. САВИНА.

Чуйский тракт... Километр за километром мчится машина по бесконечной аллее молодых нарядных березок, стройных тополей, раскидистых кленов, сирени и акаций.

В пору цветения тракт похож на дорожку-ковер. В открытые окна автомобиля врывается пряный ветер, напоенный запахами цветущих лугов.

Все ближе горы. Они надвигаются на долину, сжимают ее. На северных склонах вершин белеют снега.

В кольце гор, между реками Чемалом и Катунью, раскинулась благодатнейшая долина Алтая. Когда-то, в старину, сюда на лето собирались алтайские кочевья со стадами. Они прозвали долину «Шемал» — «Муравейник»,— так много бывало здесь скота.

С давних пор долина считалась целебным местом. Люди тут лечились горным воздухом и кумысом.

Чудесен климат Чемала! Это — самое солнечное место на Алтае. Свыше двухсот сорока дней в году над курортом безоблачное, ясное небо. Мягкая зима, нежаркое лето, кристально чистый воздух, настоенный на ароматах трав и смолистой хвои,— все это с чудесной силой обновления действует на человека.

В голубоватой дымке дремлют горы. Высоко поднялась вершина Крестовой — 1 300 метров над уровнем моря. Неподалеку гора Седло . На невысокой каменной гряде, покрытой сосновым бором, Бишпеке, раскинулись нарядные дома санатория. Здесь лечатся и отдыхают каждый месяц свыше двухсот человек. Со всех концов страны прибывают сюда курортники.

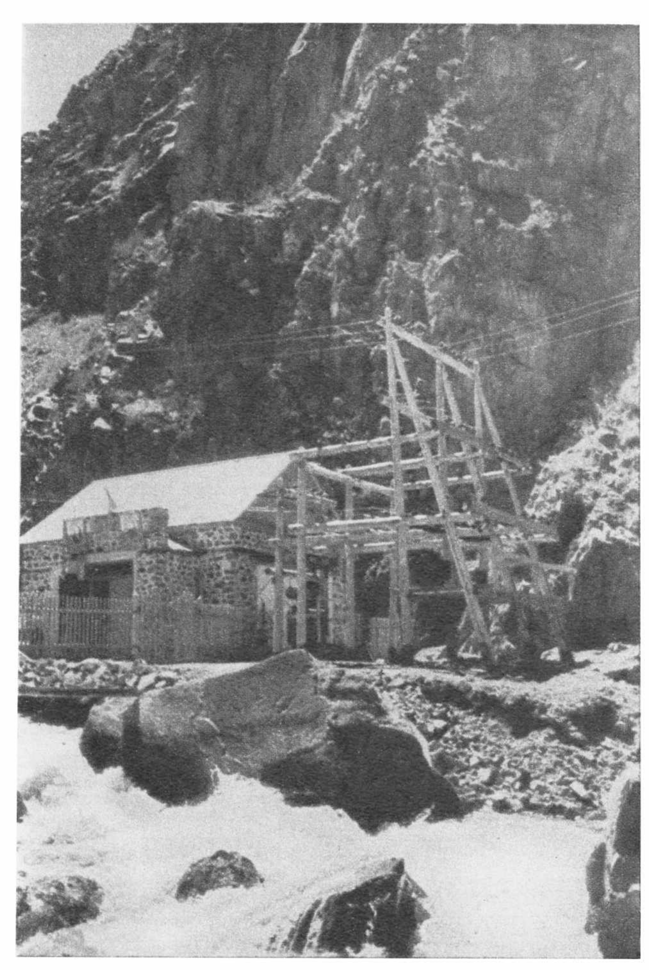
...Чемал искрится под солнцем. Зеркальная гладь отражает и небо, и горы, и зеленый бор. Так чиста в нем вода, стекающая ручейками с горных льдов, что на десяток метров в глубину видишь дно.

Там, где светлые воды Чемала врываются в Катунь, две разноцветные полосы вод долго идут рядом, не сливаясь.

Жаркое солнце расплавило горные снега на вершинах, и потоки вод хлынули со всех сторон в реку. Она поднялась на четыре метра выше ординара, затопила берега, захватила половодьем долину.

Склоны гор, долины, луга — все зацвело, все словно вспыхнуло миллионами факелов. Хорошо в пору цветения на Алтае!

В. ПУХНАЧЕВ

Здание Копчигайской ГЭС.
Фото В. Калюжного.

Огни в горах

Неудержимым потоком мчится по дну ущелья Копчигай горная речка Ак-Терек. Сжатая со всех сторон гранитными скалами, каскадами низвергается она с огромных каменных глыб. Еще совсем недавно к берегу реки вела узенькая тропка, по которой с трудом пробирались ловкие охотники-киргизы.

...Первыми на стройку межколхозной гидроэлектростанции пришли жители долины Дон-Тала. Большие трудности ожидали их. Метр за метром приходилось отвоевывать у суровой природы.

Надолго запомнят жители сельхозартелей имени Карла Маркса, «Тогуз-Булак» и «Кызыл-Туу» погожий майский день, когда в их колхозы пришло электричество.

...Под навесом на деревянном настиле лежат со связанными ногами овцы. Стригали колхоза имени Карла Маркса склонились над животными. Мягко стрекочут двадцать четыре машинки. Насколько быстрее идет стрижка! Электрифицирована и колхозная кузница. А через некоторое время в строй вступят электрические зерноочистительные машины, силосорезки.

С пуском Копчигайской гидроэлектростанции завершилась электрификация высокогорного животноводческого Тонского района, Иссык-Кульской области. После Джеты-Огузского и Покровского это третий в Прииссыкулье район сплошной электрификации.

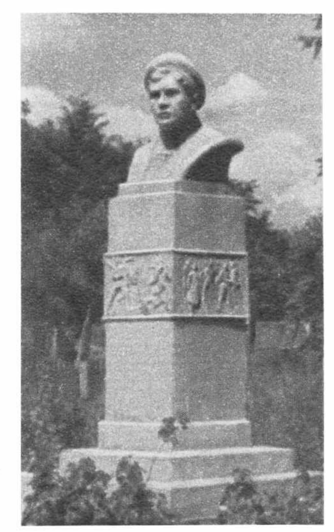
Памятник земляку

В рабочем поселке Глухове, в городе Ногинске, Московской области, по инициативе местных жителей установлен памятник Анатолию Григорьевичу Железнякову.

Железняков известен в народе под именем Железняка. Матрос Балтийского флота, в 1917 году он вел под руководством большевистской организации активную борьбу против Временного правительства и был приговорен к 14 годам каторги. Имя Железнякова впервые стало широко известно, когда в начале 1918 года, будучи комендантом Таврического дворца, он объявил о прекращении заседаний Учредительного собрания. Активный участник гражданской войны, Анатолий Григорьевич, прорываясь на бронепоезде через занятую белогвардейскими бандами территорию, героически погиб в 1919 году. «Бронепоезда не сдавать!» — были его последние слова.

Глуховцы чтут память своего героического земляка.

А. СМИРНОВ

Памятник А. Г. Железнякову в Глухове.
Фото Г. Скворцова.

Ночной санаторий учащихся

Миша Матвеев, учащийся челябинского ремесленного училища № 17, никогда не обращался к врачам.

Но вот он почувствовал недомогание. Пришлось пойти в амбулаторию. Его направили в ночной санаторий при училище № 17 и школе ФЗО № 5.

В этом санатории учащиеся проводят вечерние и ночные часы.

Разговор с директором санатория Лидией Авксентьевной Дегтяревой был коротким.

— Я замечаю, Миша, что вы начали худеть... Разденьтесь, я осмотрю вас.

Во время осмотра оба молчали. Затем Лидия Авксентьевна решительно заявила:

— Придется, молодой человек, полечиться вам месяц в санатории. Ничего тревожного нет, но отдохнуть и окрепнуть следует...

Миша скоро познакомился со всем санаторным хозяйством. Лечебные кабинеты, комната отдыха. Столовая. Чистые, светлые спальни.

Надев мягкую пижаму, он улыбнулся:

— Как дома...

В течение месяца Матвеев занимался утренней гимнастикой, вкусно и сытно ел, развлекался, во-время ложился спать.

Через месяц он окреп и прибавил в весе два с лишним килограмма.

За последний год в ночном санатории Челябинского областного управления профессионального обучения и школ ФЗО отдохнули и поправились 280 учащихся.

О. МАРКОВА

— Поправился на два с лишним килограмма! — говорит Мише Матвееву медицинская сестра В. Кремцева.

Фото А. Вагина.

Снова дома

В семье Волковых. Слева направо: Нина, Леля, А. Н. Волков и дедушка Н. В. Волков.

Письмо, присланное девочкой из Дербента в адрес Орловского обкома партии, оказалось своеобразным откликом на статью, напечатанную в газете «Правда».

Содержание письма не имело никакого отношения к вопросам, затронутым секретарем Орловского обкома КПСС тов. И. А. Волковым в его статье.

«Здравствуйте, незнакомый мне товарищ Волков! — писала девочка на листке из школьной тетради.— Извините меня за то, что я вас беспокою. Я хочу узнать, где находится мой отец. Я решила написать это письмо, так как встретила в газете «Правда» статью за вашей подписью.

Разрешите рассказать вам о жизни нашей семьи. Наша семья жила в городе Орле. Мать мою звали Лена, фамилия — Дерябина. Фамилия отца — Волков. Имя его мы (мой старший брат Вадик и я, то есть Леля) не помним. Когда война дошла до города Орла, мы с мамой эвакуировались в какие-то колхозы, названий которых я не знаю, мне тогда было три года. Потом поехали в Пятигорск, а оттуда — в Махачкалу. Мать и я там заболели. Нас всех положили в больницу.

Мать умерла. Я еще не выздоровела, когда брата моего Вадика отвезли в детприемник в Махачкалу. Когда я выздоровела, меня тоже туда направили, но Вадика там уже не было.

В 1945 году меня определили в детдом в Дербент. Здесь мы с братом встретились. Сейчас мы живем в этом детдоме. Вадик учится на четвертом курсе в педучилище, а я учусь в седьмом классе.

Когда мы уезжали, отец оставался в Орле. Дальше мы ничего не знаем. Конечно, если это не вы, то еще раз извините за беспокойство. Посмотрите, пожалуйста, в домовых книгах и сообщите мне его имя, год рождения.

Прошу не отказать в моей большой просьбе.

Писала Леля Дерябина».

В домовых книгах областного города оказалось немало Волковых. Поиски осложнялись тем, что Леля не знала имени отца. И все же товарищи из обкома партии нашли его.

Александр Николаевич Волков, главный бухгалтер областного управления связи, был глубоко взволнован, узнав, что его дети живы. В свое время, после долгих поисков, он получил сведения о смерти жены и на протяжении многих лет разыскивал своих детей. В ответ на его письма и запросы приходили однотипные сообщения: Вадим и Елена Волковы не обнаружены.

Лишь теперь стало понятно, почему А. Н. Волков не мог найти своих детей. Дело в том, что среди вещей его покойной жены оказался только один документ на имя Дерябиной, и детям присвоили фамилию их матери.

Вадим и Леля встретились в Дербентском детдоме. Вадим часто рассказывал сестренке то, что запомнилось ему о довоенной жизни их семьи в Орле. Он же назвал ей и фамилию отца. Дети долго разыскивали его, но безуспешно.

...Когда на имя Лели и Вадима Дерябиных пришла телеграмма из Орла, весь детский дом узнал радостную новость: к Леле и Вадиму приезжает отец.

Не будем описывать их встречу. Пусть читатель сам представит себе ликование отца и детей, нашедших друг друга спустя одиннадцать с лишним лет...

Все население детского дома явилось на вокзал, чтобы проводить уезжавших в Орел А. Н. Волкова и его дочь Лелю. Сын Вадим заканчивает учение в Дербентском педагогическом училище.

...Начало июня. Пышно цветет сирень в саду при доме Волковых на тихой Чапаевской улице в Орле. В тени деревьев устроились две девушки с комсомольскими значками на груди.

Сын А. Н. Волкова Вадим.

Они готовятся к последним экзаменам. В одной из них мы узнали Лелю Волкову. Она переходит в восьмой класс. Рядом ее сестра Нина, оканчивающая десятилетку. В ту пору, когда Леля и Вадим эвакуировались с матерью из Орла, Нина гостила у дедушки с бабушкой.

Вадим и Леля обрели с помощью советских людей родной дом, где столько лет ждали их и дождались наконец отец, сестра и дедушка Николай Васильевич Волков.

Макс ПОЛЯНОВСКИЙ

Москва — район Сталинграда на планере

Заслуженный мастер спорта В. М. Ильченко у своего планера.
Фото С. Емашева (ТАСС).

Когда Виктор Ильченко посадил планер на поле близ станции Иловля, Сталинградской области, к машине подбежало несколько человек. Один из них спросил:

— Откуда это вы прилетели?

— Из Москвы, — ответил Ильченко.

— Из Москвы! — с радостным изумлением проговорил местный житель.— И без мотора?

Двухместный планер «А-10» конструкции О. К. Антонова, на борту которого находились заслуженный мастер спорта Виктор Ильченко и пассажир Григорий Печников, пробыл в воздухе более 9 часов и за это время пролетел по прямой 829 километров 822 метра. Этот новый рекорд более чем на 210 километров превышает прежний мировой рекорд, установленный пятнадцать лет назад советским спортсменом Иваном Карташовым.

Метеорологическая обстановка на большинстве участков полета была крайне сложной. Уже в районе Подольска, всего лишь в тридцати километрах от Москвы, планер попал в снеговую тучу и начал обледеневать. Снизившись, Виктор Ильченко нашел новые очаги воздушного потока и восстановил высоту. В районе Тамбова путь планеру преградила сплошная облачность. Спортсмен сумел обойти ее и продолжать путь по маршруту.

Двадцать девять раз приходилось В. Ильченко набирать высоту по спирали. На отдельных участках планер шел на высоте 2 500 метров.

Виктор Михайлович Ильченко — один из опытнейших советских планеристов. Он налетал на планерах более двух тысяч часов. Ему приходилось парить над Среднерусской равниной, Крымскими горами, над Волгой и Днепром, над Черным морем. Он поставил пять мировых рекордов на двухместных планерах: четыре на дальность и один — по маршруту с возвращением к месту старта.

Долголетняя дружба связывает воздушного спортсмена Виктора Михайловича Ильченко с Олегом Константиновичем Антоновым — талантливым конструктором планеров. Более двадцати лет они трудятся над развитием советского планеризма. Планер «А-10» конструкции Антонова, как отмечает Ильченко, обладает высокими аэродинамическими качествами.

Виктор Ильченко воспитал большую группу выдающихся планеристов. Среди его учеников — всесоюзные и мировые рекордсмены Ольга Клепикова, Анна Самосадова, Илья Романов, Владимир Хрыпов, Зоя Мареева и другие.

— У каждого из нас большие планы, — сказал Виктор Михайлович Ильченко.— Я постараюсь установить два новых мировых рекорда: полет в заранее намеченный пункт и полет по маршруту с возвращением к месту старта.

☆ ☆ ☆

Авиационная спортивная комиссия Центрального аэроклуба СССР имени В. П. Чкалова утвердила результат полета заслуженного мастера спорта В. М. Ильченко в качестве нового всесоюзного рекорда. Материалы об этом выдающемся полете направляются в Международную Авиационную Федерацию (ФАИ) для регистрации в качестве мирового рекорда дальности полета на многоместных планерах.

Л. РОГАЧЕВСКИЙ

Выставка цветов

Сочи справедливо называют городом цветов. Розы пышным ковром покрывают белокаменные аркады, портики, обвивают стволы пальм, забираются на балконы. Разносится тонкое благоухание роз. Алые, белые, кремовые, малиновые, черные, чайные штамбовые, кустовые и вьющиеся... В садах и парках, на улицах и скверах Сочи — тысячи чудесных роз.

Недавно в Сочи состоялась первая большая выставка цветов. Тысячи курортников и горожан заполнили аллеи парка «Ривьера», где разместились стенды с цветами.

На выставке было представлено более трехсот видов и сортов цветочных растений, сто пятьдесят древесных видов — пальмы, драцены, душистая маслина, редкая коллекция суккулентов — агав, кактусов.

Перед нами — крупная нежнорозовая ромашка. Профессор А. И. Колесников, один из крупнейших цветоводов Кавказского побережья, обращает на нее наше внимание: это гербера, цветущая почти круглый год. Она относится к числу новых цветов, появившихся за последние годы в советских субтропиках.

Кто же вырастил эти бесчисленные цветы?

Пенсионер Александр Сергеевич Богданов заставил комнатно-оранжерейные каллы расти круглый год в садах и парках. Он широко распространяет замечательный цветок — луноцвет, чьи стрелообразные бутоны раскрываются каждый вечер при закате солнца. Полюбоваться луноцветом у дома Богданова собираются толпы.

Кандидат сельскохозяйственных наук Федор Михайлович Зорин, известный селекционер, создал уникальные «букеты»: на одном стебле растут десятки разнообразных по цвету и форме роз. Такие же разноцветные «букеты» на одном кусте выводит, используя опыт Зорина, хирург-окулист Сергей Михайлович Васильев.

Алексей Леонтьевич Коркешко увлекается «карликовым садоводством». Он представил на выставку сделанные из туфового камня настольные чернильные приборы, на которых... растут многолетние декоративные деревья! Они значительно ниже карандаша, а им — по десять, пятнадцать лет.

После закрытия первой выставки цветов в Сочи состоялось вручение дипломов. На научной конференции участники выставки говорили о том, как расширить ассортимент цветов, внедрить новые цветочные растения.

Е. КАРПАЧЕВ. И. ЗАЙЦЕВ

На выставке цветов.
Фото Г. Васильева.

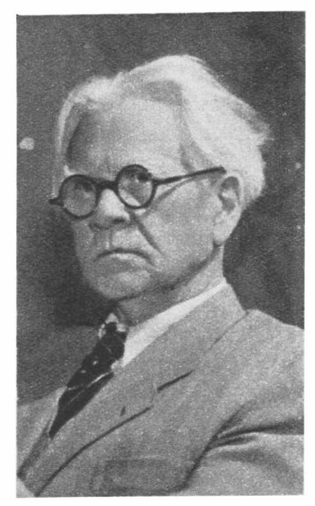
Певец народного труда

К 70-летию Ф. В. Гладкова

Федор Васильевич Гладков начал свою литературную деятельность еще в 1900 году, но подлинный расцвет его творчества наступил только после Великой Октябрьской социалистической революции. В 1925 году вышел в свет роман Гладкова «Цемент», в котором впервые был раскрыт трудовой подвиг нашего народа. Книга знаменовала собой новый этап в развитии советской литературы, и это сразу же было отмечено Горьким. «До Вас этой темы еще никто не коснулся с такой силой», — писал он автору романа.

Писатель продолжает глубоко изучать новую, социалистическую действительность и надолго уезжает на строительство крупнейшего гиганта первой пятилетки — Днепровской электростанции. Второе крупное произведение Гладкова — роман «Энергия» — и явилось результатом почти пятилетних наблюдений за жизнью большого рабочего коллектива.

В годы Великой Отечественной войны Гладков, кроме острых публицистических статей, пишет ряд рассказов и повесть «Клятва». В «Клятве» писатель раскрывает дела и думы рабочего-новатора фрезеровщика Шаронова, который воплощает в себе лучшие черты советского патриота. Трудовую жизнь нашей страны Гладков рисует как напряженный бой; дыхание фронта ощущается во всей жизни завода.

Ф. В. Гладков.

В послевоенные годы Ф. Гладков обратился к изображению прошлого русского народа. В своих автобиографических произведениях («Повесть о детстве» и «Вольница»), удостоенных Сталинской премии, писатель изображает революционную историю русского народа и показывает долгую и напряженную борьбу его за счастливое будущее. Автобиографические повести проникнуты оптимизмом (хотя в них много горя и страданий, мучительных поисков света в жизни, безутешных слез), потому что Гладков раскрыл неумирающую силу народа, его героический труд, судьбу отдельных людей показал в свете общенародной борьбы за свободу. «Я писал «Повесть о детстве»,— говорит Гладков,— не как обычные воспоминания, а как поэму о русском народе». Особое значение приобретают в книге Гладкова образы борцов за правду — Микитушки, Володимирыча, Гриши-бондаря, Харитона, Прасковеи, — нарисованных во всем величии и благородстве их характеров. Талантливость автора, его глубокое знание жизни сказываются и в широком использовании богатого народного языка.

Жизнь и творческий путь писателя-коммуниста Гладкова — образец верного служения советской Отчизне. Гладков совмещает писательскую работу с общественной и научно - исследовательской деятельностью. Он часто выступает в периодической печати как страстный публицист, как борец за мир.

Писатель полон новых творческих замыслов. Сейчас он пишет третий том своей автобиографической эпопеи, где найдут художественное отображение жизнь и революционная борьба рабочего класса России в первое десятилетие XX века. Несмотря на возраст, Федор Васильевич Гладков переживает, по меткому выражению Л. Сейфуллиной, «золотую молодость таланта».

А. ВЛАСЕНКО

Муковозы

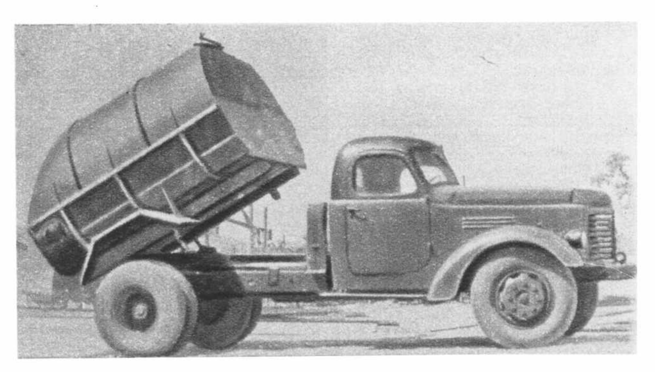
Недавно на улицах Москвы появились оригинальные автомашины. Внешне они напоминают цистерны, но предназначены для перевозки муки — продукта, который испокон веков транспортировался в мешках.

Систему перевозки муки без тары впервые разработала группа инженеров государственного института «Промзернопроект». Они сконструировали два вида муковозов. Первый создан на базе обычной грузовой автомашины. В него мука засыпается непосредственно с мельничного транспортера. Для разгрузки муки приводится в действие винт, находящийся в цистерне, который, вращаясь, подает к выходной горловине муку, и она плавно сыплется на приемный транспортер хлебозавода. Второй тип муковоза еще проще. Когда цистерна приподымается, начинает работать вибратор, и мука сама высыпается на транспортер. Емкость каждого муковоза — 3,5 тонны.

Первые муковозы обслуживают одну из столичных мельниц и хлебозавод, расположенный на Красной Пресне. Курсируя между ними, они уже перевезли без тары сотни тонн муки.

Новый способ перевозки муки и отрубей сулит значительный экономический эффект.

Я. ЯКОВЛЕВ

Муковоз-самосвал.

УСПЕХ СОВЕТСКИХ СКРИПАЧЕЙ

Н. Школьникова.

Р. Соболевский.

13 июня в Париже закончился Международный конкурс скрипачей имени Жака Тибо.

Первое место и «Большой приз» имени Жака Тибо присужден советской скрипачке, комсомолке, воспитаннице Московской консерватории имени П. И. Чайковского Нелли Школьниковой. Второе место наряду с французской скрипачкой Бланш Таржюс занял комсомолец Рафаил Соболевский, также воспитанник столичной консерватории.

В беседе с корреспондентом «Огонька» директор консерватории народный артист РСФСР А. В. Свешников сообщил:

— Нелли Школьникова участвует в Международном конкурсе впервые. Родилась она в 1928 году в городе Золотоноше. Отец ее — музыкант оркестра, мать — педагог. Восьми лет Нелли начала учиться игре на скрипке. В 1947 году она была принята по конкурсу в музыкальное училище при Московской консерватории, где четыре года училась у Ю. И. Янкелевича. Под руководством этого же педагога она занимается и сейчас на четвертом курсе Московской консерватории.

Одновременно с учением Нелли играет в оркестре МХАТа. Н. Школьникова принадлежит к группе лучших скрипачей консерватории.

Рафаил Соболевский родился в Куйбышеве, в семье портного, в 1930 году. С раннего детства у него проявилась необычайная любовь к музыке.

Шестилетним мальчиком Рафаил с родителями приехал в столицу и, выдержав конкурсный экзамен, был принят в Центральную музыкальную школу-десятилетку при Московской консерватории, в класс профессора Л. М. Цейтлина. После окончания школы он продолжал учиться в консерватории, у того же профессора до его смерти в 1951 году. С 1951 года Рафаил Соболевский занимается под руководством профессора Д. М. Цыганова. В настоящее время он студент пятого курса и готовится к сдаче дипломной работы.

Р. Соболевский в 1949 году был участником конкурса скрипачей на втором Международном фестивале молодежи в Будапеште, где получил вторую премию.

— Наши победы на международных конкурсах,— сказал в заключение профессор А. В. Свешников,— подтверждают высокий уровень советской скрипичной школы, которая наряду с великолепным техническим мастерством воспитывает у исполнителей глубокое понимание замысла композитора.

Л. ОБЪЕДКОВА

Крейсер «Свердлов» в Англии

Пребывание в Англии крейсера «Свердлов» и советских моряков находилось в центре внимания английской печати и вызывало огромный интерес английского населения. Большое впечатление произвело мастерство, с которым крейсер по прибытии на рейд в Спитхэде в течение 12 минут встал на якоря. По существующим в английском военно-морском флоте нормам, для постановки на якоря крейсера такого типа полагается 1 час 20 минут.

Англичане оказывали экипажу крейсера исключительно теплый и дружеский прием. На набережных собирались толпы, чтобы посмотреть на советский корабль.

Советские моряки посетили могилу Карла Маркса на Хайгейтском кладбище и побывали в доме Маркса, где осмотрели комнату, в которой В. И. Ленин работал в 1902 году над изданием «Искры».

На снимке: советские моряки на могиле Карла Маркса.

ЖЕНЩИНЫ—ЗА МИР!

Представительницы женщин семидесяти стран земного шара собрались 5 июня в столице Дании Копенгагене на Всемирный конгресс. Пламенные речи женщин разных цветов кожи и национальностей, различных политических взглядов и убеждений звучали с трибуны конгресса на разных языках — и в то же время у делегаток был один общий язык. Это не заслуга переводчиков, а результат того, что великие идеи свободы, мира, равноправия женщин и счастья детей овладели сердцами сотен миллионов.

Конгресс в Копенгагене — это новый этап в современном женском движении, этап единства действий и горячей веры в торжество мира и демократии. Конгресс принял Декларацию прав женщин и призвал их к тесному сотрудничеству, к «борьбе за завоевание и обеспечение прав женщин и детей, за защиту мира во всем мире».

В один из дней к трибуне конгресса подошла молодая датчанка, пришедшая на заседание вместе со своим ребенком. Малыш сразу же оказался на руках у членов президиума конгресса. Под бурные аплодисменты всего зала Эжени Коттон передала мальчика Нине Поповой, та — китаянке Ли Дэ-цюань. Наконец маленький датчанин оказался на руках делегатки Тринидада. Фотограф запечатлел этот волнующий момент.

Делегациям женщин Корейской Народно-Демократической Республики, Демократической Республики Вьетнам и Малайи было отказано в визах на въезд в Данию. Это вызвало возмущение всех участниц конгресса. В знак протеста по залу заседания были пронесены знамена этих государств.

Среди гостей присутствовал лауреат международной Сталинской премии «За укрепление мира между народами» Икуо Ояма. На снимке (в центре): Моника Фелтон и Икуо Ояма в президиуме конгресса.

Полицейские отряды расправляются с инвалидами.

НА УЛИЦАХ РИМА

Альберто ЯКОВЬЕЛЛО

Незадолго до парламентских выборов можно было наблюдать на улицах Рима картину, типичную для режима нищеты и бесправия, который установила в стране правящая клика христианских демократов. Около тысячи инвалидов войны из различных районов столицы небольшими группами направлялись к центру, к Пьяцца Венеция, неподалеку от которой находится префектура. Было здесь немало партизан, раненных и искалеченных в боях против гитлеровских оккупантов и фашистов. Эти люди не раз обращались к центральным и провинциальным властям с просьбой оказать им медицинскую помощь, но помощи они не получили: правительство де Гаспери бросило их на произвол судьбы.

Пенсии, получаемой инвалидами, едва хватает на хлеб, а ведь многим приходится содержать целые семьи. Прожиточный минимум итальянской семьи из трех человек, по самым скромным подсчетам, достигает 50 тысяч лир в месяц, а размер пенсий колеблется от 10 до 20 тысяч лир. Недаром в массах их называют «голодными пенсиями».

Среди демонстрантов было много больных туберкулезом; они шли требовать у правительства, чтобы им дали возможность провести жаркие месяцы, нестерпимые в городе, в более благоприятных климатических условиях. В прошлые годы после упорной борьбы инвалиды сумели добиться такой помощи, хоть и в минимальных размерах. Но в этом году правительство де Гаспери, затратив миллиарды и миллиарды лир на предвыборную кампанию христианско-демократической партии, решило отмахнуться от инвалидов, как от назойливых попрошаек.

К тому же именно в этот день обнаружилась одна из многочисленных грязных предвыборных махинаций правительственного блока. Утренняя римская газета поместила документальный снимок, разоблачавший явный факт подкупа избирателей, предпринятого президиумом совета министров Италии. Многие тысячи избирателей, оказывается, получили письма на правительственных бланках за подписью заместителя секретаря совета министров, и в письмах этих недвусмысленно предлагалось голосовать за христианских демократов. В подкрепление «совета» прилагался чек в 2 тысячи лир.

Факт этот еще больше усилил возмущение инвалидов, которым правительство в течение многих месяцев упорно отказывало в медицинской помощи «за недостатком средств».

Группы больных туберкулезом, калек на костылях, безногих в колясочках, на протезах под палящим солнцем двигались к префектуре. Достигнув Пьяцца Венеция, они выбрали делегацию и направили ее к префекту, сами же расположились, как могли, на площади.

Разумеется, перед самыми выборами правительство де Гаспери не могло допустить подобного «подрыва своего престижа». Еще бы! В самом центре Рима была выставлена напоказ вопиющая нищета и заброшенность инвалидов!

На площадь примчались полицейские машины. Рьяные «блюстители порядка» ринулись на инвалидов.

Искалеченные люди защищались, как могли: костылями, деревянными протезами, камнями. Но, конечно, они не в силах были устоять против натиска откормленных полицейских молодчиков Шельбы. Многие, потеряв сознание, падали на мостовую, у некоторых пошла горлом кровь.

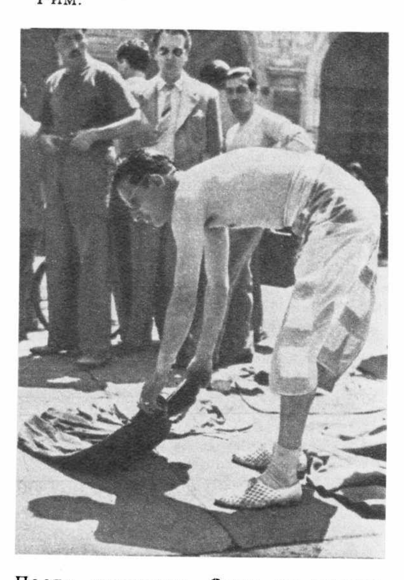
Невзирая на то, что бо́льшую часть демонстрантов составляли больные туберкулезом, полицейские направляли в них сильные струи ледяной воды.

Промокшие, избитые люди пытались укрыться в подворотнях, но полицейские без разбору хватали всех, втаскивали на грузовики и отвозили в тюрьму. Получили свою долю побоев и прохожие, вступившиеся за инвалидов. Нашлось немало честных людей, которые на своих машинах доставляли пострадавших в ближайшие больницы.

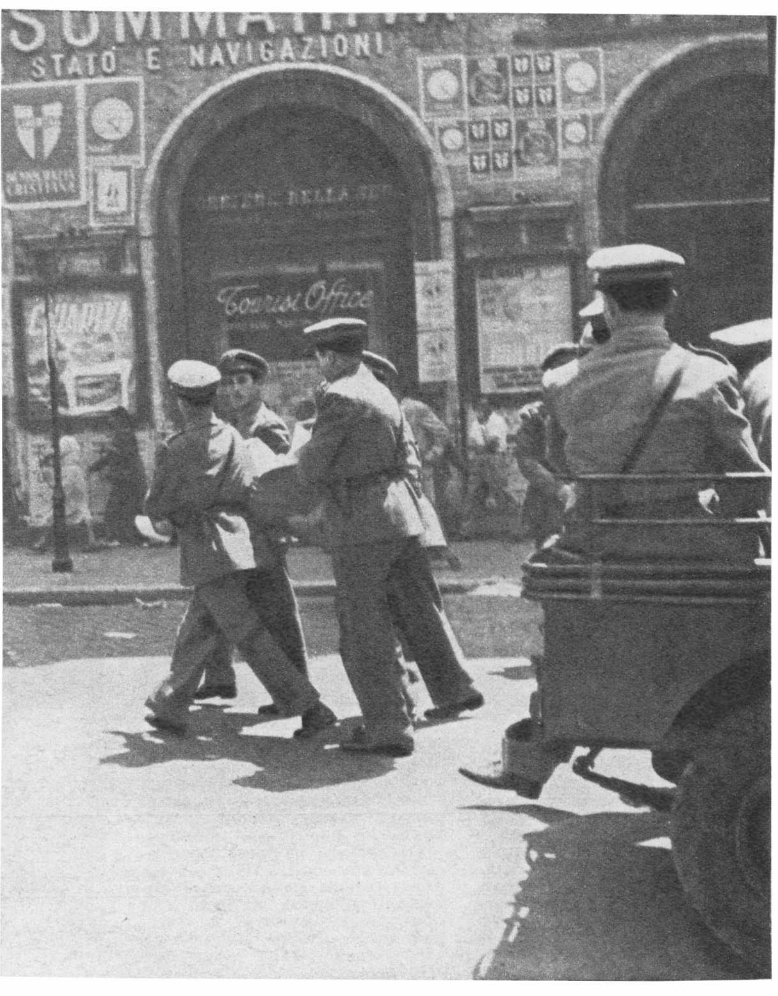
Дикая расправа длилась всего лишь полчаса, но тысячи итальянцев увидели собственными глазами яркий образец того, как представляет себе «демократию» ведомство Шельбы. Известие об этом отвратительном событии быстро распространилось по всей стране и вызвало волну негодования. Для народных масс расправа у Пьяцца Венеция послужила еще одним из множества стимулов к борьбе против попыток реакции отнять у трудящихся их гражданские права, надеть на них фашистский ошейник.

На выборах 7 июня итальянский народ выразил свое отношение к реакционному правительственному блоку. Простые люди Италии провалили авантюру с жульническим избирательным законом и отдали новые полтора миллиона голосов демократическим партиям, борющимся за независимую, демократическую, процветающую Италию.

Рим.

После расправы. Один из пострадавших тут же на площади сушит промокшую одежду.

Полицейские уносят арестованных.

Возмущенные прохожие оказывают помощь жертве полицейской расправы.

Праздник семьи ПОПОВКИНЫХ

Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА.

В канун «золотой свадьбы» Ивана Ивановича наперебой поздравляли в цехе.

Иван Иванович Поповкин — потомственный московский рабочий. Его знают не только на Автозаводе имени Сталина, где он трудится свыше 15 лет. Много друзей у Ивана Ивановича и на других столичных предприятиях: более полувека находится он в передовых рядах русского рабочего класса.

Поповкин вырос в семье ткачей, и юность его прошла у ткацкого станка на Даниловской мануфактуре, которая ныне носит имя М. В. Фрунзе. Вместе с другими рабочими этой фабрики Иван Иванович принимал участие в стачках; в 1915 году его арестовали. Он был среди тех, кто в гражданскую войну защищал молодую Советскую республику. В 1918 году вступил в Коммунистическую партию.

Иван Иванович Поповкин выглядит моложе своих 69 лет. Несмотря на преклонный возраст, он все так же энергичен и горяч в работе, как в прошлые годы.

Близкие друзья Ивана Ивановича, которые бывают у него дома и знакомы с его женой Пелагеей Емельяновной, прослышали, что семья Поповкиных готовится отпраздновать «золотую свадьбу» — 50-летие супружеской жизни. Несколько слов, сказанных вскользь по этому поводу, запомнились. Говорили об этом и на заводе.

Пелагея Емельяновна (в центре) и ее сестра Наталья Емельяновна прихорашивают Ивана Ивановича к вечеру.

Иван Иванович и Пелагея Емельяновна с сестрой подъехали ко Дворцу культуры.

— А это все потомки твои? — спросил у Ивана Ивановича директор завода К. В. Власов.

Самые молодые — Валентина и Алексей Семеновы — поздравляют самых старых.

Товарищи по цеху подносят Ивану Ивановичу письменный прибор.

— А не отметить ли нам сообща такое событие? — предложила Нина Марченко, председатель цехкома моторного цеха автозавода.

Заинтересовалась этим и заводская газета «Сталинец». Подпись Поповкина нередко появляется в газете под заметками и статьями. Бывало, что по его сигналам принимали меры начальник цеха и директор завода. Иван Иванович — рабкор с многолетним стажем. Свою первую заметку он написал вскоре после Октябрьской революции.

— Желающих поздравить тебя и жену очень много. Не собраться ли нам во Дворце культуры? — спрашивали товарищи по цеху.

Иван Иванович, человек скромный, был несколько смущен тем, что событие в его личной жизни принимает общественный характер. Как всегда, он решил посоветоваться с Пелагеей Емельяновной.

— Что ж, — резонно заметила она, — в проведении «золотой свадьбы» у нас опыта еще нет... Может, так и надо.

Иван Иванович согласился и пригласил на свадьбу человек сорок. Среди них были не только старые рабочие — товарищи Ивана Ивановича, руководители завода, — но и комсомольцы, потому что Иван Иванович, как он сам подчеркивает, поддерживает с комсомолом контакт с первых лет советской власти.

Вот какие события предшествовали необычному вечеру во Дворце культуры автозавода.

Начало торжества было назначено на 7 часов 30 минут, но уже в пятом часу на квартиру Поповкиных стали съезжаться друзья и родные. Здесь были сыновья Ивана Ивановича — Иван Иванович-младший и Константин Иванович, оба участники Великой Отечественной войны, отмеченные правительственными наградами, московские рабочие; внуки и внучки — Владимир, Сережа, Наташа во главе со студентом первого курса Горного института Геннадием, который в этот день сдал зачет по физике; Наталья Емельяновна — сестра Пелагеи Емельяновны; снохи. Приехал и старый друг — инженер Андрей Григорьевич Вязовкин; он еще до революции работал вместе с супругами Поповкиными на Даниловской мануфактуре.

Уже приготовились уходить из дому, как кто-то постучал. Оказалось, что директор завода прислал за юбилярами машину.

Гости собирались дружно. При-

шли старый фрезеровщик И. А. Парамошкин, молодой мастер Д. Пахолков, начальник моторного цеха А. И. Юдин, директор автозавода К. В. Власов... Большие букеты цветов супругам Поповкиным преподнесли представители цехкома.

— Просим всех к столу! — пригласил Иван Иванович.

Первый бокал поднял директор автозавода.

— От имени всего заводского коллектива, — сказал он, — поздравляю дорогих юбиляров, благодарю их за добрых сыновей и внучат. Предлагаю тост за здоровье Пелагеи Емельяновны и Ивана Ивановича, за счастливое продолжение их личного счастья, за трудовые успехи всей рабочей семьи Поповкиных.

Тепло говорили и друзья Поповкина. Говорили о том, что Иван Иванович — старый русский рабочий, коммунист — по самой натуре своей настоящий строитель социализма. Он строил Советское государство, он был в первых рядах созидателей могучей нашей промышленности, он построил крепкую, дружную семью. Достойный пример для молодежи!

Немало было доброжелательных улыбок, когда Поповкиных поздравили прессовщик Алексей Семенов и оператор Валентина Семенова. Они поженились недавно. Самые молодые приветствовали самых старых.

— И вам с супругой того же! Хорошо, если удастся погулять на вашей «золотой свадьбе», Алеша, — пошутил Иван Иванович.

Зачитывается адрес от коллектива цеха:

«Уважаемые Иван Иванович и Пелагея Емельяновна! Коллектив цеха «Мотор-1» поздравляет вас со счастливым юбилеем — «золотой свадьбой». Ваша дружная совместная жизнь будет ярким примером для нас в укреплении советской семьи. Коллектив цеха желает вам долгих лет жизни и доброго здоровья».

Рабочие моторного цеха подарили Ивану Ивановичу выточенный лучшими мастерами письменный прибор. Представитель редакции «Сталинец» заметил, что газета ожидает от рабкора новых острых статей.

Иван Иванович обратился к гостям:

— Пятьдесят лет прошло после нашей свадьбы, пятьдесят лет исполнилось нашей совместной жизни, нашей дружбы. Я благодарю всех за ваше внимание к этому событию в моей семье.

Еще раз подняли бокалы с шампанским. Кто-то громко закричал: «Горько!». Иван Иванович наклонился к Пелагее Емельяновне, к своему старому верному другу, и поцеловал ее.

— Добрых пожеланий здесь было много, — говорил директор Дворца культуры Н. С. Баранов, обращаясь к Поповкину. — Скажу одно: мы очень рады, что ваш юбилей отмечается во Дворце культуры. Мы долго думали, какой преподнести вам подарок, и решили, что самое лучшее будет, если покажем вам нашу самодеятельность.

За столом сидят дети и внуки Поповкиных.

Так в разгар торжества начался концерт. А потом пошли танцы. Баянист растянул меха. Вспомнили молодость и супруги Поповкины. Танцевали и пели юбиляры, их родные, друзья. И особенно ко времени пришлась любимая советская песня о Родине:

Молодым везде у нас дорога,
Старикам везде у нас почет.

К. НЕПОМНЯЩИЙ,
И. ЛЕМБЕРИК

«Горько!»

Свет над Верховиной

Герой романа М. Тевелева «Свет ты наш, Верховина...» слышал от матери старую закарпатскую сказку: злой песиголовец украл у пастуха Миколы с Черной горы ключ от земли и забросил его неведомо куда, на край света. Многие годы искал пастух этот ключ, но тщетно; земля так и «стояла запертая».

О том, как верховинцы нашли ключ к земле, стали равными среди равных, вольными среди вольных народов СССР, рассказывает М. Тевелев в своей книге.

Открывается роман пейзажем Верховины: на кручах лепятся клочки крестьянских земель. Были они так невелики, что о них говорили на Верховине: «Захочешь, Миколо, отдохнуть в полдень на своем поле, ложись посередине, да не забудь ноги подобрать: вытянешься — панскую землю примнешь». Беспрестанная дума о куске хлеба преследовала людей.

Но муки нищеты, годы страданий не убили у народа веру в будущее и желание бороться за это будущее.

Одни из героев романа сравнительно быстро осознают, что путь к счастью, к свободе возможен только через борьбу, другие приходят к этой мысли много позже, после ряда ошибок и заблуждений. Таков путь главного героя книги — Ивана Белинца.

Жизнь Белинца сложилась удачнее, нежели судьба его односельчан. Мать Ивана положила немало труда и сил, чтобы дать сыну образование. И вот он учится — сначала в школе, затем даже в институте. После смерти матери Белинец продолжает учиться; заботы о мальчике берет на себя бедный крестьянин Илько Горуля, волевой и мужественный человек.

Из детского представления о ключе от земли родилась у Ивана Белинца мечта стать агрономом. Он разговаривает с землей, как с живым существом, слушает ее «жалобы», собирает травы, узнает, что любит и в чем нуждается верховинская почва. Иван Белинец верит в науку, ее возможности. Профессора внушили доверчивому студенту мысль, что наука вне политики, что все беды Верховины — от невежества народа, а лекарство от этих бед — терпение, смирение и вера. Закончив институт, Белинец составляет записку о том, как сделать поля Верховины плодородными, как улучшить положение крестьян. Ему кажется, что правители Закарпатья просто не знают об этой возможности и надо только раскрыть им глаза. Молодой агроном обращается сначала к губернатору края Жатковичу, затем к члену парламента Лешецкому, и эти безрезультатные «хождения по мукам» убеждают его, что хозяев края отнюдь не тревожат муки Верховины, судьба ее народа. «Для них... Верховина, что колодец,— говорит Ивану Горуля,— из него ведрами, а в него ни чарочки...»

Долгие месяцы мытарств приводят Белинца к мысли, что не верховинская земля бесплодна, а бесплоден общественный строй, который не может обеспечить счастье народу.

Путь Ивана Белинца показан автором живо, интересно, убедительно. Иллюзии молодого талантливого ученого рассеиваются. Сама жизнь учит Белинца, учат его и старшие товарищи: Горуля и руководитель местной коммунистической организации Олекса Куртинец.

После каждого разговора с Куртинцом в душе Ивана становилось светлее и яснее, словно там «фитилек повыше выкрутили».

Один из самых обаятельных образов романа — Илько Горуля. Он, действительно, как сказочный богатырь, ищет ключ к правде, но в отличие от Миколы знает, где этот ключ надо искать: правду надо добывать всем народом, в борьбе, собственными силами, сопротивляясь угнетателям. В образе Горули воплощены лучшие черты народного характера: простота, прямота, кристальная честность, сила, бескорыстная забота о людях. Душевная чистота и цельность отличают все поступки этого человека. Мы узнаем о целомудренной любви Горули к матери Белинца, с которой ему так и не удалось соединить жизнь: их разлучили нищета и горе. Мы видим, как преданно он заботится об Иване и как беззаветно, не щадя себя, поднимает народ на борьбу.

Высокий строй чувств, талант оставаться Человеком в самых, казалось бы, нечеловеческих условиях свойственны и другим людям из народа. Писатель влюбленно пишет о народе Закарпатья, о его даровитости, которая проявляется во всем: в жизни, в труде, в быту. Талантлив Белинец, с одержимостью подлинного ученого ведет он свои исследования. Гафия, жена Горули, человек большой душевной одаренности, по-матерински заботится об Иване Белинце, сыне женщины, которую любил ее муж, с уважением говорит она об этой настоящей любви.

Талантлив Семен Рущак. На ферме кулака Матлаха добивается он невиданных результатов, выхаживая племенной скот. Семен понимает, что зря он гнет спину на хозяина, но ничего не может с собой поделать. «Скучно иной раз становится, Иванку, ой, как скучно! Места себе не нахожу, работаю, а скучаю... И чего это во мне такое, может, ты скажешь?» — спрашивает он товарища. И ни тот, ни другой не подозревают, что это бунтует в нем жажда творчества.

Но ярче всего проявляется талант народа в борьбе. Счастья можно добиться. «...Только не так... не так, как вы думаете, не в одиночку. В одиночку и дерево растет, вон как та смерека перед церковью — кривая, согнутая...» — говорит учитель, отец Олексы Куртинца, Марье Белинец. Талантливо изображает писатель борьбу народа; сцены бунта в Медвяном, встречи с забастовщиками едва ли не самые впечатляющие, интересные в романе.

В галерее портретов, созданных М. Тевелевым, перед нами проходит вся Верховина: здесь и крестьяне, и интеллигенция, и «слуги тьмы», правители Закарпатья. Тепло и сочувственно пишет автор о Горуле и Белинце, зло и едко — о врагах закарпатского народа: кулаке Матлахе, идеал которого — система эксплуатации, созданная фабрикантом Батей, профессоре-ренегате Луканиче, попе и демагоге Августине Волошине, губернаторе Жатковиче.

Хорошо показано в романе, как коммунисты Закарпатья разоблачают врагов народа, разоблачают «гуманизм» Луканича, демагогические высказывания Волошина и т. д.

Для верховинцев издавна священным было слово «Россия». «Казалось, что слово это и все понятия, чувства, связанные с ним,— говорит герой романа,— рождались у нас вместе с человеком, как рождается ощущение тепла, света и любовь к матери». Тема России-родины органично входит в роман М. Тевелева.

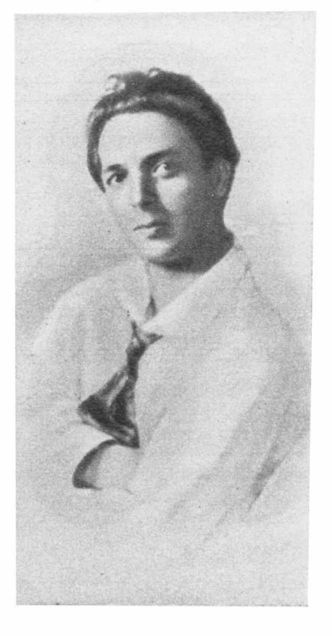
Всеми силами враги пытались отгородить Верховину от России. «А все-таки совсем отгородить не могут. Ну, как ты его отгородишь, народ! Ему ноги свяжешь — он руками потянется, руки свяжешь — он сердцем».

Свет в Верховину принесла Россия, Советская Армия. Так была открыта закарпатская земля, которая и в сказке и в жизни столетиями «стояла запертая». Днями освобождения Закарпатья заканчивается роман Тевелева. И мы благодарны автору, взволнованно рассказавшему нам о жизни далекой Верховины, о героической борьбе народа за права, свободу, достоинство человека.

С. БАБЕНЫШЕВА

М. Тевелев. Свет ты наш, Верховина... Роман. «Знамя» №№ 1, 2, 3. 1953.

Гордость болгарского народа

Христо Смирненский.

После имени Христо Ботева, заслуженно занимающего первое место в болгарской поэзии, наиболее популярно в нашей стране имя Христо Смирненского.

В его стихах — таких волнующих, насыщенных пафосом и верой в конечную победу пролетариата,— чувствуется дыхание бурной эпохи, наступившей после победы Великой Октябрьской социалистической революции. Вот почему его стихи находили такой отклик в болгарском народе. Вот почему в годы жесточайшего террора и «ужаса мрака холодного» его поэзия была, как победное знамя, на котором пламенел лозунг: «Да будет день! Да будет день!»

Смирненский восторгался великими делами русских рабочих и крестьян:

Москва! Москва!
Звезда всех будущих времен!
. . . .
В грозу и бурю гордо ты идешь,
стремишься дать последний бой.
К победе стариков и молодежь
зовешь ты медною трубой,
чтоб пали цепи угнетенных стран.
Москва! Москва!
Воспламененных душ вулкан!

В стихотворении «Красные эскадроны» поэт воспевает непобедимую Советскую Армию; именно в ней, в ее силе он видит залог утверждения мира и правды на всей земле. Это стихотворение, написанное в 1920 году, очень популярно среди болгарского народа.

В своих стихах Смирненский отобразил борьбу рабочих с реакцией и фашизмом. Такие его стихотворения, как «Буря в Берлине», «Иоганн», «Карл Либкнехт», «Голод», «Северное сияние», «Смерть Делеклюза», «Гладиатор», «Москва», «Северный Спартак», говорят о глубоком чувстве международной солидарности рабочих, владевшем сердцем и мыслями поэта. Вот почему стихи Смирненского оказывали и оказывают огромное воспитательное влияние на трудящихся Болгарии, и главным образом на молодежь.

В 1923 году, в героические дни сентябрьского восстания болгарского рабочего класса, стихи Смирненского сыграли большую роль. Восстание было жестоко подавлено фашистской сворой палача болгарского народа Цанкова, но огненные слова поэта воспитали тысячи новых борцов.

Сам Смирненский не дожил до этого восстания: «желтая гостья» (туберкулез) вырвала двадцатипятилетнего поэта из наших рядов. Но пламенный революционный пафос его стихов наполнял сердца сражавшихся бодростью и верой в победу.

Поэзия Смирненского стала школой для целого поколения пролетарских поэтов Болгарии. Своим глубоко человечным содержанием, великолепно изваянными образами, своей волнующей музыкальностью она пленяет сердца читателей, писателей, художников.

Прошло 30 лет со дня безвременной кончины Смирненского, а он стоит среди нас, как живой, вдохновляя и указывая верный путь служения народу.

«Можно смело сказать,— писал в 1948 году Георгий Димитров,— что по таланту и характеру своего боевого литературного творчества Смирненский является болгарским Маяковским».

Наш народ и, прежде всего, рабочий класс, в среде которого родился, вырос, творил и боролся Смирненский, по праву всегда будут хранить в своем сердце светлую память о нем».

КРУМ КЮЛЯВКОВ,
болгарский писатель,
лауреат Димитровской премии.

В двадцать пятую годовщину со дня смерти Христо Смирненского, в 1948 году, товарищ Вылко Червенков открыл памятную доску на доме в Софии, где жил поэт.

Коротко о книгах

Эта небольшая книжка, выпущенная Издательством иностранной литературы, состоит из кратких биографий юношей и девушек Германии — тех, кто мужественно боролся против Гитлера и войны в трудные годы господства фашизма.

Рудольф Шварц, Грета Вальтер, Вильгельм Тевс, Бруно Кюн, Ирена Возиковска, Герта Линднер, Ольга Бенарио... Один за другим проходят перед нами герои немецкого Сопротивления, обыкновенные юноши и девушки Германии. Большинство из них — коммунисты, ибо именно они были душою антифашистского Сопротивления. Они, так же как и все, любили своих родных, друзей, жен, мужей, детей, любили город и улицу, где родились, любили свою страну, но «от остальных людей они отличались тем, что любили все это на какую-то долю горячее и сознательнее, и потому были способны бороться за все это».

«Лучше смерть за Советский Союз, чем жизнь при фашизме! Лучше с честью умереть под топором палача, чем жить в позоре под властью фашистов!» — таковы были их предсмертные письма.

Сборник рассказов о молодых героях Сопротивления написал немецкий писатель — коммунист Стефан Хермлин, активный борец за мир и единство Германии. Он озаглавил его: «Первая шеренга» — и посвятил «многомиллионной второй шеренге свободной немецкой молодежи» — тем, кто призван продолжать дело лучших сынов и дочерей Германии, павших смертью храбрых за счастье и свободу своего народа.

ХОЗЯЕВА

Рассказ

Дмитрий ОСИН

Рисунки П. Пинкисевича.

I

Поднявшись в восьмом часу, Валежников надел тесноватую, крытую синим сукном бекешу и вышел из дому. Заложив руки в карманы и глубоко вдыхая сырой, свежий воздух, припахивавший горьковатым угольным дымком, он направился вокруг озера.

Сосны на островке, сбившись тесным гуртом, стояли, как заблудившиеся, и терпеливо дожидались рассвета. Свежая тропочка, осторожно огибавшая неширокие черные промоины, уходила к островку, как будто кто-то в самом деле пробирался туда, чтобы перевести их через озеро в лес на горе.

«Завтра заберу ребят, Варю, и — в Сосновку, — думал Валежников. — Походим на лыжах... отдохнем. С утра пораньше!»

Завод вдали сиял и переливался огнями. Валежников вспомнил, как впервые приехал сюда зимой в сорок первом году и как ничего, кроме леса на горе, озера с островком и заблудившимися сосенками, на нем не было. Решив не возвращаться домой и не вызывать машину, он пошел вдоль озера, задыхаясь от неистового мартовского ветра, ломавшего зимнюю стужу.

Привычные думы о заводе, не дававшие спать всю ночь, возникли вдруг с новой, по-утреннему свежей и острой силой. Валежников не давал им воли, сдерживаясь, чтобы не торопиться, стараясь как можно дольше продлить прогулку перед большим и нелегким днем, а они, не отступаясь, шли вслед, ускоряя его шаг, учащая дыхание.

Когда он появился в заводоуправлении, не было еще и восьми часов. Огромный коридор на втором этаже освещали всего-навсего две электрические лампочки; немолодая суровая уборщица Глаша по-хозяйски хлопотала в приемной. Пылесос ползал за ней на низеньких круглых ножках, как поросеночек, а Глаша негромко приговаривала, по-уральски напирая на «о»:

— Опять окурком поперхнулся?.. Ох, и табакуры ж бессовестные! Мало им пепел всюду сыпать, так они еще окурки спичками заряжают...

— Доброе утро, Глаша, — поздоровался Валежников, усмехаясь ее словам и не без удовлетворения думая о том, что пришел раньше всех. — Опять с табакурами воюешь?

— Должность моя такая, товарищ директор, вот и воюю, — оглянувшись, отозвалась уборщица. — Долго, видать, они у тебя тут причастия ждут? Оттого и накуривают...

Очутившись в кабинете, Валежников разделся и, посмотревшись в огромный книжный шкаф с шлифованными зеркальными стеклами, пригладил редковатые, посеченные временем волосы. Повелительно, как всегда, глянули на него крупные, пристальные глаза с темными нездоровыми кругами, глаза человека, привыкшего распоряжаться и очень много знавшего о жизни и о людях. Губы горели и как будто даже запеклись — не то от внутреннего жара, не то от ломкой мартовской стужи. Подбородок зарос.

«Обойду после гудка цехи, побреюсь, — решил Валежников. — Ну и борода! Откуда только берется... особенно после сорока?»

— Что это ты раней раннего сегодня, Иван Денисович? — приоткрыв дверь, поинтересовалась Глаша. — Чай пил ли? А то схожу в столовую...

В синей опрятной спецовке и неяркой по-зимнему косыночке на зачесанных волосах она была полна самой неподдельной озабоченности и беспокойства.

— Не до чаю мне, Глаша, — Валежников прошел к витрине с образцами заводской продукции. — Спасибо!

— Да чего спасибо? — возразила уборщица. — Благодарить после будешь. А сахар у меня припасен, и булка свежая, горячая. Только в ларьке взята.

Валежников хотел отказаться и не смог. Столько в ней было тревоги за него, готовности накормить и приглядеть, что он, на мгновение поддавшись этому, согласился:

— А и в самом деле, давай-ка выпьем по чашечке.

Глаша пытливо оглядела его, словно подтвердились самые затаенные ее опасения.

— Сейчас пошлю. Девчонка на одной ноге слетает...

Она вышла в приемную, неодобрительно думая о том, что нынешние жены не приглядят как надо за мужьями, даже накормить их не удосужатся.

«Разве можно таку рань из дома человека выпустить? — корила она всердцах и жену директора. — Когда он тут за делами да за каруселью людской об еде вспомнит?»

А Валежников, задумавшись, стоял у витрины, где на зеленом плюше были разложены образцы труб, начиная от самых больших и кончая крошечными волосовидными трубочками специального назначения и особой прочности. Он думал о том, что сейчас заводу предстояло освоить выпуск такой продукции, которую никто из трубопрокатчиков никогда не видывал раньше и вряд ли даже предполагал, что она может существовать на свете.

Окна кабинета выходили на заводской двор. Там раскачивались на ветру молодые, дружно поднявшиеся сосенки и горели еще высокие, на литых кронштейнах фонари. Глухой и многоголосый шум доносился оттуда, как бы говоря, что все в порядке и что, пока слышится этот согласный и размеренный шум на заводе, все идет как надо.

Валежников не расслышал, как в приемной зазвонил телефон — раз, другой. Секретарши еще не было. Глаша, сняв трубку, кому-то недружелюбно ответила:

— Гадал, да не угадал. Маргарита Павловна твоя третий сон доглядает... Директор пришел ли? Ну, чего привязался? Сейчас погляжу.

Приоткрыв дверь, она вполголоса окликнула:

— Иван Денисович, Черкушин спрашивает. Я было не хотела, да он...

Валежников подошел к телефонному столику.

Черкушин был мастер отдела технического контроля в трубопрокатном цехе.

«Наверно, обнаружил что-нибудь? — подумалось Валежникову. — Давно как будто в трубопрокатном ничего чрезвычайного не было».

Сняв трубку, он перевел рычажок параллельного переключения.

— Слушаю.

— Иван Денисович? — обрадовался мастер. — Здравствуй, это Черкушин беспокоит.

— Здравствуй, Черкушин! Что там у вас? — сразу же напрямик спросил Валежников, внутренне, как всегда, идя навстречу любой неожиданности.

— Разреши минут на десять... Сейчас с утра...

— А может, лучше по телефону?

— Нет, по телефону не выйдет. — Черкушин сказал это особенно значительно, и от прежнего, немного словно бы просительного тона не осталось и следа.

Валежников вздохнул.

— Ты разве не в цехе? Не на работе?..

— По пятницам у меня депутатский день, — пояснил Черкушин. — А работать сегодня — в ночную смену.

— Тогда вот что, — безоговорочно предложил Валежников: — или давай по телефону, что там у тебя, или позвони попозже, часов этак после двенадцати...

— Товарищ директор, — голос Черкушина чуть дрогнул, — я очень прошу десять минут сейчас. Мы к вам с одним товарищем... по неотложному делу!

Валежников с сожалением оглянулся на витрину, точно говоря ей: «Ну вот, видишь! Не дадут даже обдумать все, сосредоточиться...»

Черкушин ждал, дыша в самую трубку. Слышалось, как звенела ложечка о чайный стакан, как в квартире у него, должно быть, за неприкрытой дверью бубнило радио.

— Ну, ладно. Выходите, я машину подошлю, — сдался Валежников. — Чтобы через четверть часа здесь были!

— Вот за это спасибо, — сдержанно поблагодарил Черкушин. — Сейчас выходим...

— Кто там у тебя? С кем ты?..

— Да с Остапчуком... С кем же еще? Знаете: вальцовщик с прошивного!

Валежников замялся. Посылая машину, он отнюдь не собирался делать одолжение Черкушину и тем более Остапчуку, с которым месяца три назад у него возникли особенно трудные отношения. А теперь выходило, что он, директор завода, заискивает перед ними и даже послал машину.

Казалось бы, что в этом такого? Но Валежников давно привык считать себя хозяином на заводе, понимая под этим не только единоначалие, предоставленное ему по праву, но и любовь распоряжаться, ставшую почти что чертой его характера, крутого, привыкшего всегда и все брать на себя и не желавшего делиться ни с кем ни своей властью, ни ответственностью за нее.

Хозяином он действительно был хорошим. Завод из месяца в месяц работал отлично и сейчас не тревожил Валежникова.

«А вот Остапчук... Остапчук, — думал он. — Ну что мне с ним делать?..»

Семен Остапчук, с которым должен был подъехать Черкушин, работал в трубопрокатном цехе старшим вальцовщиком прошивного стана. Жил он в бараке неподалеку от завода; семья у него не то из пяти, не то из шести человек...

Остапчук совсем недавно приходил к Валежникову с требованием переселить его из барака в социалистический городок, где накануне нового года строители закончили и сдали очередной жилой дом. Но, как иногда случается, завком, готовивший списки на получение квартир, после многократных прикидок и перетасовок не сумел выкроить Остапчуку ничего подходящего, и тогда было решено, что ничего не поделаешь — придется потерпеть еще немного. Скоро будет готов другой дом — в нем Остапчуку обязательно выделят квартиру из двух комнат.

— Ничего не могу исправить, — попытался объяснить вальцовщику положение Валежников. — Ордера уже выданы... я проверил. У кого теперь отобрать, подскажи.

Но Остапчук не отступался.

— Хозяин вы чи не хозяин у нас на заводе? — запальчиво допытывался он, смахивая костистым, со следами въевшейся металлической пыли кулаком крупные слезы, выступавшие против воли на серых, выразительных и задумчивых глазах.

Внутренне он, как и Валежников, должно быть, тоже понимал, что дело уже сделано и исправить ничего нельзя. Но возвращение домой ни с чем было так обидно и непереносимо, что Остапчук никак не мог опомниться, заговорить по-иному.

Валежников хорошо понимал это и, от души сочувствуя ему, тоже не мог сдержаться.

— Хозяин! Хозяин! — повторил он сердито, поднимаясь из-за стола. — А у кого я тебе квартиру отберу? У кого?..

— Та, мабуть, хоть у себя! — крикнул Остапчук. — Разве ж це мое дело? — и, не совладав с собой, ожесточенно хлопнул дверью.

II

Тяжелый тот разговор надолго запомнился Валежникову, оставив смутный осадок горечи. Совсем того не желая, он оказался в тяжком и не сразу поправимом положении.

«Обидели человека, — думалось ему. — А все завкомщики, будь они неладны!».

Вызвав коменданта, Валежников приказал срочно отремонтировать, привести в порядок комнату Остапчука. Но на вальцовщика это произвело совсем не то действие, какого следовало ожидать. Остапчуку показалось, что новой квартиры ему вообще не дадут. Работал он тот день из рук вон плохо, выдал брак...

Начальник цеха попытался скрыть это, отнести брак за счет завода. Узнав, Валежников объявил ему выговор, а с Остапчука распорядился удержать сто тридцать девять рублей — стоимость забракованных труб.

— Крутенько ты с ним, Денисыч, — вздыхая, заступался за Остапчука председатель завкома Савич. — Не обеднел бы завод наш от этого убытка. Сами ж мы человека довели...

Хмуро передвигая пепельницу по столу, Валежников согласился:

— Не обеднели б, знаю! — он помнил, как Остапчук допытывался, хозяин он на заводе или нет и, не уважая Савича за это заступничество и бестолковость, добавил: — Вот пускай теперь глядит: хозяин я или не хозяин?

— Зря ты характер показываешь, — возразил Савич и, отобрав у него пепельницу, сунул в нее окурок.

— А ты не заступайся! — резанул Валежников. — Сам во всем виноват, а перед рабочими чистеньким выглядеть хочешь!..

В приемной послышался говор, шум. Валежников поднялся встретить посетителей, но из-за распахнувшейся двери показалась Глаша с чайником и посудой, а за нею — бородатый, в очках Черкушин и плотный, рыжеватый, в стеганке и заячьей шапке Семен Остапчук.

«По всем линиям решил действовать, — подумал Валежников. — В горком жаловался, министру писал. Теперь за депутата Верховного Совета взялся...»

— Ну что за люди, — корила вошедших Глаша. — Дайте хоть чаю попить!..

— Глафира Митрофановна, остынь чуть-чуть, — мягко басил Черкушин, идя за нею. — Может, мы тоже чаевать собираемся...

— Как это остынь? — вскинулась Глаша. — Или я уж ни за что тут не отвечаю? Так себе техничка...

— Соседка, потерпи трохи! — успокаивал ее Остапчук, сдерживая усмешку и по привычке забирая плечом вперед на ходу. — Мабуть, ты тут вроде секретарши...

Поставив посуду на стол, Глаша подала Валежникову сверток с булками и сахаром.

— Пейте! Вот только заварка последняя — крошки да былки. Не знаю, настоялся ли.

— Поищи у Маргариты Павловны, — кивнул ей Валежников и поздоровался с вошедшими: — Здорово, молодцы хорошие!

Глаша скрылась за дверью.

Молчание с минуту мешало всем. Наконец Черкушин не выдержал, чуть повел пушистой бровью:

— Ну-ка, показывай, что у тебя, Остапчук?

Остапчук достал из кармана сложенную вчетверо бумагу. Валежникову показалось, что это очередная жалоба или заявление, но тот развернул на столе нечто совсем непохожее — не то какой-то набросок, не то выкопировку с чертежа.

— Интересно, — проговорил Валежников, отставляя чашку и вглядываясь. — Та-ак... центрователи, как будто?

— Центрователи прошивного стана, — подтвердил Остапчук.

Валежников сердито, с хрустом откусил сахар.

— Ну так что же? Центрователи, центрователи... а разностенность в трубах как была, так и есть!

— Эти-то с нашей новаторской добавкой, — вмешался Черкушин. — Вот тут перед вторым положением — особинка... — Вглядитесь!

— Чтобы оправка во время прошивки не плавала... — добавил ревниво Остапчук, показывая набросок устройства. — Там у нас два положения, а це третье. В третьем положении кулачки будут центровать саму гильзу...

Валежников внезапно почувствовал себя

почти счастливым. Один из самых крепких и трудных орешков в новом задании удастся разгрызть неожиданно легче, чем представлялось. Взяв набросок, он всмотрелся еще раз. Было жарко то ли от чая, то ли от возбуждения.

— К начальнику цеха, к технологам обращался? — спросил он Остапчука. — Или опять прямо к директору?..

— А как же, — точно не обратив внимания на намек, отозвался вальцовщик. — Первым делом к ним...

— И что же? Что они говорят?

— Та нехай лучше контролер объяснит.

Черкушин блеснул стеклами очков.

— Они в этом деле на поводу у конструкторов тащатся!

— Как это на поводу? — не сразу понял Валежников.

— А так. Кто-то подсчитал, что переоборудование чуть не в сто шестьдесят тысяч обойдется...

— А того не сосчитали, что оно пользы даст, — вставил Остапчук. — Одного только брака сколько сократится!

Валежников и без этого отлично понимал, что́ даст приспособление Остапчука, а расходы на переоборудование его не останавливали.

— Пойдешь в технический отдел, — чуть подумав, предложил он вальцовщику. — И не отступайся от инженеров до тех пор, пока центрователи не переоборудуют. Понятно?

— Понятно, товарищ директор, — обрадовался и заметно повеселел тот. — Уж я от них не отстану!

— А насчет того, что у нас с тобой было, забудь, — сказал как можно мягче Валежников. — Забудь и потерпи. Освоим новое задание, я тебя к премии представлю, а не только квартиру...

Глаза Остапчука, недобро отвердев, уставились на него в упор.

— Не сулите, — медлительно проговорил он. — Все равно не забуду...

Черкушин хотел вмешаться, перевести разговор на другое, но не успел. Валежников выдержал взгляд Остапчука и отдал чертеж.

— Я ничего и не сулю, — проговорил он. — А только хочу недоразумение ликвидировать.

— С того, как вы кажете, недоразумения у меня дочка болеет, — вдруг глухо выдохнул Остапчук и, сгорбившись, отвернулся. — Молодшая... В больницу вчера забрали!

Валежников шагнул к нему.

— Да ты рассуди объективно...

— Думаете, соцгородок построили, каких-нибудь два или три десятка домов, — и ладно? — переломив себя, зло и сухо продолжал Остапчук. — Та за фасадом этим полторы, ну от силы две тысячи семей. А в бараках еще сколько?

Валежников оглянулся на Черкушина, точно приглашая помочь вразумить Остапчука. Депутат стоял, отвернувшись к окну, глядел во двор, где в резком свете утра тек, разливался из главных проходных людской поток. Обернувшись и не скрывая, что согласен с подручным, Черкушин сказал:

— Остапчук прав. Увлеклись мы фасадом этим, успокоились...

Валежников рассердился:

— Да кто вам сказал, что успокоились? Строим ведь, все время строим... переселяем!

— По два дома в год, — с горечью заметил Остапчук. — К первому мая — один, к седьмому ноября — другой...

Помолчав, Черкушин напомнил:

— Строим, это верно. А два с половиной миллиона из отпущенных государством в прошлом году не освоили. Разве это по-хозяйски?

— Может, и не по-хозяйски, да лучше не сумели.

Остапчук, видимо, уже успокоился и примиряюще сказал:

— Партия не тому нас учит. Рабочие — те ж хозяева. Еще неизвестно, кто главнее хозяин.

Из-за двери показалась гладко зачесанная головка секретарши Маргариты Павловны.

— Иван Денисович, Галышев звонит! Второй раз уже...

Кивнув ей, Валежников вернулся к телефону.

— Чем это ты там ни свет, ни заря занят? — послышался в трубке требовательный, как всегда, голос секретаря горкома. — Заседаешь, наверное? — Видно было, что Галышев в хорошем настроении, но Валежников знал: оно еще ничего не означает.

— Какое тут заседание! — вздохнул он. — Совсем даже наоборот!

— Не горюй, день еще только начинается, — засмеялся Галышев и словно в подтверждение того, о чем думал Валежников, проговорил: — Подъезжай-ка часам к семи в горком! Проинформируешь о ходе жилищно-бытового строительства...

— На бюро?

— Ну бюро не бюро, не в названии дело.

— Один я? — насторожился Валежников и, оглянувшись на Черкушина и Остапчука, заслонил от них трубку.

— И ты и другие директора, — возразил Галышев. — Есть, говоря по правде, кое-какие сигналы... разберемся!

— Хорошо. Буду, Степан Петрович.

— В семь тридцать. — Галышев побарабанил ногтем по трубке. — Ну, как с новым заданием? Осваиваетесь?..

— Приеду, расскажу, — пообещал Валежников и, подождав, не спросит ли секретарь горкома о чем-либо еще, положил трубку.

Остапчук и Черкушин молчали, ожидая, пока он кончит разговор. Черкушин сидел у стола, а Остапчук хмуро глядел на заводской двор.

Обернувшись к ним, Валежников чуть помолчал, точно возвращаясь мысленно к тому, что перебил телефонный звонок.

— Ну та-ак, — проговорил он и вдруг, словно найдя оборванную нить, обратился к Остапчуку: — Иди в технический отдел, как условились. Пять дней ему хватит, как думаешь, Черкушин?

Черкушин поднялся:

— Не знаю, Иван Денисович...

— А я знаю: хватит! — подтвердил, взвесив что-то, Валежников и снова взял телефонную трубку: — Гайдукова мне! Гайдуков? Сейчас к тебе зайдет старший вальцовщик из трубопрокатного — Остапчук. Есть у него одна идея, поручи толковому инженеру помочь... ну хотя бы Половинкину, пускай вдвоем займутся! Даю вам срок до четырнадцатого, понятно? Как там с испытанием новой стали? Та-ак... А кто тебе разрешил этим заниматься, уходить в сторону? Помни: основная нагрузка цилиндрам будет в разреженной среде! Об этом и думайте... Да, да... Так поручи Половинкину, не возражаю. Через три дня доло́жите, как пойдет дело...

Он распоряжался привычно и властно, как хозяин, не только знающий своих подчиненных, но и что можно потребовать от любого из них. Глядя на Валежникова, нельзя было не залюбоваться тем, как он распоряжался, но Остапчук не поддался и, молча попрощавшись, забрал свой набросок.

— Кремень-мужик! — вздохнул Валежников, когда дверь закрылась. — С таким характером только у меня и работать, — и усмехнулся.

— Обиделся он, — очень серьезно и значительно проговорил Черкушин. — Не придумаешь, чем помочь...

Валежников вернулся к столу.

— Вижу: работник золотой! А квартиру ему взять негде...

— Шире пора смотреть, Иван Денисович, — Черкушин прошел по кабинету, остановился. — Разве это дело? Ведь мы даже того, что отпущено, освоить не сумели!

— Вот за это меня, наверное, в горком и вызывают, — признался Валежников. — Ответ держать...

— Знаю.

Валежников удивился. Откуда Черкушин, беспартийный мастер, раньше его знает о том, что делается в городском комитете партии?

— Что ты знаешь? — спросил он не без ревнивого любопытства.

Черкушин засмеялся.

— Говори, говори. Чего мнешься?

— Так ведь я же содокладчик по этому вопросу.

Валежников внимательно поглядел на Черкушина, будто связывая что-то воедино. Потом лицо его приняло немного обиженное выражение.

— А если содокладчик, так давай-ка со мной сейчас, — предложил он. — Пройдем по этим самым баракам, будь они неладны! Давно, признаться, я там не был...

— Пройдем, — согласился Черкушин. — Я как раз туда собирался по одному делу.

— А не боишься, что жильцы нам концерт устроят? — Валежников засмеялся и надел бекешу. — Устроят и правы будут. Поделом!

— Кажется, это вы побаиваетесь, — поддел его, не сдержавшись, Черкушин. — А мне что ж... дело привычное.

III

У мастера Черкушина не было до сих пор повода для столкновений с директором завода. Скорее отношения их складывались как бы по касательной. Так думалось Черкушину прежде, но теперь он знал: это не совсем верно.

«Содокладчик, — думал о нем Валежников, пока они ехали с завода в поселок. — Признайся уж лучше — доглядчик! Ну так я тебе покажу, как оно у нас тут. Докладывай!..»

Поселок раскинулся на голом, неприютном юру, поросшем редкими сиротливыми соснами и открытом всем ветрам. Отпечаток временного постоя лежал на всем его облике, хотя люди жили здесь уже не один год.

Приказав шоферу остановиться у ворот, Валежников предложил:

— Ну, что ж? Начнем с начальства...

— Начнем, — вылезая из машины, согласился Черкушин.

— Тут у нас как будто комендантша, — объяснял ему, поднимаясь на крылечко конторы, Валежников. — Начальство хотя и небольшое, да, как говорится, с норовом!

Черкушин засмеялся:

— Кажется, что так...

Комендантши в конторе не оказалось.

— Уехала чуть свет за дровами на склад, —

сказала белобрысенькая девчушка-счетовод и поздоровалась с Черкушиным: — Здравствуйте, Матвей Игнатьевич! Что с вами? Сегодня ж не ваш приемный день...

Валежников огляделся и, увидав депутатское объявление Черкушина, рассмеялся.

— А я-то его веду, объясняю, где что. Постой, постой, да ты ведь во Дворце культуры избирателей принимаешь? Мы же тебе там комнату оборудовали.

Черкушин немножко смутился, точно уличенный в чем-то предосудительном.

— Там я раз в неделю бываю, а здесь — каждую пятидневку.

— Ну, брат, тогда уж ты меня води, показывай, — предложил Валежников и шагнул к двери. — Давай, давай!

Валежников вырос почти в таком же поселке, и на него вдруг пахнуло давним-давним детством. Сердце невольно дрогнуло. Он вспомнил, как десять лет тому назад строился этот поселок в самые суровые и трудные дни войны, как, выгрузившись из эшелонов, люди рады были любому крову над головой. Многое ушло с тех пор, многое забылось и переменилось, а бараки эти остались стоять попрежнему, разве только покосились и вросли в землю, да потемнела от ветра и непогодной стужи расщелившаяся обшивка.

— Давненько не бывал я здесь, — виновато бормотал Валежников, оглядывая невеселую барачную улочку, кривовато поднимавшуюся в гору. — Года полтора или два, наверно...

Но на самом деле он не был здесь почти три года: то не находилось времени, а то как будто не было и нужды. Заложив новый социалистический городок, видневшийся отсюда на берегу озера, Валежников все внимание отдал ему. Каждый дом там, каждое сооружение были дороги ему, как родные; в любое время дня и ночи он напамять мог сказать, сколько они стоили, что в них хорошо и что неудачно; а новый, нарядный Дворец культуры с прекрасным зрительным залом, мягкой мебелью, огромной библиотекой и рестораном — дворец, обошедшийся почти в полтора миллиона рублей, которому могли позавидовать в областном центре, по праву был его гордостью.

Придерживая рукой папаху, Валежников шел по улочке, нагибаясь, пролезал под веревками с гремящим на ветру бельем и пытался вспомнить, сколько денег тратилось на благоустройство этого поселка ежегодно и как все они, сколько ни отпускалось, точно в прорве, исчезали без заметных результатов.

Невдалеке, у продуктового ларька, стояли люди. Черкушин, словно нарочно, подвел директора поближе. Должно быть, потому, что часто бывал здесь, он совершенно не заботился о лучшей, казовой стороне того, что показывал. А Валежникову все время хотелось обойти стороной то одно, то другое.

— Крепкий же у тебя характер! — грубовато заметил он Черкушину.

— О чем вы? — обернулся к нему Черкушин, сверкнув глазами из-под очков.

Валежников остановился.

— Да вот не боишься... водишь меня, — глухо проговорил он. — Персты, можно сказать, в самые раны запускаешь!

Широко взмахнув рукой, Черкушин обвел весь поселок.

— Смотря в чьи раны, — нескрываемо ожесточенно резанул он. — Ежели в ваши, то... давно пора и полезно!

Беспощадная правота этих слов поразила Валежникова. Черкушин словно назвал то, что саднило в душе, и он, хотя не почувствовал облегчения, но знал уже, что боль его именно от этого. И странное дело: Черкушин, который совсем не старался казаться большим и исключительным человеком, все более вырастал во мнении Валежникова, а сам он, всегда умевший производить такое впечатление на окружающих, становился рядом с ним словно бы меньше, но чувство это было совсем не обидно, как будто другая и самая главная боль заслоняла собою все.

«Кому это нужно создавать здесь очереди? И, наверно, ведь каждый день? — с холодным бешенством спрашивал себя Валежников, а боль, томившая душу, беспощадно и трезво подсказывала: — Ты... ты и виноват! Помнишь, как в позапрошлом году рабочие ставили вопрос о постройке магазина? Нашлись тогда умники, которые стали возражать против этого, ссылаясь на то, что капитальное строительство во временном поселке нецелесообразно. И ты, ты согласился!..»

Валежников замотал головой, как будто наткнулся на что-то и ушибся — чувствительно, нестерпимо. Черкушин поглядел на него пристальнее обычного, словно угадав все, что происходило в душе у директора.

— Дяденьки-депутаты, вы кого ищете? — догнав их, спросил рыжеватенький мальчуган, несший хлеб из ларька.

Воробьи стаей летели за ним, а он отщипывал кусочки мякиша и щедро бросал им, искоса поглядывая, чтобы досталось каждому.

— Откуда ты знаешь, что мы депутаты? — заинтересовался, остановившись, Черкушин.

Мальчуган прищурился, оглядел его с ног до головы.

— По портрету. Хоть и слабо похоже, а узнать можно: Черкуши-ин!

— Верно, я-то Черкушин, — весело признался Черкушин. — А вот ты кто?

— А я Остапчук, — с не меньшим достоинством назвался мальчуган. — Юрко Остапчук...

Валежников пригляделся.

— Остапчук? Тебя-то мы и ищем. Где живешь?

— Пойдемте покажу, — Юрко нисколько не удивился и не стал расспрашивать больше ни о чем, поняв, видно, что розыски относятся не к нему лично, а к родителям.

Воробьи попрежнему вились вокруг него, подхватывали на лету хлебные крошки, клевали их и не боялись ничего.

— Ты почему не в школе сегодня? — спросил Валежников, чувствуя, что мальчуган сразу вошел в его сердце, а от былой неприязни к отцу не осталось и следа.

— Маманька вчера белье стирала, простудилась, — объяснил, нахмурясь, Юрко. — Лежит с утра, а Лидушке в больницу надо было гостинцы нести...

Валежников склонил голову. А Юрко, поотцовски забирая плечом вперед, вел их и продолжал:

— Маманя ругает батю: «Тихоня! Рта раскрыть не можешь, потребовать. Лидочка заболела тут, в бараке; теперь — я...» Ругает, а не понимает: батько у нас совсем не тихий, а гордый. «Тю, — отвечает, — требовать не словами надо, а делами!»

— Ну и что ж, ходил ты в больницу? — спросил Черкушин. — Как Лидушка сегодня?..

— Вчера плакала, а сегодня веселая, — счастливо улыбнулся Юрко. — Лежит, книжки с картинками смотрит. Увидела меня, говорит: «Я скоро выздоровею, Юрко. Как только опухоль похудеет...»

— Ревмокардит у нее, — пояснил Валежникову Черкушин. — Пришлось в больницу устраивать...

Услышанное снова задело Валежникова.

— Ну, так что? Зайдем?.. — вопросительно поглядел на него Черкушин, когда они остановились у барака, к которому подвел их Юрко, будто не совсем еще был убежден, что у Валежникова достанет силы и желания на это. Но тот, даже не ответив, шагнул через осевший порожек, где стояла натаявшая лужа, и скрылся в холодных и неуютных сенях.

Несколько примусов и керосинок горело на табуретках в коридоре, по обеим сторонам которого виднелись крашенные охрой двери. Привкус копоти мешался с запахом лука, масла и приготовляемой пищи.

— Четвертая направо, — подсказал Юрко, заторопившись предупредить мать.

Дверь скрипнула, закрылась; а рядом, словно поджидая их, распахнулась другая, и из нее неожиданно показалась Глаша со сковородкой и спичками в руках.

— Товарищ директор? — удивилась она, узнав Валежникова и Черкушина, и, сунув сковородку на холодный примус, вытерла о передник руки. — В кои-то веки? К кому вы?..

— Да хотя бы к тебе, — нашелся Валежников. — Принимай гостей!

Глаша широко и радушно распахнула дверь:

— Входите, ежели за делом пришли!

В коридоре снова показался Юрко.

— А к нам? — обиженно метнулся он к Черкушину. — Маманя сейчас встанет, оденется...

— Зайдем, зайдем и к вам, — кивнул, успокаивая его, Черкушин. — Потерпи минутку!

Обтерев передником табуретки, Глаша предложила их гостям, присела сама. Комнатка ее была невелика, тесна, но опрятна и даже уютна. Две койки стояли у стен, а между ними возле самого окна приткнулся столик. Печурка дышала теплом. Трудно было поверить, что после холодного и неуютного коридора попадешь в такую опрятную и чистенькую комнату.

Запахнув платок, Глаша зорко оглядела пришедших, точно пытаясь определить, дело или безделье привело их.

— К Остапчукам? — коротко спросила она, и суровое, строгое ее лицо с поднявшимися бровями стало еще строже.

Валежников расстегнул бекешу, подтвердил:

— И к Остапчуку и к вам, в поселок...

Он был уверен: Глаша поймет его и, может быть, даже посочувствует. За тонкой, наскоро оштукатуренной перегородкой слышались приглушенные голоса, суета. Что-то упало там, покатилось по полу; раздался детский плач.

— Я вам вот что скажу, раз пришли, — не колеблясь, с убежденной прямотой начала Глаша. — Нельзя им дальше тут жить, хоть у кого спросите. Дети больны, мать тоже еле держится. Черствое сердце надо иметь, чтобы не видеть этого!

Голос ее звучал резко. Сама Глаша совсем не походила на ту, что утром угощала Валежникова чаем, и ему стало даже весело от отчаяния, потому что нельзя было не любоваться ею и тем, как она ругала его.

«Так, так! — мысленно твердил Валежников. — Не смягчай ничего...»

— Глафира Митрофановна — у нас член уличного комитета, — пояснил Черкушин, желая, чтобы директор правильно понял ее. — Поселковая активистка...

— Погляди, как тут люди живут, — продолжала Глаша. — Ведь ты же хозяин, Иван Денисович! Тебе генеральское звание не зря в войну дадено!

— А вы все разве не хозяева? — горячо возразил Валежников, как бы признаваясь в том, что ошибался, считая хозяином на заводе только себя одного и совершенно не принимая в расчет другого, самого главного и основного хозяина, которым, несомненно, были и Черкушин, и Остапчук, и Глаша, и все рабочие. Забывая об этом, он считался часто только с тем, что могли указать ему в горкоме, главке или министерстве, полагая, что лишь там могут решать все заводские дела, и считая хозяином на заводе одного себя. А оказывается, он был не хозяин, а плохой и недальновидный работник, которого так беспощадно бьет сейчас действительность.

«Горько и больно, — думал он, слушая суровый, осуждающий голос уборщицы и суету за стеной у Остапчука. — Два с половиной миллиона не освоено в прошлом году, а люди терпят лишения. И какие люди! Золотые, кадровые рабочие, подлинные хозяева прекрасного этого завода и всего-всего в стране!»

Он вспомнил о великом законе социализма и почувствовал себя непоправимо виноватым перед всеми. Но удивительно: чувство это не уничтожило Валежникова, а скорее даже давало ему какую-то новую и умную силу, необходимую для того, чтобы работать лучше и зорче, без промахов и ошибок.

А Глаша понимающе переглянулась с Черкушиным, проговорила:

— Хозяин-то ты, Иван Денисович! Да и мы все тоже не только твои работники...

Валежникову стало немного легче от этих слов. Он поднялся, благодарный ей не за сочувствие, которого так хотелось вначале, а совсем-совсем за другое, что было во много раз дороже и необходимей теперь ему, и кивнул Черкушину:

— Убрались уж там, наверное? Пойдем!

— Пойдем, — согласился, поднимаясь, Черкушин и вдруг, тронув Валежникова за рукав, стеснительно добавил: — Иван Денисович, я давно хочу предложить, да не решаюсь...

— Что такое? — Валежников задержался.

— Пускай Остапчуки ко мне переезжают. Поживут пока в большой комнате.

Глаша радостно всплеснула руками:

— Да ты с женой говорил ли? Согласовал ли? Час от часу не легче!

Черкушин запахнул полушубок, точно пряча от всех то, что на сердце.

— Не говорил еще. Да она у меня сознательная...

Недоверчиво поглядев на него, Глаша промолчала.

— Потеснимся пока, а к маю расселите, — рассуждал, точно заранее оправдываясь перед женой, Черкушин. — Надо же как-то из беды выходить. Согласовано?

— Нет, не согласовано, — возразил Валежников. — Моя беда, мне за нее и ответ держать! — и засмеялся открыто и облегченно. — Пускай-ка Остапчук переезжает не к тебе, а в ту квартиру, что для технолога оставили. Когда еще тот приедет!

— Так ведь со дня на день может приехать, — Черкушин явно не одобрял директора. — Это не выход, Иван Денисович...

Валежников немного подумал, словно проверяя свое решение еще раз. Потом глаза его сощурились, обдали мастера озорноватой и теплой усмешкой.

— Ничего. Приедет, поживет в гостинице. А к маю в двадцатидвухквартирный дом переберется. Сдадут строители, как думаешь?

— К маю сдадут, Иван Денисович, — подтвердил Черкушин.

— А сдадут, — прикинул что-то снова Валежников, — так и точка. Вот только сюда, на их место, чтобы никого с детьми не вселили, — и, обернувшись к Глаше, предупредил: — Проследи за этим сама, не то комендантша опять нам мороку устроит...

— Прослежу, — обрадовалась та. — А Остапчукам вы сейчас и объявите о переезде. Пускай вещи увязывают!

И в ломкой, ветреной тишине стало слышно отчетливое постукивание певучей мартовской капели, предвещавшей тепло и весну.

По примеру Василия Колесова

Метод силового резания металла, разработанный токарем средневолжского станкостроительного завода В. Колесовым, подхвачен на металлообрабатывающих предприятиях города Львова. Передовые львовские станочники быстро овладели новым методом обработки металла и внесли в него некоторые свои дополнения. Наиболее ценным является усовершенствование, предложенное токарем завода приводных прессов Владимиром Гургалем.

Резец куйбышевского новатора В. Колесова рассчитан на обработку наружных поверхностей, а Владимир Гургаль путем незначительного изменения сумел применить этот резец для подрезки торца и расточки внутренних отверстий. Такой резец позволил резко повысить использование мощности станка и увеличить выработку. Применяя метод В. Колесова, Гургаль за смену обрабатывает вместо одного четыре вала.

В. Гургаль часто консультировался у львовских ученых. На снимке: В. Гургаль беседует со старшим преподавателем Львовского политехнического института Г. М. Лящуком.

Опыт Гургаля перенимают токари и технологи других городских предприятий. На снимке: В. Гургаль демонстрирует свой резец Г. Карлову (крайний слева) и С. Заславскому (справа).

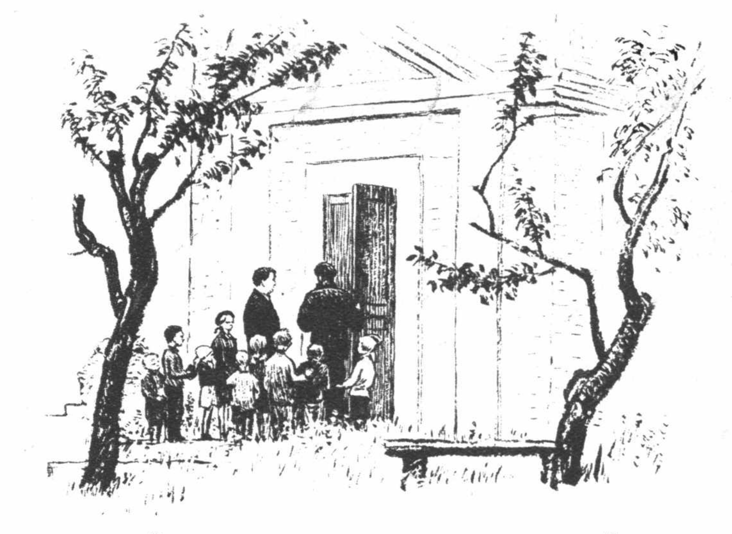

Свободное от работы время Владимир Гургаль проводит в научно-технической библиотеке Политехнического института, где изучает новинки специальной литературы. На снимке: В. Гургаль (слева) в читальном зале библиотеки.

Фото Д. Мулярчука (ТАСС).

ЗЕМЛЯК ЛЕРМОНТОВА

Ираклий **АНДРОНИКОВ**

Рисунки О. Верейского.

В дни, когда отмечалось столетие со дня смерти Белинского, большая делегация писателей и ученых выезжала из Москвы в те места, где прошли его юные годы,— в Пензу и Пензенскую область.

Никогда и нигде не бывало — это бывает только у нас! — чтобы торжества, посвященные памяти великих людей, превращались бы в такие огромные, подлинно всенародные события, оставляющие неизгладимый след в сознании каждого, кто принимал участие в их проведении. Хотя меня никто не уполномочил на это, тем не менее я решаюсь заявить и от лица десятков тысяч людей, присутствовавших при закладке памятника Белинскому в Пензе, и от лица тех, кто находился в тот вечер в Пензенском областном театре на торжественном заседании, и от имени делегации, и, наконец, от собственного своего имени: я беру на себя смелость утверждать, что эти дни навсегда останутся для нас одним из самых сильных и благородных воспоминаний!

Из Пензы мы поехали в город Чембар, которому как раз в те дни было присвоено имя Белинского. А в семнадцати километрах от Чембара находятся Тарханы (ныне село Лермонтово), где поэт провел первые тринадцать лет — почти половину — своей короткой жизни и где похоронен. А я, к позору своему, с давних пор все собирался, собирался в Тарханы, да так и прособирался... до самой войны. В июле 1941 года, в столетие со дня гибели Лермонтова, такая же делегация — от Лермонтовского юбилейного комитета — должна была доставить в Тарханы бронзовый барельеф поэта и возложить на его могилу венки. Но началась война, поездка не состоялась, торжества провести не удалось. Зато теперь, едучи на юбилей Белинского, я был совершенно уверен в том, что так или иначе, а уж сумею наконец побывать и в Тарханах.

И вот мчатся машины нашей делегации через холмистые пензенские степи — одна за другой,— и вдруг через левое стекло, чуть в стороне, вижу светлозеленую крышу двухэтажного дома среди темной зелени старого парка, белую церковь и село, так хорошо известное мне по картинкам! Лермонтово! Я прямо чуть на ходу не выскочил: не могу мимо проехать! Остановили машину. Подходят другие, выруливают на обочину. Захлопали дверцы. Выходят делегаты размяться, узнать, зачем остановка. Вношу предложение завернуть на полчаса в Лермонтово. Обсуждали недолго: уговаривать не надо никого. И вот уже поворачиваем в Лермонтово, едем по сельской улице, огибаем широкий пруд, останавливаемся во дворе музея. А там, оказывается, и без нас полно машин. Не мы одни такие догадливые! Гости, ехавшие в город Белинский из других районов и областей, тоже решили по дороге заехать в Лермонтово. Входим в небольшие комнатки мемориального домика. Стоит густая толпа; объяснения дают в разных углах директор, экскурсоводы, учителя. Стараюсь рассмотреть, что показывают, вытягиваю шею, приподымаюсь на носках... Понимаю: сейчас, через какие-нибудь пятнадцать — двадцать минут, уедем отсюда, и можно будет сказать: «Побывать — побывал и ничего не видал». А я все-таки Лермонтовым занимаюсь!

Стал я просить тогда, чтобы оставили меня до следующего дня в Лермонтове, а утром захватили бы на обратном пути в Пензу. Руководитель нашей делегации Фадеев Александр Александрович не возражал.

И вот все уехали: сперва наши, потом гости из соседних районов и областей, делегация от колхозников села Лермонтово, директор музея, учителя, экскурсоводы. Уехал даже сельский милиционер. Все отправились на торжественное заседание в Белинский. А я был оставлен на попечение сторожихи и получил наконец полную возможность рассмотреть все подробно. Обошел все комнаты, погулял в парке по всем аллейкам, посидел на всех скамейках и, не торопясь, часа через три отправился к выезду из села, где возле белой церкви в небольшой часовне покоится прах Лермонтова.

Над часовней этой раскинулся довольно высокий дуб, который посажен там, очевидно, из уважения к желанию Лермонтова, чтобы над ним

«темный дуб склонялся и шумел».

Сторожит часовню и водит по ней экскурсии сторож — старик лет уж, наверно, под семьдесят.

Никогда и нигде еще не доводилось мне видывать и слыхивать такого экскурсовода! Он рассказывает о Лермонтове так живо, так подробно, так достоверно, что, кажется, он был командирован в ту эпоху и только недавно вернулся. Но при этом он не упивается знанием прошлого, не живет им! Нет! Лермонтов в его рассказе словно выдвинут из той эпохи и, кажется, словно живой, стоит рядом с нами.

Прежде всего старик поинтересовался: отстал я от делегации случайно или нарочно остался осмотреть лермонтовские места? Когда узнал, что нарочно, видимо, был доволен и стал заключать условие с ребятишками, которые стояли за оградой и просили присоединить их к этой малолюдной экскурсии. Сказал им:

— Вы, ребята, мои условия знаете! Если кто из вас одно слово скажет, не стану разбирать, кто сказал, всех отправлю. Понятно? Будете находиться здесь до первого слова. И шапки оставляйте на улице. Идете... к Михаил Юричу...

Слова «к Михаил Юричу» произнес многозначительно, строго.

Входим. Посредине часовни благородный памятник из черного мрамора с золотыми словами: «Михайло Юрьевич Лермонтов». На левой грани памятника — дата рождения. На правой — дата смерти. А позади, слегка из-за него выдвигаясь влево и вправо,— памятники матери Лермонтова, Марии Михайловне, и деду, Михаилу Васильевичу Арсеньеву.

— Эти памятники,— поясняет старик,— ставила бабушка, Елизавета Алексеевна. Всех похоронила по очереди: мужа, дочь, внука. Сама померла последняя. Над ней памятника никто уж не ставил. Наследники больше интересовались имение к рукам прибрать. Ограничились дощечкой на стене, вон: «Елизавета Алексеевна Арсеньева... скончалась в 1845 году 85 лет...» Неправильно это! Хотя она и старая была, а все же ей не восемьдесят пять было, а; по новейшим сведениям, семьдесят два... Вы посмотрите пока памятники,— говорит он,— я вниз спущусь свет зажечь, а то там ничего не видать. А вы, ребятки, ступайте! Нехорошо: возле самого памятника разговоры... Неладно так! Давайте...

Ребята оправдываются:

— Мы тихо будем... По условию..

— Вы уж много слов сказали сверх условия,— сердится старик,— ступайте на улицу шептаться! Или уж точно: ни одного слова! Тогда оставайтесь...

Он спускается по винтовой кирпичной лесенке вниз. Вскоре оттуда показывается его голова, и он приглашает последовать за ним.

И вот низкий свод склепа и впереди огромный черный металлический ящик на шести мо-

гучих дубовых подкладках, отделенный от нас низенькой черной решеткой. Металлический черный венок висит в белой нише, и несколько зажженных свечей прилеплено под сводами в разных местах. И этот теплый свет в прохладном подземелье и наше мерное дыхание среди могильной тишины еще сильнее позволяют почувствовать величие этой минуты.

— В этом цинковом ящике,— произносит, понизив голос, старик,— запаян гроб с телом Михаил Юрича, и все это находится в таком самом виде, как было доставлено сюда с Кавказа, из города Пятигорска, весною 1842 года...

Когда Лермонтова убили,— продолжает он, помолчав,— бабушка очень убивалася, плакала. Так плакала, что даже ослепла. Не то чтоб совсем ослепла — глаза-то у нее видели,— только веки сами не подымалися, приходилось поддерживать пальцем...

Пишет она брату Афанасию в Петербург: желаю, мол, похоронить внука Мишеньку возле могилы его матери, в родной земле. Отвечает: «Подавай на «высочайшее». Подала она. Вышло разрешение: «Доставить с наблюдением необходимых осторожностей». Ну, словом, чтоб шуму не было никакого. И перевозить чтоб в цинковом гробу. Ладно!

Прислал ей Афанасий этот ящик; вызывает она слугу Лермонтова Андрея Соколова, другого — Ивана Вертюкова и еще одного нашего тархановского, Болотина. «Он,— говорит,— вас любил. И вы тоже уважали его, ходили за ним, сопровождали в Петербург и на Кавказ. Разделяли с ним опасности битвы. Я вам его доверяла живого. Возьмите этот черный гроб, две тройки и денег сколько пожелаете, ступайте в город Пятигорск, доставьте мне сюда внука моего Михаил Юрича...»

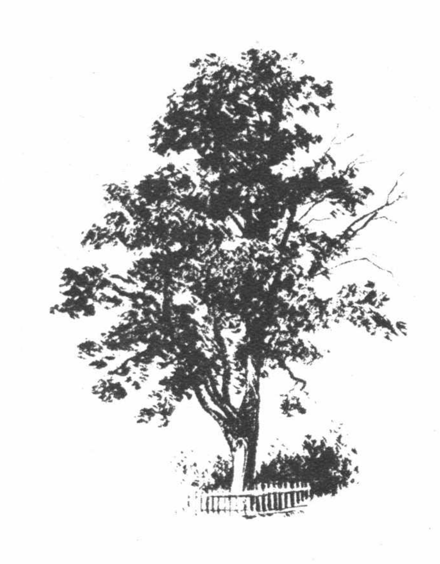

Отправила она их. Сколько времени проездили, не скажу: не знаю. Возможно предполагать, что месяца два — три ездили, поскольку она их на распутицу глядя пустила. Дороги-то, сами знаете, какие были. Это теперь везде асфальт...

С Кавказа в ту пору не на Пензу ездили — Пенза в стороне,— а на Воронеж, на Тамбов, Кирсанов, Чембар. Потом слышно: едут. Вышли мы все тут, глядим...— Он запнулся, замолчал, потом поправляется: — Мы — не мы! Нас-то в ту пору не было... Но все одно, наши, тархановские. Те же мы — народ!.. Вышли... И видать: едет черный гроб на двух тройках, и народу за гробом идет — мгла. И все плачут!

Как подъехали ближе, бабушку вывели. Она: «Доставили?» Андрей Соколов вышел вперед: «Доставили». Она веки пальцами подняла. «Это что ж,— говорит,— Мишенька?»

А потом, знаете, так рассказывают, будто явилося у ней желание открыть гроб. Вызвала кузнеца Шубенина: «Открой». Он стал угол отпаивать — у ней новое желание: «Не надобно! Закрой!» Только угол весь испортила Елизавета! Шубенин-то крепко запаял, сто лет стоит, как бы больше еще не простояло.

А что ж? Он мастер был замечательный, Шубенин. Про него долгая слава была, как про лучшего кузнеца. Михаил Юрич очень его уважал, Шубенина. Он его кормилицы — Лукерьи — муж был. Лукерья его выкормила, Лермонтова. Их потом «Кормилицыны» прозвали, Шубениных. Так, бывало, Михаил Юрич прибудет в Тарханы, в усадьбу не доезжает — к ним. Кинется Лукерье на шею. «Ты,— говорит,— моя мамушка!» А бабка-то раз узнала и серчать. «Какая,— говорит,— она тебе мамушка? Чего ее целуешь-то? Это твоя крепостная мужичка. Была мамушка, пока кормила,— и ладно!» Так, знаете, Михаил Юрич ей прямо грубо так ответил. «А вы,— говорит,— не учите меня, бабушка, такой мысли! Вы меня плохо знаете! Она, как мать, меня вскормила от груди, я ее навсегда уважаю». Ну, бабка, конечно, молчок! Она его опасалася сердить.

А то в другой раз приезжает он к нам, а крестьяне наши к нему с подарком: подводят к крыльцу серого коня. Он покатался на нем день, к вечеру говорит: «Желаю, бабушка, отблагодарить их. Они мне живого конька подарили, а я подарю им по новой избе с коньком. Лес пусть даром берут из Долгой рощи из нашей. Вот и будет мой подарок народу».

Елизавета вся затряслась, а спорить не решилася.

Он ей и бить никого не позволял. «Если,— говорит,— увижу еще в конторе розги, в другой раз не стану приезжать в побывку». И землю крестьянам отдать наказывал бабушке. Она обещала. Но по смерти его не отдала. Не подчинилась его желанию.

Предания народные почти всегда заключают в себе элементы поэзии. Это не мешает им быть достоверными. Неточные в частностях, они зато правдиво передают характер события, характер человека, выражая самую его суть, самую глубь, как может выразить только поэзия.

— Да,— говорит сторож, подумав,— Михаил Юрич с народом замечательно обходился: уважительно, со вниманием. Бывало, услышит, что у нас на селе песни играют или хоровод водить станут, бежит через плотину, куртку в рукава не успеет вдеть, кричит: «Постойте песни-то играть без меня, а то я чего, может, недовижу или недослышу». Нам, конешно, нечего объяснять, какой он поэт был: это без нас известно. А вот как человека, если желаете узнать, это вам расскажут в колхозе, чего и в книгах нет. Вы походите по колхозу,— предлагает он мне,— порасспросите народ. В четвертом, в пятом поколении вспоминают Михаил Юрича... Замечательно про него говорят... Про бабушку не скажу. Про бабушку плохо говорят! А чего ее вспоминать? Кто она такая? Крепостница, властелинка и самодурка!.. Тут вот лектор один приезжал, лекцию в музее читал... Лекция интересная, но неправильная. Послушаешь — выходит: и Михаил Юрич хороший, и бабушка хорошая, и бабушкин брат Афанасий недурной, и вся родня замечательная. А стихи-то все же не бабушка писала, а Михаил Юрич. Надо бы его отличать!..

Да я вам откровенно скажу, только не понаучному: я эту бабушку ненавижу. Муж ее, Михаил Васильевич, так тот от жизни с ней предпочел принять отраву. Это уж она потом ему памятник поставила, а то и хоронить его не хотела. От ее характера хорошего никто не видел. Дочери тоже жизнь загубила, Марье Михайловне. Эта неплохая была, Марья. Про Марью тоже народ хорошо вспоминает: обходительная с людьми, деликатная. Михаил Юрич в нее, в мать, видно, и пошел. Понятное дело, не в бабку!

Так вот полюбила Марья Михайловна Юрия Петровича Лермонтова, отца нашего Михаил Юрича. Почему полюбила? А я вам скажу: хороший был — вот и полюбила. А бабка не полюбила: «Плохой». Так до сих пор повторяют: «Плохой и плохой». А надо бы разобраться: чем он плохой? Для бабушки он, верно, плохой был: имение бедное, неисправное, служебное положение — отставной. По ней он не был ровня. А для нас с вами он очень хороший! Потому что родину в 1812 году защищал и Михаила Юрича воспородил. С него хватит! Так нет! Довела Елизавета, что Марья Михайловна здесь живет, а Юрий Петрович — в Москве. Родила Марья мальчонку — нашего Михаил Юрича,— пожила два года, а как ему третий годок пошел, померла. Считается, от туберкулеза в легких — чахотка. Сомневаюся, чтобы одна эта причина была: не доверяю. Вы хорошо глядели, что там на памятнике у ней?

— Якорь.

— А с чего у ней якорь? Что она, матрос, что ли?.. То-то, что нет! По-моему, если якорь у ней на памятнике, это означает: симвóл разбитых надежд!

Остался на руках у Елизаветы Михаил Юрич... Ну, его-то она очень любила. Как говорится, души не чаяла. А все же скажу: она и его больше для себя любила. Он ей пишет: «Бабушка! Я желаю выдти из военной в отставку. Желаю заниматься литературой». «Погоди,— говорит,— я скажу, когда выходить». Вот и сказала! Правда, он не потому погиб, что на военной находился. Он бы и на гражданской погиб. Потому что царь Николай его преследовал, он его люто ненавидел, он бы его все равно погубил... А все же не по михал-юричеву вышло, а по-бабушкиному... Да что про нее долго объяснять!..

Он оборачивается:

— Давайте, ребята!.. Нехорошо! Возле самого гроба диспут проводите. Шум безобразный от вас. Ступайте!..

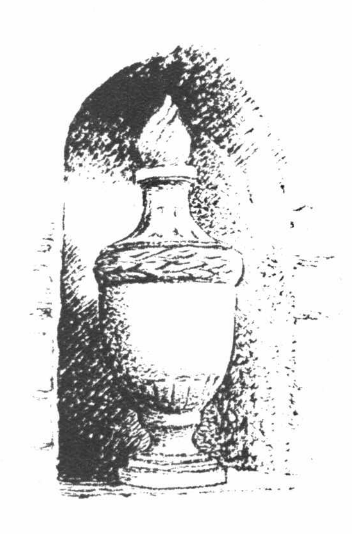
Ребятишки смущенно улыбаются, но не уходят:

— Мы тихонько, дядь Андрей... Учти впечатления...

— Новое дело: «Учти впечатления»! А в школе-то как же? Тоже впечатления! А, небось, тихо сидите, дожидаетеся, когда вызовут, соблюдаете дисциплину. А тут — возле самого гроба... Притом еще человек посторонний...

Он помолчал.

— Оставайтесь! Надобно согласиться,— поворачивается он ко мне,— впечатления, верно, большие. Я вот сколько лет экскурсии вожу... Сколько народу сюда идет! Вереница, можно сказать. А все же каждый раз, как подойду ко гробу, не могу спокойно говорить: волнуюся. Очень жалко Михаил Юрича... Я, конечно, понимаю,— продолжает он, помолчав,— что Пушкин — Пушкин. Тут ничего не возразишь. Пушкин и есть Пушкин; из всех первый. Но все

же, если так допустить, что наш Михаил Юрич пожил бы, как Пушкин, до тридцати семи лет, то еще неизвестно, кто бы из них был Пушкин! С другой стороны, подумать, что Пушкин, как наш Михаил Юрич, не дожил бы даже и до двадцати семи годов, опасаешься сказать: «Евгений Онегин» не бы́л бы закончен, не было́ бы даже возможности издать полное собрание сочинений!

Он умолкает, потом говорит:

— Там, наверху, жарко, а здесь как бы не прохватило вас. Лучше подымемся. Пожелаете — можно второй раз спуститься.

Мы выходим наверх, в часовню. На подоконнике лежит книга записей.

— Распишитесь! — предлагает «дядь Андрей».— Делегация ваша проехала; постояли, помолчали, потом расписалися; только неясно тут написано: на этой стороне листа — указать место жительства, место работы, фамилию, имя, отчество. А здесь — подпись. А они не заполнили ничего, а подписи иные — даже не догадаешься. Вы мне подскажите,— он берется за карандаш,— это вот кто?

— Фадеев.

— «Молодая гвардия»? — спрашивает он, встрепенувшись.— Да что вы!.. Фадеев! Этой книгой у нас очень увлекаются, особенно молодежь!.. Жалко, не знал, что товарищ Фадеев сюда заходил. Тем более, что у меня к товарищу Фадееву дело есть... А это чья роспись?

— Эренбург.

— Илья Эренбург? Этого тоже знаем... А тут кто: «Лауреат Сталинской премии»?

— Всеволод Аксенов.

— Такого писателя что-то не знаю...

— А он,— говорю,— не писатель. Он известный актер, мастер художественного слова.

— По радио, что ли, передают?

— Он самый.

— Тогда тоже слыхали... «Аксенов».— Пишет и кладет карандаш.— А вот хотел я спросить у вас: как полагаете, наш Михаил Юрич — жив был бы — что, не бы́л бы лауреат Сталинской премии?.. Могу вас уверить: много раз был бы!..

— Эх,— вздыхает он, закончив изучение подписей,— выходит, тут писатели московские были, и я всех видел, а никого не повидал!.. А дело у меня к товарищу Фадееву вот какое.

Ходит сюда народ. Оставляет возле памятника венки и знамена. Вот знамена стоят. Это от районного комитета партии: «Поэту-борцу за свободную человеческую личность». То вон знамя от областной комсомольской организации. От наших колхозников: «Поэту-земляку... любимому Михаилу Юрьевичу Лермонтову... от колхозников села Лермонтово...» Пионеры с барабаном приходили из Чембара, возложили цветы у подножия... До войны мы слыхали, что предполагается прибытие делегации от Союза советских писателей для возложения венков. Тогда не пришлось повидать писателей. Пришлось фашистов изгонять. Теперь неплохо опять про это дело напомнить товарищу Фадееву. Прислать бы, знаете, небольшую делегацию, человека два, больше не надо, потому что ассигнований на это дело не отпущено в этом году, поскольку нет юбилея. И так подобрать писателей, чтобы один стихи почитал, а другой речь сказал. И возложили бы... А случай подыскать можно: намекните, что годовщина бывает каждый год. Так и скажете товарищу Фадееву: сторож, мол, состоит при могиле Михаил Юрича, так вносит свое предложение в Союз советских писателей СССР.

Я обещаю передать его просьбу. Стоя уже на пороге часовни, он раздумывает, что бы еще показать.

— Взойдите, пожалуй, на колокольню,— говорит он.— Оттуда вид замечательный. Я-то не могу вас проводить: у меня нога больная. А вот ребятки проводят. Давайте, ребята, только осторожно: там одной ступеньки не хватает. Глядите, оступится гражданин — я с вас взыщу...

— Михаил Юрич,— говорит он, прощаясь,— бывало, как приедет,— первым долгом на колокольню. «Мне вольней дышать там. Простор,— говорит,— вокруг большой». Будто он там и стихи написал, на колокольне. Вот эти:

Дайте волю, волю, волю
И не надо счастья мне...

Жалко, не дожил до нашего времени. Было бы ему: и воля и счастье.

Лирические стихи

Расул **ГАМЗАТОВ**

* * *

Я снова к тебе тороплюсь, дорогая,
Считаю часы, машиниста ругая,

Как медленно тащится скорый состав!
Как жаль, что не мчится он, птицею став,

Как жаль, что не мчится он ветра быстрее,
Что вдаль не стремится он мыслью моею!..

Щеку подперев, я сижу у окна,
Ругаю дорогу за то, что длинна.

Вот солнце восходит, вот солнце садится,
Вот полдень, вот полночь в окошко глядится...

А дома с тобой не следил я, бывало,
Как солнце садилось, как солнце вставало...

Уж сердце давно у тебя на пороге,
Да сам я трясусь по железной дороге.

А звезд миллионы горят, не сгорая,
К тебе провожают меня, дорогая.

Больших городов полыхают огни,
Дорогу к тебе освещают они.

И синие тучи в окне проплывают:
— А как там она без тебя поживает?

И солнечный луч проскользнет вдоль окна,
В глаза мне заглянет: — А как там она?..

И я говорю, расстоянья кляня:
— А как в самом деле, ты ждешь ли меня?

* * *

Всей душой хочу я счастья для подруг твоих!
Вот бы замуж поскорее, что ли, выдать их!

Сколько с ними ты проводишь золотых часов,
Так бы взял и двери дома запер на засов!

Сколько раз от стенки к стенке я ходил с тоской,
Ждал, чтоб совесть в них проснулась, чтоб ушли домой!

На часы смотрел, но стрелки замедляли бег...
И сидят не долго гостьи — кажется, что век.

Я таких неугомонных раньше не видал,
День болтают — не устанут, я за них устал.

Если мы вдвоем решили вечер провести,
Хоть одна твоя подруга, а решит зайти!

Так поэт, стихи задумав, трудится чуть свет,
Но придет болтун-бездельник, и пропал поэт...

И сейчас я жду, что кто-то постучится вдруг...
Вот бы взять и выдать замуж всех твоих подруг!

* * *

Есть у меня в селе старик-сосед.
Однажды мы сидели над рекою,
И я спросил: «Скажи, до скольких лет
Любовь не оставляет нас в покое?»

Старик ответил, что не знает он,
Хоть он и сединою убелен,
Чтоб я спросил у старшего об этом...
И до сих пор я не нашел ответа.

Пускай я буду старым и седым —
Любовь моя вовек не постареет,
Своим дыханьем вечно молодым,
Теплом своим тебя она согреет.

И если спросит кто: «До скольких лет
Горит любви животворящий свет?» —
Я так же, как и старый мой сосед,
Отвечу всем: «Не ведаю, простите,
Кого-нибудь постарше расспросите...»

* * *

В журнале о тебе стихов не приняли опять:
Сказал редактор, что народ не станет их читать.
Но, между прочим, тех стихов не возвратили мне:
Сказал редактор, что возьмет их почитать жене.

Перевели с аварского
Елена НИКОЛАЕВСКАЯ и Ирина СНЕГОВА.

НА ЛЮБИТЕЛЬСКОЙ СЦЕНЕ

С. ФРИДЛЯНД

Трудовой день идет к концу. Скоро заводской гудок возвестит о наступлении заслуженного отдыха. Комсомолец Юрий Салмов заканчивает опиловку последней детали. Много их за день прошло через его руки. Полторы нормы — неплохой результат для молодого слесаря Саратовского машиностроительного завода.

☆ ☆ ☆

На другом конце города, в классе 2-го ремесленного училища, девушки не спешат расходиться после заключительного урока. Будущие бухгалтеры сельских районов, сегодня они познакомились с типами счетных машин. Люба Махек и Рита Васильева оживленно вспоминают прошлогоднюю практику. А на пороге уже снова лето!

Слесарь машиностроительного завода Юрий Салмов.

☆ ☆ ☆

Наступает теплый весенний вечер — часы отдыха. Одни гуляют, другие направляются в клуб, кто хочет послушать лекцию или потанцевать, кто — встретиться с друзьями. Сходные вкусы оказались у Юрия Салмова и Любы Махек с подругами: они увлекаются хореографией. Юрий в заводском клубе, а девушки у себя в училище занимаются в балетных кружках. Сегодня они выступают в «Лебедином озере». Молодой слесарь исполняет роль принца, ремесленница — роль Одиллии — Одетты. Они встречаются на освещенной огнями рампы клубной сцене.

☆ ☆ ☆

Последнее ободряющее напутствие руководителя кружка Петра Федоровича Петрова. Начинается второй акт «Лебединого озера». Возникает мелодия волшебной сказки о победе любви и отваги над злом. В голубом сумраке над лесным озером выплывают белоснежные лебеди. Обаяние чудесной музыки Чайковского захватывает и притихший зал и молодых исполнителей. Как много юной непосредственности и взволнованности у молодых танцоров! Зрители награждают их дружными аплодисментами.

В классе Саратовского ремесленного училища № 2. На переднем плане — Рита Васильева и Люба Махек (справа).

☆ ☆ ☆

Участники художественной самодеятельности 2-го ремесленного училища занимают первое место в области. Всего второй год существует их хореографический кружок, но его уже хорошо знают саратовские любители балетного искусства. Девушки исполняют танцы народов нашей страны и народные пляски Венгрии, Испании, Румынии. Неизменным успехом пользуется у зрителей танец, издавна бытующий в Родничковском районе, Саратовской области,— живая и веселая «Карачанка».

Закончатся годы учебы, и девушки разъедутся в сельские районы Поволжья. Они привезут с собой не только знания, но и горячую привязанность к искусству.

Юрий Салмов в роли принца.

Люба Махек в роли Одетты.

Сцена из балета «Лебединое озеро» в исполнении учеников ремесленного училища № 2.

Учащиеся ремесленного училища исполняют народный танец «Карачанка». Слева направо: Валя Крюкова, Люся Безрукова, Валя Копенкина, Ира Чумакова и Капа Рожкова

Разговор по душам

Иосиф ДИК

Обычный городской двор при нашем доме — двор с красным металлическим гаражом, трансформаторной будкой, на которой нарисованы череп и скрещенные кости, и с разлапистыми липами — обладает одним удивительным свойством: он меняет свой внешний вид с выходом... новых кинофильмов. Не успеет, например, в газетах появиться рецензия на картину «Максимка», а двор уже превращен мальчишками в море, и русские матросы — человек десять — прыгают с высокой мачты (липы) на «американский пиратский корабль» — трансформаторную будку — и, не обращая внимания на череп и кости, беззаветно сражаются за шестилетнего Гогу — Максимку.

А во времена «Робин Гуда» на нашем дворе, как в Шервудском лесу, то и дело раздавались призывные крики: «Сашка, наших бьют!», — слышалось бряцание деревянных мечей и с деревьев на громыхающую крышу трансформаторной будки прыгал новый герой — «Робин Гуд» — Саша Лебедев из 15-й квартиры.

В шутку говоря, а может быть, и не в шутку, по тому, во что играют ребята, иной раз очень точно можно определить: стоит ли смотреть новый фильм или не стоит?

О большом значении кино в формировании характера ребенка напоминать не приходится. Это ясно каждому. Ребята любят читать книги, смотреть спектакли, но кино для них, пожалуй, самое «сладостное» из искусств. Это не удивительно. На экране можно увидеть десятки подвигов, таинственные приключения. И все за полтора часа!

Мальчишеские мечты, бьющая через край энергия, стремление к романтике, подвигам не знают предела. Если ребят направить на хорошие дела, с ними можно свернуть горы. Об этом говорит быт нашей школы и пионерской организации.

Но все-таки, что греха таить, так называемая «улица» еще сильно влияет на детей. Вставить в рот папироску или, наслушавшись развязных рассказов хулиганов, щегольнуть крепким словечком — все это приходит иной раз к ребятам не от злых сознательных побуждений, а от желания быть причастным к чему-то необычному. С таким стремлением нужно, конечно, решительно бороться. И вот тут советским педагогам огромную помощь может оказать кино.

Научно-фантастические или приключенческие, реалистические фильмы с необыкновенной силой влияют на впечатлительную мысль. Лучшие из этих кинофильмов, как броней, закрывают детские сердца от «улицы», от пережитков прошлого.

За последнее время на детском экране, где два — три года тому назад была сплошная темнота, появились светлые блики. На дверях некоторых из комнат в Московской киностудии имени Горького можно сегодня увидеть давно желанные таблички, свидетельствующие о нарождающихся детских фильмах. В сценарном отделе слышатся голоса редакторов, обсуждающих сценарий «Васек Трубачев и его товарищи», а в длинных коридорах в ожидании съемок уже играют в чехарду и прятки вихрастые Пети и курносые Миши, «отобранные» режиссером. И, наконец, в последнее время на экраны вышли «Неразлучные друзья» и «Чук и Гек».

Работа режиссера детского фильма очень специфична. Он имеет дело не со взрослыми артистами, у которых за плечами мастерство и опыт, а с рядовыми мальчиками и девочками. Правда, ребята-артисты в «Неразлучных друзьях» в два — три раза постарше детей, играющих Чука и Гека, но дело не в этом. Сейчас нас интересует другое — сценарий и режиссерская трактовка, поскольку от содержательности и художественности детского фильма зависит его воздействие на аудиторию.

Безусловно, слабая сторона «Неразлучных друзей» — это сценарий: в нем вяло развиваются диалоги, недостает действенного начала. Кроме того он явственно распадается на две части. Первая половина — история с подъемом парусника «Отважного» и до отправления детей в поход — более или менее приемлема, и, кстати, эти эпизоды юные зрители смотрят с увлечением. Но вторая половина — поиски партизана Буруна — сделана слабее, «утяжеляет» фильм, делает его рыхлым в композиционном отношении.

Не все ладно и в постановке (режиссер В. Журавлев). Многое упущено, и главное — в работе с исполнителями. Лица и движения у ребят скованные; они не играют себя, а лишь двигаются по указке, и это чувствуется во всем. Вероятнее всего, на первые роли нужно было подобрать более выразительные типажи с яркой мальчишеской мимикой и живыми жестами.

Ничем не оправдана в фильме и излишняя красивость: помпезное шествие ребят по одесской лестнице, роскошный кабинет директора школы, пионерский сбор с аплодисментами ораторам. Все хотелось бы видеть более простым и естественным.

Успех фильма «Чук и Гек» идет прежде всего от необыкновенного лиризма и поэтичности рассказа Гайдара, положенного в основу сценария. В этом рассказе ничего нет фальшивого, приукрашенного. В нем все от нашей советской жизни: солнечный свет, тепло, юмор. Да, собственно, и в фильме, как и в рассказе, нет никаких «закрутов», «поворотов», сюжетных ходов, любимых некоторыми сценаристами. И все-таки он, этот фильм, крепко держит за сердце и волнует до слез.

Чук и Гек вместе с матерью едут в гости к отцу-геологу на север — вот и все содержание новой картины. Но за каждым эпизодом фильма, который смотрится с неослабевающим интересом, угадываются огромные трудности, стоявшие перед съемочной группой.

С Гайдаром «шутить» нельзя: от строчки до

«Неразлучные друзья». Председатель совета отряда Вася (первый слева) отчитывает Глеба и его приятелей за обособленность и неумение дружить.

«Неразлучные друзья». Не все ладится у ребят, задумавших произвести подъем затопленного парусника.

«Чук и Гек». Первое знакомство Чука и Гека с тайгой.

«Чук и Гек». Слева направо: Чук (Юра Чучунов) и Гек (Андрюша Чиликин).

«Чук и Гек». Наконец явился папа (заслуженный артист РСФСР Д. Павлов)!

строчки его знают все дети нашей страны. И этот многомиллионный неослабный контроль обязывал постановщиков ко многому. Они всегда помнили: дети требуют реалистических фильмов.

Прежде чем выбрать Юру Чучунова и Андрюшу Чиликина на роли Чука и Гека, режиссер фильма Иван Владимирович Лукинский познакомился более чем с тысячью детей. Но этого мало. Надо было научить пятилетних ребят делать то, что требуется по сценарию, и не просто делать, а играть «характеры». Ведь Чук — хозяйственный, медлительный, а Гек — подвижный, беспокойный. Необходимых по сценарию эмоций у пятилетнего ребенка не скоро добьешься, и тут уж приходилось пускаться на разные уловки. Например, для того, чтобы Гек в картине плакал по-настоящему, ему однажды пришлось сказать, что он совершенно не подходит для съемок. Реву здесь, да и притом самого что ни на есть настоящего, было столько, что хватило бы и на два фильма. А это как раз и требовалось оператору.

Фильм снимался семь месяцев. Ребята во время съемок быстро уставали, и приходилось устраивать частые перерывы. А потом у Юры и Андрюши были свои повадки — они могли вдруг, совсем не по сценарию, засунуть перед объективом аппарата палец к себе в нос.

— Что вы делаете?! — кричит режиссер. — Ведь идет съемка!

— А у нас чешется, — отвечают ребята.

Или в ответственнейший момент съемки вдруг кто-нибудь из ребят «выходит из роли», подзывает к себе ассистента и что-то таинственно шепчет ему на ухо. Ассистент стремительно хватает артиста за руку и ведет его в последнюю по коридору дверь. «Юпитеры» гасятся. Потом съемка начинается снова.

Почти в каждом эпизоде «Чука и Гека» много режиссерских находок. Большая, кропотливая работа видна и в том, когда Чук с неподдельным отчаянием на лице кричит: «Телеграмма! Телеграмма!», — и в том, когда Гек с искренним озорством прокалывает своей пикой газету, как шкуру медведя. И не случайно, что после выхода фильма режиссеру Лукинскому предложили писать методическое пособие по работе с детьми во время съемок.

Об игре народного артиста Украинской ССР Н. В. Комиссарова (сторож), М. Трояновского (ямщик) можно сказать одним словом: хорошо! Меньше радуют исполнители ролей матери (В. Васильева) и отца малышей (заслуженный артист РСФСР Д. Павлов); они гораздо бледнее и однотоннее, чем в рассказе.

Работа оператора Г. Гарибяна также заслуживает похвалы. Чудесны натурные съемки зимних пейзажей: лес в морозной дымке, заснеженные полянки и далекие горы. Недостаток только один — жалко, что фильм не цветной.

Но вот концовка «Чука и Гека» вызывает сомнение. Тут все-таки чувствуется стремление к приукрашиванию, особенно в эпизоде с елкой. У Гайдара написано: «Пусть игрушки были и не ахти какие нарядные, пусть зайцы, сшитые из тряпок, были похожи на кошек...», — а в фильме все игрушки, как на елке в Колонном зале, даже лучше.

Гайдар пишет про Гека, который поет песню, что он должен был останавливаться, «чтобы перевести дух», а в фильме Гек поет, как заправский артист, соблюдая все правила дыхания. Можно было бы также дать пошире юмористический эпизод с козлом. Но все это мелочи, а в общем картина получилась цельной, умной и яркой.

«Неразлучные друзья» и «Чук и Гек» — два фильма для детей. Два фильма — два решения. В котором из них больше художественности, — это само собой ясно.

И детскому кино всегда и во всем необходимо идти по пути воплощения настоящей жизненной правды. Не следует бояться поднимать самые животрепещущие вопросы семьи, быта, советской морали! И тогда наши дети с еще большей ясностью поймут простые гайдаровские слова, которые, к сожалению, почему-то не вошли в дикторский текст «Чука и Гека»: «...надо честно жить, много трудиться и крепко любить и беречь эту огромную, счастливую землю, которая зовется Советской страной».

СКАЗКА меняет одежду

Галина ШЕРГОВА

Фото Дм. Бальтерманца.

Сцена из спектакля «Чортова мельница» по мотивам пьесы Яна Дрды.

У сказки есть одна великая примета: нестареющая душа. Даже о хорошей книжке можно иногда сказать: «Она устарела, она неактуальна». Но сказка только меняет одежду; время читает сказку на свой лад, душа ее остается вечно новой. И дети разных эпох по-своему представляют и серого волка и Ивана-царевича, узнавая в них своих врагов и друзей. Такова природа фольклора. И искусство, которое питается народным творчеством, обладает этой прекрасной особенностью: оно помогает по-новому понять древнюю народную мудрость.

Кто может назвать время, когда первый человек задумался над вечной темой добра и зла? Кто первый свел в сражении силы неба и ада, олицетворяющие это добро и зло? Данте думал об этом, Гёте волновала борьба за душу человека. Но каждый художник решал эти вопросы по-своему, как требовала того его эпоха.

В 1936 году чешский писатель Ян Дрда написал пьесу «Игра с дьяволом». По теме это была та же борьба злых и добрых сил за душу человека. Но писатель ставил перед собой иную задачу. Он создал яркий антиклерикальный памфлет. Для Чехословакии тех лет такое решение было особенно актуальным.

Сюжет пьесы несложен. Отставной солдат борется за спасение двух девичьих душ. Он даже является в ад «отстаивать» их.

И вот Государственный центральный театр кукол под руководством С. В. Образцова, в содружестве с драматургом И. Штоком создал спектакль «Чортова мельница» по мотивам пьесы Яна Дрды. Сюжет остался примерно тем же. Но идея изменилась.

В некое королевство приходит отставной солдат Мартин Кабат, бывший полковой трубач. Одновременно с ним, непосредственно из ада прибывает черт первого разряда Люциус. Он только что окончил адскую академию и прислан «на производственную практику». И у Кабата и у Люциуса в этих краях дела: Кабат ищет работу, Люциус выполняет задание начальства по совращению старика-отшельника. В лесу они встречают разбойника, весьма лирического юношу, который перемежает грабежи с сочинительством «жестоких» романсов. Это бедный студент, возлюбленный принцессы Дишперанды, изгнанный королем. Грабежи, правда, кормят маловато, и юный грабитель приходит к выводу, что «в наше время разбойником может быть только очень богатый человек». Он-то и предлагает Кабату пойти на старую мельницу, выгнать оттуда живущих в ней чертей и начать работать. Предложение студента Кабату по душе, ибо он справедливо считает, что «черти боятся людей, если люди не боятся чертей».

Тоскующая Дишперанда, которую отец старается выдать замуж за какого-то принца, умоляет старца-отшельника вступиться за нее. Но старец не собирается портить отношения ни с королем, ни с богом: ему важно самому «попасть на небо», и чужие горести его мало занимают. Тогда Люциус

З. Гердт — Люциус, чорт первого разряда.

А. Гуськова — принцесса Дишперанда.

И. Дивов — Разбойник.

М. Петров — исполнитель ролей Отшельника и сельского чорта Карборунда.

Н. Меркулова — Кача, служанка принцессы.

предлагает Дишперанде, а заодно и ее служанке Каче свои услуги. Вознаграждение небольшое: расписка на душу. Но Кабат, обеспокоенный судьбой девушек, вступает в борьбу за их души. Он проходит через ряд испытаний и, как герой Яна Дрды, доходит до пекла, руководствуясь любовью к людям и веско утверждая, что «человеку в аду вообще не место». Разумеется, как во всякой сказке, и здесь все кончается благополучно: солдату помогли друзья.

Таким образом, тема как будто старая: добро и зло. Новизна ее в том, что в пьесе «Чортова мельница» противопоставлены не небесные и адские силы, не праведник Кабат и чорт Люциус, а хороший человек — солдат и эгоист-отшельник, неоднократно отказывающий в помощи людям во имя своего благополучия.

Однако не только поэтому спектакль «земной» и современный. Все представители потустороннего мира в нем наделены самыми человеческими чертами. Вполне современно выглядят деревенские черти, вошедшие в картежный азарт и спускающие подотчетные суммы и казенную мельницу. Очень злободневно звучит сообщение заведующего адской канцелярией, что он отправил на землю столько-то дьяволов в образе «президентов, сенаторов, журналистов, адвокатов». Вполне человечно честолюбие Люциуса. Так старая сказка, сменив одежду, сохранила свою вечно новую душу народной мудрости.

Но театр постигла бы неудача, если бы он, забыв о народной природе пьесы, стал заниматься простым ее «осовремениванием». Фольклор, породивший сказку, помог и ее новому прочтению. Народным остался и образ солдата с его афоризмами, вроде такого: «Солдат без души — не солдат, а палач». Вспоминается при этом и другой сказочный солдат, сваривший суп из топора. Из чешского фольклора пришел студент-разбойник. Народные мелодии наполнили музыку Н. Богословского, художнику Б. Тузлукову помогли лубки. И живет эта сказка, юная, сочная, веселая.

Отлична работа постановщиков С. В. Образцова и С. С. Самодура. Блестяще играют актеры: З. Гердт (Люциус), А. Гуськова и Н. Меркулова (девушки), М. Петров (Отшельник), Л. Garижский (солдат). Но, говоря именно об этом спектакле, было бы несправедливым называть отдельные фамилии. Главная прелесть спектакля — его ансамбль. И в этом тоже народность его, потому что фольклор всегда целостен и органичен.

Необычна история спектакля.

Во время своих гастролей в Польше работники Государственного центрального театра кукол под руководством С. В. Образцова познакомились с пьесой Яна Дрды. Факт знаменателен сам по себе: советские актеры смотрят в Польше чешскую пьесу. Дружба народов породила и тесную дружбу их искусств. Недаром многие московские театры поставили в последнее время пьесы авторов народно-демократических стран. И можно было бы сказать, что Центральный театр кукол, создавший сейчас спектакль «Чортова мельница», продолжает общее дело. Но для Театра кукол его спектакль не только вклад в общее дело — это выражение старых и крепких дружеских уз.

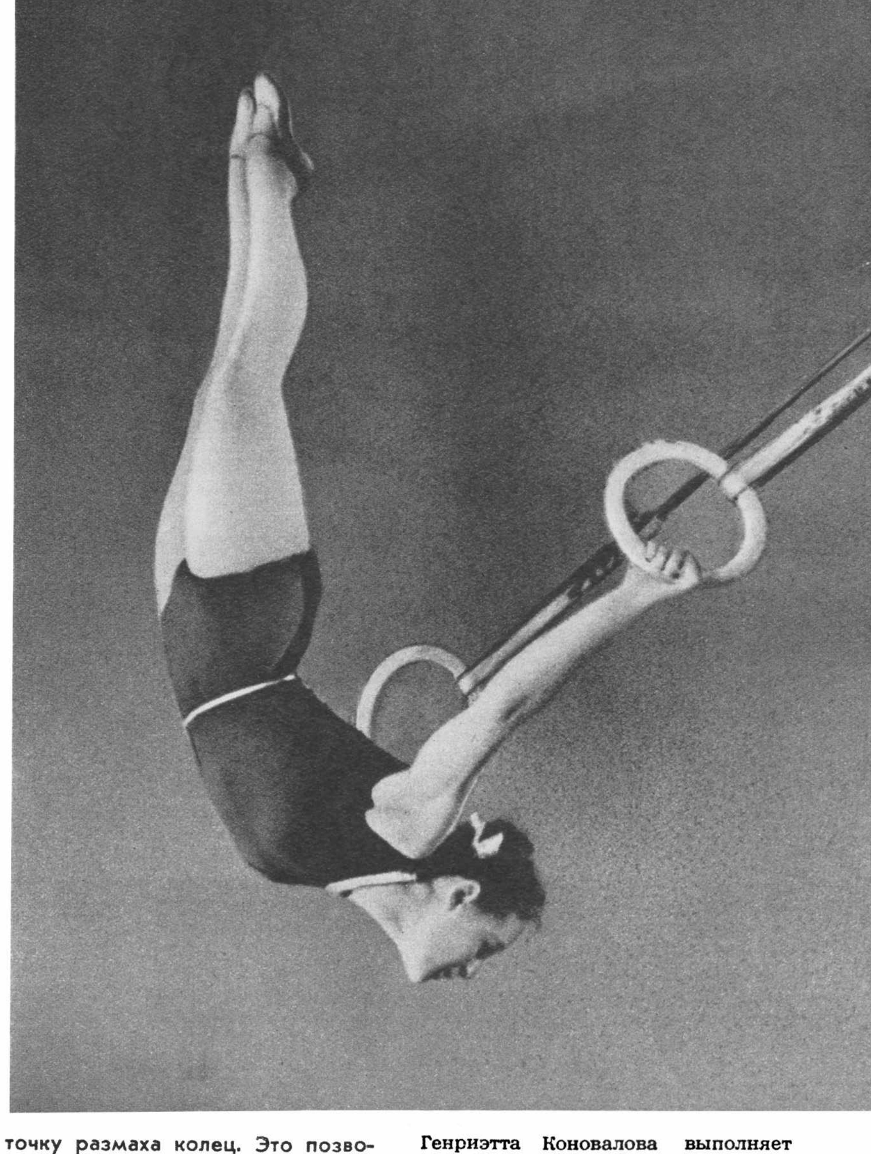
Еще в 1925 году С. В. Образцов демонстрировал в Чехословакии свое искусство, и ее народ, издавна любивший «кукольников», проявил к нему огромный интерес. В последние годы связи театра с «кукольниками» стран народной демократии еще больше укрепились. Известные чешские «кукольники» Иозеф Скупа и Ян Малик постоянно переписываются с Театром кукол в Москве. В его музее хранятся первые модели скуповских кукольных героев Шпейбла и Гурвинека. В Венгрии Государственным кукольным театром руководит Иван Сегё, учившийся у Образцова. В Польше издаются книги работников Московского государственного центрального театра кукол. Поэтому для театра Образцова новая работа особенно знаменательна.

Л. Гарижский — Мартин Кабат.

Моя молодая СОПЕРНИЦА

Галина УРБАНОВИЧ,
заслуженный мастер спорта

Генриэтта Коновалова выполняет упражнение на кольцах.
Фото В. Сычева (ТАСС).

По дороге в Киев на Всесоюзные гимнастические соревнования я не раз оценивала свои шансы на победу, мысленно сравнивала себя с другими сильнейшими гимнастками, перебирала многие имена. Но скажу откровенно: не думала я, что абсолютным чемпионом страны сможет стать Генриэтта Коновалова, недавняя перворазрядница с девичьими косичками за плечами.

Ошиблась я в имени, но не ошиблась в другом. Так и думала, что среди самых опасных моих соперниц будет молодая гимнастка. Семь раз присуждали мне звание абсолютного чемпиона страны, но в 1949 году пришлось уступить первенство молодой гимнастке Нине Бочаровой, а в 1951 и 1952 годах Марии Гороховской. Все более уверенно выдвигается вперед молодежь. В отдельных видах гимнастики такие молодые спортсменки, как Софья Подуздова, Галина Минаичева (теперь Шерабидзе), Галина Шамрай и Генриэтта Коновалова, уже несколько лет успешно соревнуются с испытанными мастерами.

Как же смогли они так быстро подняться до высот одного из самых трудных и сложных видов спорта?

Москвичку Галю Минаичеву я помню еще тринадцатилетней девочкой. Прямо из школы — с руками, перепачканными чернилами, — приходила она на занятия группы юных гимнасток, которую я вела в «Динамо». Природные способности Гали сочетались с большим трудолюбием, и, пройдя все спортивные разряды, она стала мастером, а в 1952 году — чемпионом страны в упражнениях на равновесие.

Так же росли и другие девушки. Увлечение гимнастикой начиналось у них со школьной скамьи. Они настойчиво учились у наших ведущих мастеров, широко использовали опыт старших, и во многих из них, особенно в Соне Подуздовой и Галине Шамрай, я с волнением и гордостью как бы узнавала себя.

Генриэтта Коновалова — представительница наиболее талантливых среди молодых. В прошлом году на первенстве страны она успешно выступала в упражнениях на кольцах и в упражнениях на равновесие. Особенно мне нравилась Генриэтта, когда ее стройная фигурка взлетала на кольцах. Самые трудные движения она выполняла четко, изящно и уверенно. Однако в большинстве других упражнений спортсменка была далеко не безупречна. Я знала, что Коновалова стремится преодолеть свои недостатки. Много раз приходилось наблюдать, как настойчиво тренировалась эта скромная и упорная девушка. Но могла ли я предвидеть, что Генриэтта добьется за один только год таких больших успехов!

Очень трудно завоевать всесоюзное первенство хотя бы по одному виду гимнастики. Но еще труднее добиться превосходства в сумме результатов по одиннадцати упражнениям, которые составляют программу соревнований на звание абсолютного чемпиона.

К чему сводится спортивная гимнастика? К умению безукоризненно владеть своим телом; спортсмен-гимнаст развивает в себе силу, ловкость и волю, но проверяются все эти качества в движениях различной трудности и различного характера. Гимнастка подтягивается и переворачивается, опираясь на зыбкие, качающиеся кольца, балансирует на бревне, взлетает в легком и красивом гимнастическом прыжке, показывает свою ловкость и силу в стойках на разновысоких брусьях, выполняет целый каскад вольных упражнений. Но это только первая половина состязания, в котором чередование всех элементов упражнений строго регламентировано. Вторая половина предоставляет участникам полную свободу творчества, свободу фантазии. Однако каждое движение попрежнему должно быть предельно точным, четким, красивым. Максимальную оценку — 10 баллов — строгие судьи будут снижать за малейшую оплошность, за каждый промах.

Но вот результаты по всей программе сложены в общую сумму, и она оказалась самой большой. Только тогда гимнастка услышит:

— Ты сильнее всех! У тебя абсолютное первенство.

...Кто же окажется сильнее всех в 1953 году? Соревнования открыты... Судьи уже занесли над листами бумаги свои неумолимые карандашики.

Выступления нашей динамовской команды начинаются с упражнений на брусьях. Одной из первых подходит к снаряду Генриэтта Коновалова. Я внимательно слежу за ней. Все стойки, махи, переходы она выполняет непринужденно и четко. Координация движений отличная. Генриэтту просто не узнать! В прошлом году она выступала на брусьях значительно хуже.

Добивается успеха Коновалова и в упражнениях на бревне. Ей удается сохранить равновесие при самых трудных прыжках и поворотах. Но что покажут упражнения на кольцах, одном из самых трудных и любимых моих снарядов?

Но и на кольцах Коновалова держится отлично. Все любуются силой и пластикой ее движений. Генриэтта обладает способностью безошибочно улавливать высшую точку размаха колец. Это позволяет спортсменке во-время начинать каждую часть упражнения и производить ее на широкой амплитуде, что очень эффектно. Удается успешно выступить на кольцах и мне. Однако после трех упражнений меня обгоняет по количеству баллов Нина Бочарова, выступающая в команде «Строитель». Эту опытную гимнастку, чемпиона Олимпийских игр, я и считала одной из претендентов на абсолютное первенство в нынешнем году. Коновалова плохо справляется с опорным прыжком и получает более низкую оценку. Не особенно блещет молодая динамовка и в вольных упражнениях. Мало в них грации, пластичности, выглядят они как-то суховато. Есть и значительные технические погрешности. Вот почему в итоге первого дня соревнований Коновалова отодвинулась на четвертое место.

Обязательная программа, однако, еще не была исчерпана. С 1953 года в нее введены для женщин дополнительные вольные упражнения с обручем. Эти выступления проходили на следующий день.

К сожалению, прошли они не на достаточно высоком уровне. Большинство гимнасток не успело еще освоить новое упражнение, а коекто отнесся к нему недостаточно серьезно. Вот это уж напрасно! Я считаю, что вольные упражнения с обручем, развивающие пластичность, требующие большой грации, очень нужны для нас, женщин. Обруч вносит в спортивную гимнастику художественный элемент. Лично я много тренировалась с обручем и, как оказалось, не напрасно: получив хорошую оценку, я перешла со второго места на первое.

Начинается состязание по произвольной программе. К нему допущены 16 спортсменок с лучшими результатами.

В первом упражнении на брусьях очень интересные и смелые комбинации демонстрирует Нина Бочарова. Все идет у нее хорошо, вплоть до соскока на пол. Но тут Нина допускает грубую ошибку: делает лишнее движение. Возглас удивления и досады вырывается у публики. Разом черкнули на листках карандаши судей. Гимнастика — строгий вид спорта. В одном только случае не сумела Бочарова справиться со своим телом, а оценка упражнения уже снижена до 8,85 балла. Невероятно трудно будет теперь Нине Бочаровой бороться за абсолютное первенство.

Мне удается получить за произвольные упражнения на брусьях 9,5 балла и закрепить свое лидерство. Но ко мне начинают подтягиваться Е. Калинчук и Г. Коновалова, выступившие еще лучше. Теперь динамовка с косичками пододвинулась к лидеру совсем близко. Следующий шаг вперед она делает, показывая произвольные упражнения на кольцах. Подтягивания и подъемы хорошие, мягкие, переходы из одного положения в другое удачны, заключительное сальто смелое и четкое.

После опорного прыжка Коновалову отделяют от меня лишь пять сотых балла. Калинчук — на третьем месте. За ней идут вплотную Н. Бочарова, Т. Жалеева, П. Данилова. Упорная борьба!

Претендентками на звание абсо-

Г. Коновалова (справа) и Г. Урбанович беседуют после окончания соревнований на первенство СССР.

Фото Н. Козловского.

лютного чемпиона страны предстоит вступить в последнее, решающее состязание. Каждой из нас дается полторы минуты на показ вольных упражнений, составленных самостоятельно.

Я знаю, что Генриэтта в этом виде гимнастики еще не особенно сильна. Я смогу ее перегнать! Но почему я так сильно волнуюсь? Нервы, видимо, нервы.

Выхожу на ковер. Начинаю упражнение. Все идет гладко, хорошо, словно во время тренировки. Но вот я делаю самый сложный и эффектный элемент, так называемый «японский фляк». Вдруг всего на мгновение отвлеклось куда-то в сторону внимание, и сразу почувствовала, что допустила ошибку. Значит, проиграла! Собрав всю волю, заканчиваю упражнение. Какую же оценку дают мне судьи? 9,2 балла. Правильно, больше и не заслужила!

Теперь меня может перегнать не только Генриэтта Коновалова, но и Екатерина Калинчук. Следом за мной выходит она на ковер. Но комбинации у Кати не ладятся; оценка для мастера совсем низкая — 8,8 балла.

Не удается опередить меня и другим спортсменкам. Пока они выступают, я наблюдаю за Генриэттой. Волнуется, очень волнуется! Да и трудно ей не волноваться!

Но, как только вышла Коновалова на середину зала, она сразу же собралась, сосредоточилась. Вот это характер! Выполняет упражнение Генриэтта если и не отлично, то достаточно хорошо, без существенных ошибок. Оценка — 9,3 балла. По общей сумме результатов Генриэтта Коновалова на 0,15 балла впереди меня. Спортсменке, которой исполнился только 21 год, присуждается звание абсолютного чемпиона страны. Я на втором месте...

Когда отзвучали аплодисменты и поздравления, мы вышли с Генриэттой из Дворца спорта в омытый весенней грозой сад и присели на скамеечку. Молодая гимнастка была, разумеется, бесконечно счастлива.

— Ох, Галина Наполеоновна, да разве ж думала я выиграть! — говорила она, сияя глазами.— Просто не верится! Как-то само собой все получилось...

— Нет, не само собой,— покачала я головой.— Ты много и серьезно тренировалась и поэтому многого достигла. Сегодня ты самая сильная, но помни и о завтрашнем дне.

Я говорила девушке о том, что наш спорт не терпит застоя и самоуспокоенности, и поэтому необходимо так же настойчиво и серьезно учиться дальше, шлифовать свой талант, избавляться от многих недостатков. Иначе тебя быстро обгонят. Способной молодежи у нас много. Ведь на этих же соревнованиях прекрасно зарекомендовали себя студентка М. Петрова, выполнившая норму мастера спорта, и восемнадцатилетняя Т. Манина.

Как знать! Быть может, через год — другой и они станут опасными соперницами тех, кто борется за звание абсолютного чемпиона.

Солнце всходит над рекой

Кастусь КИРЕЕНКО

Солнце всходит над рекой,
Хоть возьми его рукой!

Я то солнце брать не стала,
Белу свету отдавала;
Лесу, лугу, речке синей,
И поляне, и долине,
Житу буйному и ветру
Посылала я привет.
Пусть под нашим солнцем
щедрым
Хорошеет белый свет.

Солнце всходит над рекой —
Я махну ему рукой.

Только есть другое солнце,
Не глядит в мое оконце,
Ходит мимо день—другой,
Да не взять его рукой!

Коль могла б, так солнце это
Я навек взяла у света!
Больше всех оно мне любо —
Сердцем я б его взяла,
Никогда бы, никому бы
Ни за что не отдала!

Перевели с белорусского
Е. НИКОЛАЕВСКАЯ
и И. СНЕГОВА.

Крылья

Евг. ЕВТУШЕНКО

Наказов матери
не слыша,
над пестрым гулом городским
стоял птенец
у края крыши,
и было
небо
перед ним.
Пускай он в нем ни разу не был —
оно звало его опять:
ведь кто родился
рядом с небом,
о нем
не может
не мечтать!
Оно звало
весенней синью,
ветрами гулкими
трубя,
но где
найти
такую силу,
чтобы в него
поднять
себя?!
Казалось,
этой силы нету,
но видел он,
как наяву
его сородичи по небу
с домов
ныряли
в синеву.
Была дорога их прямая
уже у солнца самого,
а он стоял,
не понимая,
что крылья есть
и у него...
И вдруг,
сомнения осилив,
до неожиданности смел,
еще не зная силы крыльев,
он в них поверил —
и взлетел!

Из прошлого русского спорта

Четырежды побежденный «король скороходов»

Семьдесят лет тому назад содержатель московского увеселительного сада «Эрмитаж» М. Лентовский пригласил известного в то время английского профессионального спортсмена — бегуна на длинные дистанции Отто Кинга, гордо именовавшего себя «королем скороходов». По дороге в Москву англичанин с большим успехом выступал в Гамбурге, Копенгагене и Петербурге.

15 июля 1883 года многочисленные афиши известили москвичей, что в этот день в «Эрмитаже» при «электрическом освещении (30 фонарей!) по системе П. Н. Яблочкова» состоится «первый бег знаменитого английского скорохода мистера Кинга». Состязаться с ним приглашали всех желающих.

«Круг» для бега был устроен по аллеям и составлял в длину около ста сажен. «Король скороходов» должен был бежать час и вызывался сделать за это время 15 верст.

Состязаться с английским спортсменом изъявили желание два московских рабочих-наборщика, Простаков и Тимофеев, и театральный бутафор Умнов. Все они сошли с дистанции. Кинг победил, хотя и сделал за час не пятнадцать обещанных верст, а только четырнадцать с половиной.

Прервав свои гастроли в Москве, профессионал отправился выступать на Нижегородскую ярмарку. 9 августа газета «Московский листок» сообщила, что в Нижнем «Кинга победили: на 11-й версте знаменитый скороход задохнулся и упал. Первым пришел газетный разносчик Белов, вторым Волков, третьим Крупнов. Публика бросилась целовать победителей».

Сконфуженный Кинг вернулся в Москву и заявил, что причиной его поражения было легкое недомогание. Возобновились выступления в «Эрмитаже». В них теперь принимал участие еще один профессиональный бегун, австриец Юлиус Кони. Состязаться с ними вызвалось до тридцати человек.

26 августа на дистанцию вышли Кинг и москвич Петров. На двенадцатом круге англичанин отказался от соревнования, ссылаясь на нездоровье. Победил Петров, пройдя за час 14 верст 161 сажень. Но уже на другой день Кинг объявил, что он вполне здоров и вместе с австрийцем Кони готов состязаться с русскими бегунами.

28 августа сад «Эрмитаж» был переполнен. На старте — Кинг, Петров, Кони и Васильев. Предоставим дальше слово «Московскому листку»:

«Петров всю дистанцию шел по следам Кинга, в каких-нибудь двух шагах от него и на 61 кругу сразу опередил его. Как ни старался несчастный Кинг наверстать последние круги, однако ему это не удалось, и отныне знаменитый скороход Петров первым кончил дистанцию, оставив за собой далеко уже теперь не знаменитого Кинга. Гром аплодисментов тысячной толпы зрителей и крики «Браво, Петров!» приветствовали победителя».

Петров прошел за час 15 верст 45 сажений. На втором месте был Кони с результатом 14 верст 453 сажени. Васильев занял третье место, а Кинг — четвертое.

Газеты высказали предположение, что теперь иностранцы «по всей вероятности не отважатся вступать в состязания с московскими скороходами». Нет, иностранцы жаждали реванша. Но теперь за них взялся Умнов. Он также победил двух иностранных бегунов...

Только после четвертого поражения «король скороходов» ретировался из Москвы, а вместе с ним и Юлиус Кони.

Из дошедших до нас данных о результатах, показанных семьдесят лет назад в часовом беге, лучшего добился П. Петров — 15 верст 117 сажений, то есть больше 16 километров. Учитывая, что рекорд СССР в часовом беге составляет сейчас 18 километров 868 метров, надо признать достижение русского бегуна очень высоким для своего времени.

Е. ВАСИЛЬЕВ

Невянущие цветы

Эти цветы помещены под стекло в октябре 1952 года. Прошли месяцы, но нежная голубизна цветка примулы и причудливые красочные разводья анютиных глазок так свежи и ярки, будто эти растения только что сорваны с клумбы.

На этикетке, приклеенной к подставке колбочки с примулой, написано: «Работа ученицы 7-го класса 3-й женской средней школы города Калуги Ольги Боушевой». На колбочке с анютиными глазками: «Работа ученицы 7-го класса Зои Докиной».

В кабинете биологии этой школы можно увидеть много таких невянущих цветов под стеклянными колбочками. Это все работы юннатов школы, которых преподаватель биологии Петр Прокофьевич Степанов обучил особому способу сохранения цветов.

Цветы, которые вы видите, не живые. Они высушены, но так, что полностью сохранили и форму и цвет. Высушены они в песке, способом давно известным, но практически редко применявшимся, быть может, потому, что никто не догадался использовать для сохранения высушенных растений... электрическую лампочку. Да, стеклянный колпачок, под которым помещены цветы, — это обычная перегоревшая электрическая лампочка, у которой отрезана ее узкая часть. Лампочка не пустотная, в ней заключено небольшое количество воздуха. Но так как постоянный приток воздуха и микроорганизмов в лампочку прегражден, то цветок не подвергается гниению, он не вянет.

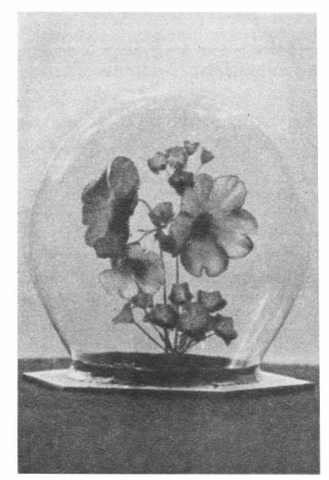
Невянущие цветы — это не только ценное наглядное пособие. Махровая роза, хранящая зимой всю пышность своего летнего великолепия, цветущая яблоневая ветка, напоминающая о неповторимой весенней поре,— разве не явились бы они замечательным украшением комнаты?

Как же изготовить невянущие цветы?

Песок применяется самый мелкий, тщательно просеянный и прокаленный на огне, чтобы в нем не оставалось органических частичек, способных гнить. В бумажный мешочек насыпается немного песка. Сорванный цветок укрепляется в нем. Потом медленно и осторожно (удобно через резиновый шланг) в мешочек добавляют песок, пока, вырастая горкой со дна кулька, он не закроет целиком весь цветок. Сушка происходит при температуре 30—35 градусов. Удобнее ее проводить в сушильном шкафу, а если нет его,— над источником тепла: электроплиткой, керосинкой и т. д. Время сушки зависит от влажности цветка, от его массы.

Разрезку электрической лампочки калужские школьники производят с помощью обычной электроплитки. Спираль плитки в каком-нибудь месте оттягивается, и из выпрямленной проволоки делается кольцо. Если это кольцо наложить на электролампочку и включить плитку, то через несколько секунд раскаленная проволока разрезает стекло.

Когда цветок высушен, его осторожно освобождают от песка и проделывают следующие операции (возможно быстрее, чтобы цветок наименьшее время находился на открытом воздухе): конец стебля обмакивают в расплавленный битум; каплей битума прикрепляют цветок к пластинке, вырезанной из обычного оконного стекла; стекло с прикрепленным к нему цветком накрывают приготовленным из лампочки колпаком. Перед тем, как наложить колпак, его нагревают над плиткой, чтобы в нем осталось возможно меньше воздуха. Стык между колпаком и подставкой тщательно, в несколько слоев промазывают битумом. Затем окрашивают или густой масляной краской или лаком. Герметичность должна быть полной.

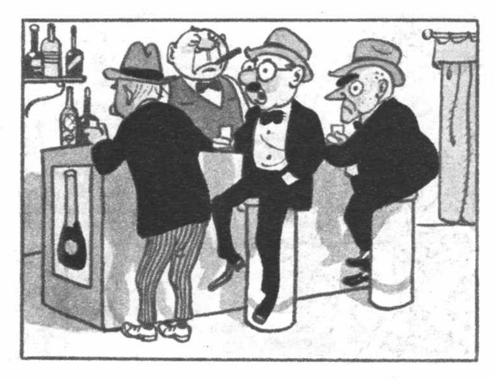

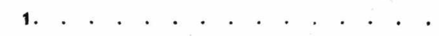
Инициатива юных калужских натуралистов с успехом может быть применена не только в школах, но и в домах пионеров, в клубах.

А. ГРАНЕВ

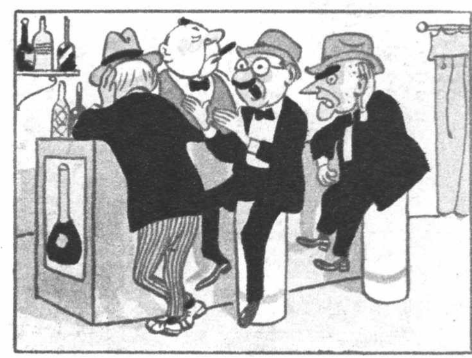
Их образ жизни

ДЕТЕКТИВНАЯ ИСТОРИЯ В ШЕСТИ КАРТИНАХ

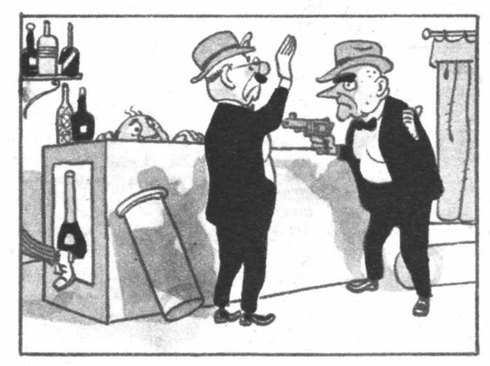

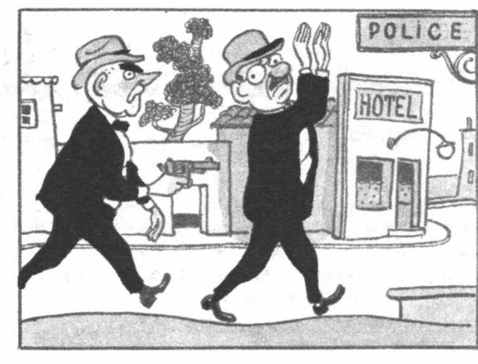
1. . . . .

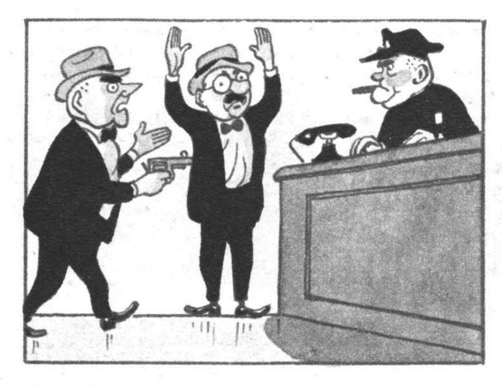
2. . . . .

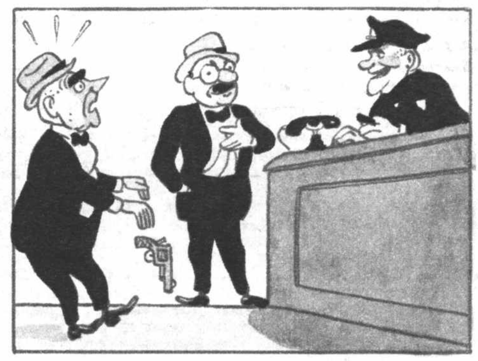
3. . . . .

4. . . . .

5. — Начальник, мне удалось задержать атамана шайки бандитов! Я подслушал, как он хвастал, что закупил большую партию пистолетов, кинжалов, кастетов, полумасок, наборов отмычек...

6. — Сэр! Произошло недоразумение. Я рассказывал о новейших моделях детских игрушек, приобретенных мною для своего магазина.

Рисунки Ю. Ганфа.

«ЛЮБИТЕЛИ ПЕНИЯ».

Рисунки Ю. Узбякова.

Вольная русская типография

Медаль в память десятилетия Вольной русской типографии. Выполнена известным медальером К. Винером по заказу лондонского издателя-книгопродавца Трюбнера. На лицевой стороне ее изображен колокол с надписями: «Земля и воля» и «Vivos voco!». Звезда на колоколе означает полярную звезду, именем которой названы изданные Герценом сборники. Кругом надпись: «First decenium of the free russian press in London» («Первое десятилетие вольной русской типографии в Лондоне»). На оборотной стороне — профиль Герцена с указанием его имени и фамилии, а также фамилии медальера.

В 1847 году А. И. Герцен, с трудом вырвавшись из царской России, уехал за границу. Но, оторванный от России, он отдал все свои силы борьбе с самодержавием и крепостничеством.

Сто лет назад Герцен основал в Лондоне первую Вольную русскую типографию. Извещая об открытии типографии, он в письме в редакцию «Польского демократа» заявлял: «Основание русской типографии в Лондоне является делом наиболее практически революционным, какое только русский может предпринять в ожидании исполнения лучших дел».

Типография была вполне оборудована — по выражению Герцена, «взошла в действие» — 22 июня 1853 года. Как курьез интересно отметить, что шрифт для нее был отлит парижской словолитней Дидо такой же, какой эта фирма изготовила для петербургских казенных типографий. Это дало повод Герцену в шутку называть свою типографию «имперской и революционной».

Первыми изданиями, напечатанными в Вольной русской типографии, были две листовки, написанные Герценом: «Юрьев день...», посвященная вопросу об освобождении крестьян от крепостной зависимости, и «Поляки прощают нас!» — призыв к русскому обществу помочь полякам в общей борьбе «за нашу и их вольность». Затем вышла брошюра Герцена «Крещеная собственность» — красноречивый памфлет против крепостного права. Эпиграфом к брошюре поставлены слова, по преданию, сказанные Пугачевым: «Я не ворон, а вороненок; настоящий ворон еще летает в поднебесьи».

Кипучая деятельность типографии началась с 1855 года, когда Герценом был напечатан первый сборник «Полярная звезда», названный так в память декабристов Рылеева и Бестужева, издававших альманах с таким же названием. В нем впервые было опубликовано знаменитое письмо Белинского к Гоголю, до тех пор ходившее по рукам в многочисленных списках. Со станков Вольной типографии вышли в свет и первые издания записок декабристов — Якушкина, Трубецкого, Пущина.

Материал на современные темы, в изобилии получаемый Герценом из России, заставил его предпринять другое издание, исключительно посвященное вопросу освобождения крестьян, — «Голоса из России».

Несмотря на то, что царское правительство принимало самые энергичные меры против распространения герценовских изданий в России, они проникали через все рогатки цензуры, сквозь всюду раскинутые сети охранки. Особенно широкое распространение получил журнал «Колокол», выходивший с 1857 по 1867 год. С его страниц громко звучали призывы к борьбе с крепостничеством и самодержавием. Через своих многочисленных корреспондентов Герцен был отлично осведомлен обо всем происходившем в России. Каждая статья, каждая короткая заметка «Колокола» разоблачала гниль и мерзость самодержавного строя.

Грозный звон «Колокола» был слышен по всей стране. По словам современника, «не было дома, в котором не было бы «Колокола». Авторитет этого нелегального журнала был огромен. Один из друзей Герцена в 1858 году писал ему: «Твоим «Колоколом» грозят властям. Что скажет «Колокол»? Как отзовется «Колокол»? Вот вопрос, который задают себе все, и этого отзыва страшатся министры и чиновники всех классов». В этих словах не было преувеличения. Известен такой случай: однажды управление императорских театров не доплатило актерам следуемых им денег. Требования актеров, угрозы жаловаться начальству — ничего не помогло. «В таком случае нам остается пожаловаться в «Колокол», — смело сказал знаменитый актер М. С. Щепкин. И эта угроза испугала чиновников управления — деньги были уплачены.

В 1865 году Герцен перевел свою типографию в Женеву и передал ее в собственность польскому эмигранту Л. Чернецкому,— он работал в ней со дня ее основания метранпажем. Деятельность первой Вольной русской типографии прекратилась в 1867 году.

Н. АШУКИН

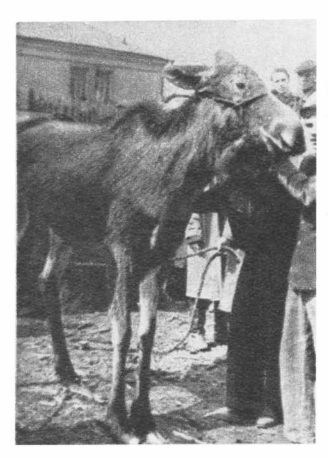
Из почты «Огонька»

Лось в центре города

В Удмуртии много лесов. В болотистых, лесных трущобах, в густых кустарниковых зарослях по берегам рек, в мелколесье, на старых вырубках часто можно встретить быстроногого красавца-лося.

Иногда эти обитатели лесов забегают в населенные пункты. А недавно один из лосей появился в центре города Ижевска — столицы республики.

Сначала лося заметили, когда он плыл от южного берега пруда, омывающего значительную часть города, к северному. Стоял утренний туман, и пловец «сбился с курса». Он выплыл правее парка — к прибрежным домам Пушкинского поселка. Здесь, на пристани, рабочие ожидали катера. Лось повернул обратно и, проплыв с километр, хотел выбраться на восточный берег, но его, видимо, напугала проходившая поблизости моторная лодка. Животное поплыло к плотине пруда. Выбравшись

наконец на берег, лось перемахнул через высокий забор ТЭЦ, затем прыгнул обратно и, выбившись из сил, остановился около пароходной пристани — в наиболее людной части города.

Усталый, ошеломленный необычной обстановкой, лось без сопротивления позволил работникам местного Управления охотничьего хозяйства опутать себя веревками и погрузить на автомашину.

Машина с лесным гостем отправилась за город. В лесной чаще машину остановили. Зверь, освобожденный от веревок, легко выпрыгнул из кузова и скрылся в зарослях.

В. КИРИЛЛОВ

Ижевск.

Фото М. Попова.

В этом номере на вкладках: репродукции картин Ф. А. Васильева «Перед дождем», А. И. Куинджи «Освещенный луг», И. И. Левитана «Вечер на Волге», «Пасмурный день», «Баржи на Волге», И. П. Похитонова «Зима в Белоруссии» и четыре страницы цветных фотографий.

Отвечаем читателям

Реки, текущие вспять

Читатель «Огонька» В. А. Никитин интересуется: «Почему река Сухона, протекающая в Вологодской области, во время весеннего половодья несколько суток течет в обратном направлении?» Он спрашивает также: «Наблюдается ли подобное явление на других реках?»

Мы обратились за разъяснениями в Институт географии Академии наук СССР. Старший научный сотрудник института, кандидат географических наук В. Е. Иогансон сообщила:

— Обратное течение рек на отдельных участках — явление временное и вызывается быстрым подъемом воды во время половодья. Воды главной реки, разливаясь, создают препятствие — подпор — для течения в устьях притоков, если они имеют малые уклоны. В результате притоки в нижних участках поворачивают вспять. Подобное явление наблюдается на реке Пахре — притоке Москвы-реки, на реке Припяти — притоке Днепра — и на некоторых других реках.

Бывает, что сосредоточенные на коротком участке главной реки притоки, вскрываясь раньше, подпирают ее воды и главная река выше их впадения начинает течь в обратную сторону. Так именно происходит на реке Сухоне, выше того места, где в нее впадают реки Вологда и Лежа. То же наблюдается на среднем течении Волхова, выше притоков Пчевжи, Оскуя, Тигоды.

Нагон воды в устье реки с моря, вызванный ветром, также создает обратное течение. Примером этого может служить Нева. Происходящий под действием нагонного ветра подъем воды в ее устье является причиной ленинградских наводнений.

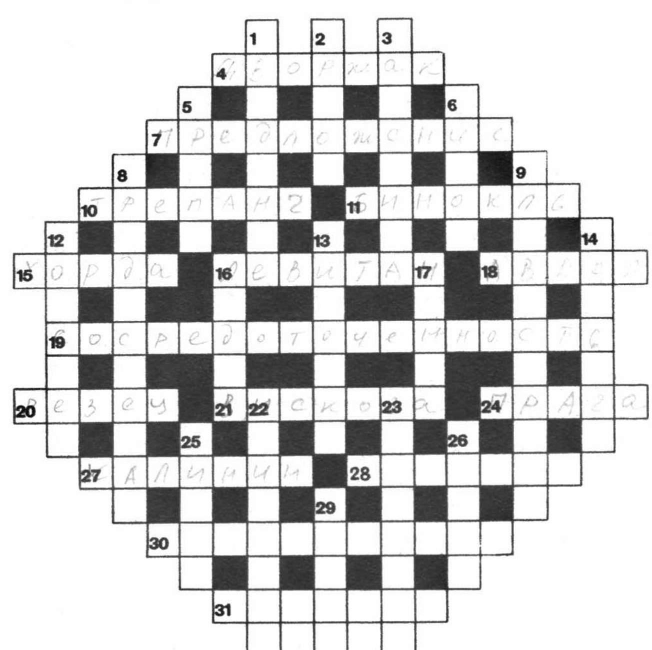
КРОССВОРД

По горизонтали:

4. Великий чешский композитор. 7. Пьеса А. П. Чехова. 10. Морское животное. 11. Оптический прибор. 15. Прямая, соединяющая две точки кривой линии. 16. Русский пейзажист. 18. Работа на судне всей командой. 19. Углубленное, напряженное внимание. 20. Устройство для обработки металла. 21. Искусственный шелк. 24. Столица народной республики. 27. Город в Белорусской ССР. 28. Остроумное выражение. 30. Видоизменение. 31. Приток Енисея.

По вертикали:

1. Известие, сообщение. 2. Чтец, народный артист РСФСР. 3. Героиня романа Льва Толстого. 5. Лущеное зерно. 6. Архитектурное сооружение. 8. Вводная статья. 9. Творчество, выражающееся в устном и письменном слове. 12. Русский писатель. 13. Местопребывание полярников. 14. Кустарниковая ива. 16. Русский композитор. 17. Героиня одной из «Сказок об Италии» М. Горького. 22. Учебное заведение или научное учреждение. 23. Род рисунка. 25. Одно из времен года. 26. Вооруженные силы государства. 29. Сторожевой отряд.

Ответы на кроссворд, напечатанный в № 24.

По горизонтали:

3. Пробег. 5. Байрон. 8. Вереск. 10. Чикаго. 11. Устрица. 12. Ломонос. 15. Октаэдр. 17. Власова. 18. Прииск. 19. Рапорт. 22. Хроника. 25. Голавль. 26. «Анджело». 28. Банкнот. 30. Ариозо. 31. Оттиск. 32. Глагол. 33. Линкор.

По вертикали:

1. Беркутов. 2. Камчатка. 3. Предлог. 4. Орех. 6. Река. 7. Награда. 9. Артист. 13. Острога. 14. Слесарь. 15. Овчарка. 16. Абордаж. 20. Сноска. 21. Носорог. 22. Хлебосол. 23. Анатомия. 24. Глиссер. 27. Роза. 29. Уто́к.

Главный редактор — А. А. СУРКОВ.

Редакционная коллегия: Б. С. БУРКОВ (зам. главного редактора), А. С. ВАРШАВСКИЙ, В. С. КЛИМАШИН (зам. главного редактора), Е. Н. ЛОГИНОВА, М. В. МАРИНА, Б. Н. ПОЛЕВОЙ, Н. С. ЩЕРБИНОВСКИЙ.

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61.

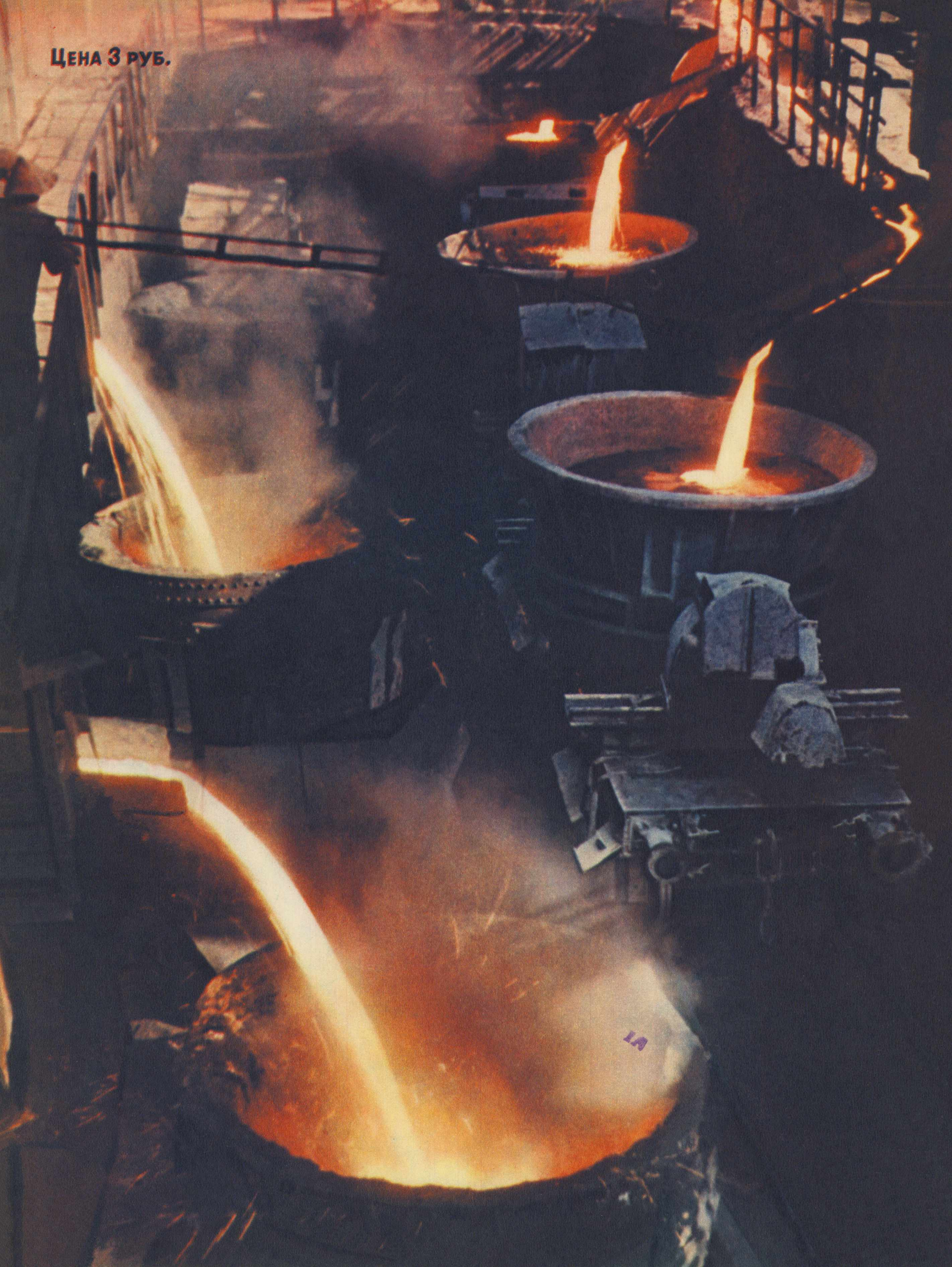
Оформление И. Уразова.

А 02831. Подп. к печ. 15/VI 1953 г. Формат бум. 70×108⅛. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 550 000. Изд. № 489. Заказ 1354. Рукописи не возвращаются.

Типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

На полях Молдавии. Уборка люцерны широкозахватной сенокосилкой. Фото Я. Рюмкина.

Цена 3 руб.